

Алексей Плужников

ГДЕ-ТО В ТЪМАТАРАКАНСКОЙ ЕПАРХИИ

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I. ЕПАРХИЯ В ЛИЦАХ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

ТРЕТЬЕ ЛИЦО ЕПАРХИИ

МИТРОПОЛИТ

АРХИЕРЕЙСКАЯ СВОЛОЧЬ

НА СОРОКОУСТЕ В КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРЕ

ФЕДЯ

ЕПАРХИАЛЬНЫЕ МОНАХИ

НАТУРАЛЬНЫЙ СТАРЕЦ

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ

КЛАДБИЩЕНСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

ДОБРЫЙ БАТЮШКА

ПОДРЯСНИК

СВЯЩЕННИК И МОЛИТВА

ЧАСТЬ II. ПРИХОДСКИЕ АНЕКДОТЫ

НЕ ОБВОРУЙ, НЕ ОБРУГАЙ И... НЕ ОБЕССУДЬ!

ЗАВЕЛИ ТУТ ЧТО-ТО НЕПОНЯТНОЕ: «ЕВАНГЕЛИЕ», «ХРИСТОС» — КАК
БАПТИСТ КАКОЙ-ТО!

И ЛАДАНКУ В ТАЙНОЕ МЕСТО СПРЯТАТЬ!..

БАТЮШКА, А КТО ТАКИЕ «ЕЖИКИ В КУБЕ»?

ЧАСТЬ III. ИРОНИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

КАК СТАТЬ ЗНАМЕНЫТЫМ ПРАВОСЛАВНЫМ ПИСАТЕЛЕМ

КОНЬ ВО СПАСЕНИЕ

ИСПОВЕДЬ БАТЮШКИ-ВОРА

ТРИ СВЯТИТЕЛЯ

ПАСХАЛЬНЫЙ КУЛИЧИК

ИСКУШЕНИЕ СТАРЦА ВИННИПУХИЯ

ЗЛОВЕЩЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ НА КРЫШЕ

ГЛАМУРНЫЕ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

НАШЕСТВИЕ ПОКЕМОНОВ

ОДНАЖДЫ В ТЪМАТАРАКАНИ

ЧАСТЬ I. ЕПАРХИЯ В ЛИЦАХ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Автор этой книги сам бывший священник. Около 12 лет автор провел в системе епархиальной жизни РПЦ в качестве алтарника, рядового священника и настоятеля прихода.

Это взгляд назад, взгляд бывшего, на ту жизнь, которая сначала виделась в розовом свете, но потом туман рассеивался, и проступала просто жизнь во всей ее естественности — порой красоте, иногда неприглядности.

Все написанное — это не критика Церкви, религии, веры или «нехороших попов»: автору одинаково далеки как православные фанатики, утверждающие, что всё в Церкви хорошо и свято по определению, так и малограмотные антиклерикалы, слышавшие краем уха о «попах на мерседесах» и «исчезающих часах» патриарха. Но эти истории можно считать критическим взглядом на систему церковной жизни в России, на то, как система постепенно и исподволь ломает людей и извращает все доброе, что было внутри нее. Это попытка трезвого и спокойного рассказа о том, какова внутрисистемная жизнь РПЦ в ее обыденности на примере обобщенной епархии.

Истории, собранные здесь, как принято говорить, «основаны на реальных событиях», но автор не желает оскорблять чьи-то чувства или обвинять кого-то (ибо и сам безмерно далек от святости и безгрешности): все имена изменены (кроме патриарха Кирилла и протоиерея Василия Швецца), кое-что додумано, герои книги отличаются от прототипов так же, как люди отличаются от портретов, икон или карикатур — все зависит от субъективной

точки зрения. Читатели могут даже считать этот текст художественным, но написанным с натуры. Поэтому и названа книга — «Где-то в Тьматараканской епархии», в месте, которого нет, но которое похоже на настоящее.

Автор лишь хочет, чтобы каждый читающий книгу понял один простой факт, от которого отворачиваются фанатики всех видов: люди – это просто люди, хоть внутри Церкви, хоть вне нее. Люди гораздо сложнее, чем сан, должность или одежда, которые они носят. И люди заслуживают снисхождения (но и критиковать их/наши поступки тоже можно).

И второй факт, не менее важный: система не должна быть ценнее человека, особенно это важно для веры. Иначе Христова Церковь превращается в ЗАО РПЦ – и вот это превращение снисходительности не заслуживает.

ТРЕТЬЕ ЛИЦО ЕПАРХИИ

Пролог

Я вышел из дома и сделал несколько шагов, потом остановился, поколебался и пошел быстро в противоположном направлении.

Таких моментов в жизни бывает немного, и они запоминаются навсегда: моменты, когда ты круто развернул ход своей жизни – судьба или промысл Божий: каждый понимает, как хочет.

Работал я в храме – работал недолго, всего месяц. В город вернулся, отрубив 2 года «срочной службы» – учителем в сельской школе (тогда еще давали отсрочку за этот подвиг). И подвиг был нехилый – я уже сомневался: может, лучше было сходить на год в армию?..

Но теперь была новая отсрочка, на три года, в связи с рождением ребенка, а там уже и 27 стукнет, армии можно было больше не опасаться. Пора было исполнить задуманное: нет – лелеянное, мечтаемое (вам не понять, если вы не были юношей-неофитом, горящим «послужить Богу у престола»).

Да, очень хотелось рукоположиться. Год заочки в духовном училище уже прошел, остался еще год – но эта «учеба» не проблема для того, кто закончил педагогический.

Но надо было поработать в каком-нибудь храме, чтобы получить рекомендацию от настоятеля. Желательно, чтобы настоятель был весомой фигурой — для ускорения процесса.

Конечно, у меня был духовник – иеромонах Виктор из единственного в городе мужского монастыря, человек известный, грамотный, сам выпускник пединститута. Но духовник рекомендацию не давал, уклончиво объяснив, что «ты ж два года был в деревне – я тебя не видел... Пусть рекомендацию даст отец Герасим».

Отец Герасим, настоятель деревенского храма, который я два года посещал, помогал батюшке всем, чем мог, начиная от мелких хозяйственных дел, заканчивая ведением воскресной школы, рекомендацию из вредности (вернее, гадства) не давал: «Пусть тебе духовник дает!» — ухмылялся он.

— Пойди к отцу Петру, — нашел выход из положения духовник, — он благочинный, у него несколько храмов и часовен, найдется тебе место.

Я чтил своего духовника, считал его советы благословением, и не раз убеждался, что надо поступать по этому благословию – и все будет хорошо и правильно. Но по благословию не поступил: побоялся. Идти в новое место к неизвестному и страшному Благочинному, брр... И пошел работать в храм к отцу Виталию.

Отца Виталия я видел до этого один раз – тот венчал однокурсницу, а я был на венчании фотографом. Отец Виталий произвел впечатление добряка, благодушного шутника, да и черная борода до груди тоже впечатляла.

Но в пономари меня он не взял, а предложил устроиться в техникум преподавателем православия, вроде как от прихода. А пока я должен был устраиваться, мне милостиво разрешили работать в храме. Как раз и работа подвернулась: покраска иконостаса.

Иконы в иконостасе были писанные, вокруг них белый фанерный фон, позолоченные столбы – всё это настоятель поручил красить некоему дяде со стороны, маляру, а я должен был помогать дяде. Оплата обещалась.

Недели три я добросовестно лазал по лесенкам и мазал маленькой кисточкой иконостас, трясясь от мысли капнуть краской на иконы (небось, бешеных денег стоят!).

Наконец работа закончилась. Дядя-маляр сказал, что ему за работу обещали две тыщи. Так как я работал не меньше дяди, то понадеялся, что и сам получу, может, не две, но хоть полторы.

Но как только встал вопрос о деньгах – настоятель испарился. Вот просто исчез с горизонта, и даже его «Волга» не появлялась. Я каждый день

смиренно приезжал в храм, помогал по уборке, ждал настоятеля. Настоятеля не было. Вопрос о деньгах был передан через церковную лавку. Тишина.

Потом настоятель появился на всенощной: быстро влетел в храм, благословил наспех, зыркнул глазом и влетел в алтарь. После службы так же стремительно исчез, не дав возможности задать вопрос о зарплате. В воскресенье литургия перешла в молебен, потом намечались крестины, венчание... Отложил всё до понедельника. В понедельник настоятель попался, но услышав про деньги, вскинул брови, нервно огладил бороду, затем обратился к лавочнице. Та порылась в кассе и сунула ему бумажки.

— Ну вот, на, — с сожалением о моем наглом сребролюбии отец Виталий протянул мне 500 рублей.

Стало обидно. Эта обида грызла и на следующий день, когда утром я встал и вышел на улицу. Но тут в голове всплыло благословение духовника: «Иди к отцу Петру». Я развернулся и пошел навстречу судьбе.

Встреча

Храм, где служил отец Петр, был огромным. По той простой причине, что был кинотеатром. Причем летним — с тонкими стенами и крышей, плохим отоплением. Зато мог вместить в себя не одну сотню прихожан.

Я вошел в полутемный храм и спросил отца настоятеля. Мне указали на фанерную дверку, за ней был крохотный темный закуток, из которого наверх вела крутая лестница, на клирос. Под лестницей приютилась бухгалтерша, которая приветливо улыбнулась. Напротив, еще за одной фанерной дверкой был кабинет настоятеля.

— Войдите!

В кабинете, освященном только тусклой лампой, стоял стол, на столе компьютер, за столом сидели два священника — один высокий и с большим животом, второй — маленький и тощенький. Больше в кабинете ничего не помещалось, мне пришлось так и остаться на пороге. В нескольких словах я объяснил свое положение, происхождение, образование, упомянул, что прийти сюда мне рекомендовал иеромонах Виктор. Отец Петр благосклонно кивнул:

— А, отец Виктор! Это хорошо, что от него, — как он поживает?

Потом отец Петр призадумался, поглядел на меня оценивающе и сходу ошаршил:

— А хотите быть у нас священником? Нам как раз не хватает еще одного — вот Вы бы и пригодились!

«Вот оно — благословение! — мелькнула у меня в голове духовная мысль. — Надо было сразу послушаться духовника — тот зря ведь не скажет! Явно от Бога это!»

— Да, конечно... — я еще не пришел в себя.

— Ну и хорошо, — подытожил как само собой разумеющееся отец Петр. — Конечно, это не сразу, Вам еще доучиться надо, поработать в храме, но насчет хиротонии не беспокойтесь — я третье лицо в епархии! — сказал он значительно, и внимательно посмотрел сквозь очки. Я слегка поежился.

Через некоторое время отец Петр познакомил меня со вторым лицом епархии, отцом Никитой — ключарем собора, сорокалетним здоровяком-дзюдоистом, с животом, крепким как пушечное ядро. Тот стремительно перекачивался по епархиальному управлению, устраивая свои дела и дела друзей. Я был принят благодушно, так что дело с первым лицом было почти решенное.

Храм

На работу меня взяли официально — в трудовую книжку записали помощником настоятеля. В храм я летал как на праздник: с 8.00 до 18.00 в будни, суббота-воскресенье — до конца службы и еще позже (в субботу часто до 21-22.00, в воскресенье с 7.00), понедельник — выходной.

Платил отец настоятель щедро — 50 рублей в день. Год был 2002-й. Но я на судьбу не роптал: жили с женой и младенцем в половине дома моей бабушки, кушали полтавку и мойву, а тут даже кормили в храме и с собой кое-что в сумочку накладывали с кануна. Грех жаловаться, тем более такая благодать — служить в храме.

Даже подрабатывать отец Петр давал: в ведении благочинного был еще один небольшой храм, строящийся, вернее, это был старенький домик, который обкладывался кирпичом. На пару недель я был отправлен туда помощником: один мужик клал стену, а я таскал ведро за ведром песок из ямы, месил раствор, подносил кирпичи. С восьми утра и до вечера, часто работали и потемну. Поздней, почти морозной осенью. Но аж за сто рублей в день. (С учетом того, что в школе я первый год работы на полную ставку (18 часов) получал всего лишь 600 рублей в месяц, то грех было жаловаться — с голоду не умирали, хоть и работать приходилось по 60 часов в неделю. Благодать держала на ногах.)

Храм я очень любил. Любой храм, даже кинотеатрошный. Мне никогда было не понять рассуждений людей на тему «ну как можно ходить молиться в кинотеатр?! Тут же кино крутили, а теперь храм?!» Нет, храм был настоящий, пусть бедный, с фанерным иконостасом, но литургия была настоящая, хор пел, ладаном чудесно пахло... А вскоре меня взяли в алтарь пономарем.

Это было счастье. Кто этого не проходил, тому не понять: когда ты голоден, нищ, разут, раздет, когда тебя нещадно эксплуатируют, но ты счастлив быть соучастником службы, ты пылесосишь алтарь, протираешь иконы, чистишь кадило (о, какой кайф чистить кадило!).

А потом... Потом ты подаешь это кадило на службе, выходишь со свечой, первый раз надеваешь заляпанный воском стихарь и чувствуешь себя аки ангел... А потом, потом ты впервые выходишь и читаешь шестопсалмие, Апостол. И прихожане смотрят на тебя с уважением, раскланиваются, считают тебя почтичтобатюшкой, порой и совета спрашивают: куда пройти, куда свечку поставить, какую книгу почитать, как к батюшке подойти... Много ли надо для счастья?..

Для счастья не много. Но счастье оказывается часто уделом слепых и наивных. А вот когда глаза открываются, то счастье потихоньку улетучивается.

Наружность отца Петра

Отец Петр – личность примечательная. Хотя бы потому, что родом он из Уругвая. Так-то он украинец по происхождению, но родился и до двенадцати лет жил на другой стороне мира. Почему его родители решили в середине шестидесятых вернуться в Союз – я так и не узнал.

В пятьдесят лет отец Петр выглядел на семьдесят: совершенно седой, голова почти лысая, но из остатков волос сделан довольно длинный жиденький хвост, солидная борода, солиднейший живот, очки. Кожа, особенно на руках, дряблая: по его словам, он в детстве сильно болел и его пичкали какими-то мощнейшими лекарствами. С тех пор здоровье его было сильно подорвано.

Внешность на первый взгляд (и отец Петр изо всех сил поддерживал этот взгляд) вполне интеллигентная: мудрый взгляд сквозь очки, любовь к книгам, любовь к долгим беседам с прихожанами — и один на один, и в проповедях.

Ходил отец Петр в жутко мятом застиранном подряснике, который был перекошен, задирался при ходьбе, на ногах растоптанные боты «прощай молодость», сверху или старенькая тужурка, или синяя кофта, к которой он

питал большую привязанность. Да, скуфейки тоже были зачуханные, старенькие. (Правда, потом я один раз оказался дома у отца Петра и увидел, что у того достаточно новых подрясников и ряс.)

В общем, вид почти патриарха Павла Сербского из трамвая. Вот только отец благочинный никогда не пользовался в то время трамваем, а всегда передвигался на личном авто. За год совместного бытия я увидел, как «Жигули» отца благочинного плавно превратились в «Ладу» последней модели, а вскоре в «Рено Логан» (говорили, что Рено отец Петр купил у другого благочинного, казначея епархии, своего дружка, когда тот сменил Рено на Хёндай).

Когда одна нахальная прихожанка с диагнозом МДП прямо спросила отца Петра: «Откуда авто?» – тот сначала рассказал историю «теща подарила», а потом сменил версию на: «когда я болел и лежал в больнице, то прихожане стали навещать и деньги нести...»

Образование у отца Петра тоже было. Судя по тому, что когда-то он работал преподавателем ОБЖ в техникуме. А в описываемый период как раз начался спущенный сверху массовый психоз обязательного семинарского образования всех без исключения попов. Поэтому отец Петр в числе первых стал учиться в местном православном институте, состоящем из двух факультетов: богословского и регентского. Учиться попы пошли заочно, за приличные деньги в кассу епархии. Разумеется, настоятели – за счет приходов, обычные попы – за свой собственный. Абсурд дошел до того, что в институте стал учиться (благо, с третьего курса)... протоиерей, декан богословского факультета – доктор философских наук.

Отец Петр очень трепетно относился к своему статусу образованного. Второй священник был с высшим образованием, умный, но инженер и шибздик, а третий – вообще парень-простота с образованием 8 классов.

Важный момент: у отца Петра был мобильник – маленький, красный, стильный. Ага, чего ж такого, спросят современные вьюноши – но в 2002-м всё только начиналось, мобилы были редкостью, тарифы разорительными. Однажды на встрече с учителями, когда отец Петр гневно что-то вещал по поводу того, что люди не чтут Димитровскую родительскую поминальную субботу, и стучал кулаком по столу, у него зазвонило в кармане. Учителя удивленно вытаращились, а он улыбнулся, достал телефон и, извинившись, вышел поговорить в другую комнату, но так, чтобы его было видно, но не слышно. Потом вернулся и пояснил наличие роскоши: «Я же церковный чиновник – мне положено».

Да, в то время в епархии попам велели свои мобилы, у кого есть (а у кого нет — завести), держать только в одной конторе и на едином корпоративном тарифе. Я был свидетелем, как отец Петр выговаривал второму священнику за то, что тот предал корпоративность, и завел себе симку в другой компании.

Со мной тоже потом была анекдотичная история, связанная с телефоном: став недавно попом, я сидел на лавке около храма и болтал с пономарем. В это время из храма вышла работница лавки и передала мне радиотелефон, которым пользовались на приходе: большую черную трубку с антенной. Мимо проходил алкаш, который посмотрел и плюнул: «Ишь, поп с мобильником сидит!»

И напоследок про внешность отца Петра: женщины млели от него. Что-то такое было в нем, некая ха'ризма (как говаривал наш митрополит), что они преклонялись перед ним и заглядывали в рот. Отец Петр в ответ женщин презирал, обращался часто с ними высокомерно и грубовато. Но они млели еще больше и дарили ему на праздники домашние тапочки.

Храмы отца Петра

Отца Петра рукоположили в конце девяностых. Служить он начал на маленьком приходике: город был с большим частным сектором, где жизнь была полудеревенская: все свои, всё своё. Вот в таком поселочке и начал он свою карьеру. Старенький домик, бывший магазин, послевоенной постройки, внутри места человек на 50 максимум. Но уютно, по-домашнему, добрые щедрые старушки, пара мужиков, реальных помощников: один добряк с усами — глава местных казаков, другой — директор обувной фабрики. Именно они вкладывались средствами и своими руками в храм.

На приходе отец Петр развернул бурную деятельность: он привлек множество спонсоров, завел знакомства с вузами, фабриками. При одном предприятии открыл часовню, потом рядом с обувной фабрикой открыл еще одну часовню: у фабрики там стоял торговый вагончик. Однажды он выгорел внутри — и его подарили приходу. Потом открыл часовню при онкоцентре — там всем рулила вдоскуправославная главврачиха.

Конец девяностых — время духовного голода, поэтому отец Петр открыл в городе несколько книжных точек с большим выбором православной литературы. Дела шли неплохо. Правда, куда они шли — знал только он сам.

Вскоре отец Петр нашел себе будущего второго священника — Макара, инженера, щупленького интеллигентика, честного и порядочного, но

послушного и трусоватого. Макар начал со стояния с кружкой в переходах, но вскоре его рукоположили.

Но отцу Петру не нравилось быть мелкопоместным настоятелем. Он метил выше. Его друзья уже были кто ключарем собора, кто благочинным, кто ревизором епархии, кто просто настоятелем большого храма. Отцу Петру тоже хотелось. Тем более подходящий храм был под боком – в этом же районе, на соседней остановке, да еще в остановке от собственного проживания.

И настоятель в этом храме был подходящий – знаменитый отец Илия, который открыл тот приход в кинотеатре и сам полностью соответствовал имени пророка. Отец Илия был старец. Самый натуральный – высокого роста, с огромной седой бородой до пупа, с широченными черными бровями, с взглядом, метающим молнии, с речью, потрясающей до глубин благочестия. Он вскоре даже сказал своей матушке аминь и принял постриг, став иеромонахом. Но, по слухам, остался жить вместе с бывшей матушкой в одной квартире.

Отец Илия вместе с прихожанами сделал из кинотеатра храм: они выровняли пол, который располагался амфитеатром (прихожане вспоминали, что ведрами перетаскали десятки тонн земли), настелили полы, сделали художественно лавку, клирос, алтарь. Пристроили котельную, сделали кухню, провели отопление. Храм стал храмом. Прихожан было битком, отец Илия зажигал сердца людей, вместе с прихожанами делал множество добрых дел: собирали продукты для бедных, раздавали деньги нуждающимся, поддерживали скорбящих, окормляли больных, заключенных...

Но отец Илия сам себе копал яму: он начал старчествовать, пророчествовать, потрясать основы. Служить он не умел – был довольно малограмотным. Говорили, что служил он чуть ли не по-архиерейски: не выходил на великий вход, а сразу Дары проносил от жертвенника к престолу, благословлял двумя руками, служил всегда с открытыми царскими вратами, по всей видимости, вообще плохо разбирался в служебнике и в церковнославянском.

Но суть была не в этом. С принятием монашества старца Илию сорвало с катушек: он стал самочинно постригать людей, устроил где-то свой собственный скит, заставлял людей разводиться, сходиться, продавать квартиры, переезжать в скит, начал бороться с ИНН и паспортами.

Отец Петр всё это знал, поэтому в определенный момент то ли сам, то ли через дружков, вхожих к архиерею (хотя он и сам был уже вхож), свалил отца

Илию, которого перевели под надзор в монастырь, а храм достался отцу Петру.

Кстати, надзор отцу Илию не пришелся по душе, он бунтовал и там. А вскорости владыке пришло письмо от каких-то прихожан, которые выдали всю правду о старце. Особенно владыку разозлил факт, что тот разрушал семьи, самовольно совершал постриги. На епархиальном собрании владыка стал орать на старца, старец отверг все обвинения, обозвал авторшу письма ведьмой. Тогда архиерей затопал ногами в гневе:

— Клади крест! Я лишаю тебя сана и монашества! Пошел вон отсюда!

Старец развернулся и гордо вышел. Это было самое веселое епсобрание за все годы моего поповства.

Вскоре отец Илия уехал из области, осел где-то под Тамбовом в своем скиту, продолжил постриги и отъёмы квартир, стал самоархимандритом. Его повсюду знали: когда я был в паломничестве в Дивеево и на одной тропинке встретил каких-то людей, те, узнав из какой я епархии, сразу воскликнули с восторгом:

— А! Так у вас там есть отец Илия! Старец! Вы его знаете?

Итак, отец Петр занял второй приход, перебрался в него. Постепенно он стал благочинным, прихватил в соседнем районе еще один крупный, знаковый храм, завел себе третьего священника.

Поэтому, когда я пришел на приход, ситуация была такова: один благочинный-настоятель и два священника на храм-кинотеатр, плюс к ним маленький храм, с которого начинал отец Петр – там младшие священники служили по очереди, а отец Петр – по желанию, плюс большой храм в соседнем районе, настоятелем которого был отец Петр, но служили там другие попы, плюс три или четыре часовни, разбросанные по городу, по которым скакали, высунув языки, два младших священника. Поэтому отцу Петру был нужен еще один – так что я пришел вовремя в нужное место.

Священники отца Петра

Отец Макарь

Отец Петр сам нашел и сам рукоположил (ну, так он считал) двух своих священников. Оба ему вполне подходили, по крайней мере, сначала. С отцом Макаром он служил вместе (к моменту моего появления) уже года три, а отец Семен появился с год как. Кстати, у отца Петра за прошедшие годы в разное время проживали на приходе еще несколько ставленников. Но

у одного не сложилось из-за семейной ситуации, другой, мужчина в возрасте, жил при храме с женой и сыном-подростком в комнатке под крышей, там, откуда раньше крутили кино.

Как обычно, вся семья этого ставленника работала на отца Петра, делала всё, что можно, и даже больше. Но отношения не сложились, особенно из-за свободолюбивой жены ставленника, которая могла резать правду-матку в глаза и в уши. Я застал их незадолго до ухода — они поссорились с настоятелем, и он их выставил. Сначала я не мог понять, почему жена ставленника так косо и неприветливо смотрит на меня, неласково общается. Потом, когда этого человека рукоположили в другой храм, в области, я встречался с этой матушкой. Она честно призналась, что была уверена, что отец Петр назначил меня шпионить за ними... Я сначала изумился, но потом понял, что основания думать подобным образом у этих людей были.

Отец Макара был (да и есть) чудесным человеком: добряком, готовым отдать свое любому, честным до мозга костей, который ни копейки чужой не возьмет и не позарится. Он жил в то время в квартире тещи, с больной женой и тремя детьми, т.е. впятером в одной комнате. И не жаловался, только порой вздыхал.

С рукоположением Макара был интересный случай: когда отец Петр привел его к архиерею, тот спросил, где и когда Макара крестился. Оказалось, что крестился тот в детстве, 35 лет назад, в деревушке, где было сильно старообрядчество беспоповского толка. Крестила его какая-то бабка на дому. Владыка подумал и велел креститься заново: «аще не крещен». И так будущий поп, который к тому времени уже был обвенчан с супругой, несколько лет был активным христианином, регулярно причащающимся, вновь полез в купель, а потом сразу — в священники.

Я быстро подружился с отцом Макаром. Тот был крайне говорлив, причем монологично: отец Макара мог идти мимо, о чем-то размышляя, потом, увидев человека, подойти к нему, встать рядом и начать рассуждать о высоких материях духовной и церковной жизни, не заботясь, интересно ли сие слушателю. Мне было интересно, поэтому разговоры продолжались подолгу. Отец Макара тоже был большим поклонником Бердяева, митрополита Антония Сурожского, отцов Александра Шмемана, Александра Меня, Андрея Кураева — ну, вы понимаете. Мог и критиковать начальство — но только наедине со мной.

Отец Макара трепетал своего настоятеля, поэтому слушался беспрекословно. Например, однажды шла всенощная. Служил отец Макара. Служил, как

обычно, быстро, нервно, будто и на службе он не молился, а думал о возвышенном. После отпуска всеобщей отец Макара быстро скинул облачение, схватил требный чемоданчик и передал на клирос, чтобы первый час заканчивали без него.

Я тоже был на клиросе, челюсть у меня отвалилась: как это – хор заканчивает службу без попа?.. Но отец Макара уже умчался. Потом оказалось, что это был строгий приказ отца Петра: умер какой-то то ли браток, то ли буржуй, которого надо было срочно отпеть (в 8 часов вечера на дому), поэтому вариантов для отца Макара не было.

— Да, я понимаю, — виновато опускал глаза отец Макара, когда я с возмущением добивался от него, почему тот не послал настоятеля лесом. Покойник мог бы и подождать лишних 10 минут. — Но не могу: боюсь... Сам понимаю всё, сам недоволен, страдаю, но возразить просто язык не поворачивается, а тело само слушается...

Вскоре у отца Макара тяжело заболел сын, младенец. Операция – только в Москве и срочно. Пришлось ему вместе с больной матушкой лететь в столицу. Прожили они там два месяца. Всё это время настоятель задерживал работникам зарплату, объясняя на проповеди, что «мы же должны помочь отцу Макару». Прихожане, любящие интеллигентного батюшку, сами между собой собрали средства на помощь, передали через отца Петра.

Операцию ребенку сделали, но всё зря: младенец умер. Отец Макара вместе с супругой привезли тело сына домой и похоронили. Но отец Макара стал другим человеком. Хоть немного, но другим: он вернулся злой и всерьез обиженный.

— Помощь? Деньги?! Шутите? – отец Петр не прислал мне ни копейки! Мы приехали в чужой город, остановиться негде, денег нет – слава Богу, мне посоветовали обратиться к отцу Алексею (известному настоятелю больничного храма, занимающемуся церковной благотворительностью в Москве), тот устроил нас с жильем, помогал деньгами – только благодаря ему выжили!

Почему я не посоветовал отцу Макару пойти и набить морду отцу Петру или хотя бы устроить публичную разборку – я до сих пор не понимаю и сожалею. А отец Макара смирился и продолжил тянуть ляжку. К тому же матушка снова родила сына.

Отец Семен

Отец Семен был полной противоположностью отца Макара: молодой жизнерадостный весельчак, живущий по принципу «слава Богу за всё, особенно за обед!» В юности отец Семен был хулиган и проказник, а к Богу пришел, сидя в кутузке: «Сижу вот так я на нарах, и вдруг как будто свет меня прошиб: не хочу так жизнь закончить! Бог мне глаза открыл, я понял вмиг, что отныне должен Ему послужить».

Образования у отца Семена было с гулькин нос: восемь классов, писал с кучей ошибок. Проповедей от себя не говорил: всегда читал по какой-нибудь нравоучительной книжке. Но любил людей, общение, доброе застолье, смех – был душой компании. Прихожане сразу полюбили нового батюшку, если на исповедь – то к нему: он добрый, ласковый, свой, простой парень. Стали набиваться в духовные чады: батюшка не отказывался, так у тридцатилетнего отца появилось немало семидесятилетних чад. Отец Семен относился к себе с юмором, но порой и всерьез: твердо зная, что он недалек, в то же время давал чадам советы.

Но Бог миловал – в старцы парня не занесло. Может, из-за простодушия и радушия, а может потому, что однажды после праздничной службы (я был пономарем уже несколько месяцев), отцу Семену стало плохо, началась рвота, головные боли. Матушка погрешила на грибы, которые ее супруг ел накануне, но отцу становилось все хуже. Его увезли в больницу, диагноз всех поверг в шок – инсульт. В 30 лет.

Отец Семен попал по благу на излечение в онкоцентр, где была часовня, приписанная к приходу отца Петра, и главврачиха, богиня этого места. Всеми способами она напирала на молодого батюшку, что ему требуется срочная операция, у него сильные затемнения в коре мозга, и в любой момент может быть каюк. Да, от операции тоже может быть вред, но без нее никак. И тут отец Семен уперся:

— Положусь на Бога. Никакой операции.

Врачи и матушка рвали и метали («умрешь – на кого двоих детей?!»), но отца Семена оказалось не столкнуть:

— Буду молиться. Как Бог даст.

Бог дал: отец Семен медленно, но верно пошел на поправку. Настолько верно, что главврачиха подкатила к архиерею и благословила того оставить отца Семена настоятелем часовни при онкоцентре, независимым от отца Петра. Отец Семен, хоть и боялся богиню, но отца Петра боялся еще больше, свобода и оклад от больницы перевесили. И он ушел, оставив отца Петра

злиться (тот лишился враз и священника, и часовни), и при этом открыв дорогу для моего срочного рукоположения.

С отцом Семеном впоследствии была еще одна интересная история.

В онкоцентре он послужил пару лет. Хотя часто стонал от насилья главврачихи, которая пыталась рулить во всем, начиная от графика службы, заканчивая внутренним убранством часовни. Но доход в часовне был неплохой, служба непыльная, в общем, можно жить.

Но отец Семен затосковал:

— Хочу в деревню! На свежий воздух!

Эта мысль так втемяшилась ему, что не останавливали ни трехкомнатная собственная квартира в центре города, ни трое малолетних детей. Матушка пришла в ужас, но она уже понимала, что ее муж-отец – баран упрямый еще тот, поэтому смирилась.

Подходящий приход вскоре нашелся – да не абы какой.

В городе, как и положено, было собственное отделение КПРФ (тем более город всегда считался опорой красного пояса). Главой местных коммунистов была харизматичная дама – Александра Иванова. То ли, помимо верности заветам Ильича, она была верующей, вслед за своим лидером Зюгановым, то ли у нее были другие мотивы, но неожиданно она взяла да и построила храм в одном хуторе. Построила, конечно, не просто храм и не в простом хуторе: там жила мать коммунистки, которая недавно скончалась. Вот в память этой матери, на ее родине, и был построен храм, разумеется, названный в честь матушки, пардон – во имя святой покровительницы матушки – то ли святой Антонины, то ли Зинаиды, не суть.

В этот коммунистический рай и попал отец Семен – сам напросился.

Сначала он радовался донельзя – красивый, из красного кирпича, уютненький небольшой храм, природа, свежий воздух, даже домик для проживания предоставили. Живи да радуйся.

Зажили. Да взвыли. Приход отец Семен принял осенью. Храм был уютный, да только отопление в нем сделать забыли. Поставили тепловые пушки, но толку от них мало: протапливать надо бы ночью, а сторожа нет – у храма вообще нет своей территории, стоит на горе на пустыре, ни забора, ни сторожки. А утром включать пушку в мороз – надо несколько часов на прогрев, пока прогреет – служба уже закончится.

Храм был построен в хуторе, в котором жило меньше пятисот человек. Как известно, в церковь обычно ходит от одного до двух процентов населения. Вот так и в этот храм стали ходить на литургию максимум пять-шесть человек. Разумеется, на всенощную, хоть субботнюю, хоть под великий праздник, не приходил никто абсолютно. Спасибо, что матушка – сама певчая, иначе на клиросе тоже не было бы никого. Но у матушки трое малышей, которых негде и не с кем оставить, поэтому всякая служба в ледяном храме с расползающимися детками превращалась в пытку.

Прихожан нет, треб нет, а жить на что-то надо (спасибо, хоть отец Семен оформил инвалидность второй группы, да родители кое-чем помогали, да старые друзья-прихожане из города). А помимо собственных нужд надо еще и храм обслуживать: то иконы нужны, то сосуды, то облачения, то уголь, то масло, то ладан... И всё нужное ты обязан купить на епархиальном складе на определенную сумму, иначе ты – личный враг архиерея. Да, и взнос не забудь заплатить – это вообще святое и не обсуждается.

Вот так повыл-повыл на свежем деревенском воздухе отец Семен и смиренно упал владыке в ноги: спаси-помилуй, переведи! Владыка хоть и сердился, но сжалился: перевел в приличное село с большим храмом. Теперь отец Семен счастлив.

Матушка отца Петра

«Биссектриса – это крыса, которая ходит по углам и делит угол пополам».

Именно эта школьная присказка вспоминалась, когда я встречал матушку отца Петра. Матушка совсем не была похожа на матушку, ту, которую обычно представляют: дородная пышечка, платье в пол, платочек, добрая улыбка, толпа детишек под юбкой. Всё было наоборот: она была тощая дамочка с острым личиком, в очках, на каблучках, одетая с иголки, и православности – ни в одном наманикюренном ногте, как и в брезгливо-презрительной улыбочке, которой она одаривала всех прихожан.

Ходили твердые слухи, что отец Петр второбрачен. То ли первый брак у него был до крещения, то ли это было время большой икономии (смягчения отношения к канонам по решению архиерея). С этой женой у отца Петра было трое детей: взрослая дочь и двое младших. Все они были совершенно далеки от церкви, хотя раз в несколько месяцев отец Петр заставлял младших детей появляться в храме и даже причащаться.

А матушка приходила в храм только на воскресную литургию (она работала «в миру» экономистом) и занимала церковную лавку. Там она проверяла

тетрадки с записями прихода-расхода на неделе (хотя в храме был свой бухгалтер), копалась в деньгах. Еще она выдавала певчим еженедельную зарплату.

После литургии певчие спускались с клироса в церковную лавку и смиренно ждали, пока матушка своими острыми пальчиками соберет всю возможную мелочь, чтобы вручить этим наглым оглоедам деньги, которые вполне хорошо чувствовали себя в ее руках, но забирались безвозвратно лодырями, только и умеющими, что драть глотку. Ей казалось это несправедливым.

После службы ее любимым занятием было выцарапывание с канунного столика всего самого лучшего и вкусного, что принесли прихожане. И тут она действительно напоминала лощёную крыску на рыбалке: процокивала к канунному столику (около которого после литургии часто в этот момент служилась панихида) и высматривала сквозь очки нужную добычу. Потом делала хоп изысканной дланью и выдергивала из кучи коробку конфет или фрукты, колбасу или сыр, хорошее вино или консервы. Всё это она загружала в пару больших клетчатых сумок, которые потом грузились в авто настоятеля.

После ее ловли на кануне, разумеется, оставалось еще немало макарон, муки, старой домашней закваски (с ржавыми крышками), которую любили приносить прихожане, овощей, хлеба. Большая часть этого шла на кухню, где делали обед для сотрудников храма, кое-что распределялось между священниками и служащими. В основном батоны. Чего-чего, а сухарей у меня в доме было предостаточно всегда.

Матушка была глазами и ушами отца Петра. Воскресенье – самый важный день: все священники, певчие, работники храма, прихожане – все тут. И все болтают, до и после службы (часто и во время). А храм – кинотеатр с прекрасной акустикой (часто было достаточно одной девочки на клиросе, чтобы ее пение разносилось в каждый уголок огромного помещения). Церковная лавка была под клиросом (вся конструкция была двухэтажная, фанерная, поэтому внизу было хорошо слышно, о чем болтают наверху). Певчие с младшими священниками потом нередко удивлялись, откуда отец Петр всё знает, о чем он и не должен бы знать...

Но и кроме матушки у отца Петра была развитая сеть стукачков: так, он убрал хорошую добрую бухгалтершу в другой храм, а себе взял новую, которая стучала не по-детски. И тетку-старосту взял, которая на стуке попадалась не раз, шпионила в открытую.

Служба отца Петра

Служить отец Петр любил. Служил он величественно — на нем отлично смотрелась камилавка.

Воскресная литургия была его бенефисом, моноспектаклем, венчающимся проповедью (о которой отдельно). Иногда он служил праздничную литургию, редко – среднепраздничную, типа Иоанна Крестителя или на Казанскую. Такая литургия в его исполнении имела особенность. В то время, когда отец Семен попал в больницу, или в то, когда отец Макар был с младенцем в Москве, на два храма оставалось два священника: отец Петр и кто-то из младших (я пока еще был пономарем). Один ехал служить в маленький храм, с которого начинал отец Петр, в большом оставался другой. Кто где – решал отец Петр: желал ли он отдохнуть в тиши первого храма или показать себя в большом.

Отец Петр никогда не служил вечернюю службу. Никакую, никогда. Если он был один, то службы вечером не было в этом храме (младший священник в своем храме служил и вечером, и утром). В праздник и под воскресенье младший священник служил всенощную в большом храме, а маленький храм оставался без всенощной. Если священники в наличии были все трое, то было еще проще: младший служил всенощную, а отец Петр приходил исповедовать. Поисповедовав, он уходил в кабинет, где принимал прихожан (во время службы). Окончив дела, просто уходил домой. В любой момент. Лишь когда я стал священником и по пылкости неопита пытался насаждать благолепие службы, то по моим настойчивым просьбам отец Петр пару раз вышел на помазание, раз или два – спеть величание. И всё.

Кстати, если литургию служил младший священник, то отец Петр никогда не сослужил, никогда не причащался. Обычно в таких случаях он во время литургии вновь принимал посетителей в своем кабинете.

Однажды всё-таки отец Петр решился послужить всенощную, тем более повод был: престольный праздник в маленьком храме. Дело было в декабре. Мороз, снег, метель. Отец Петр посадил в машину меня в качестве пономаря, и своего регента из маленького храма – восьмидесятилетнего деда, сухонького и наглого, который уважал только отца Петра, чмырил младших священников и запросто после службы забирал лучшую часть кануна себе.

Когда машина подъехала к воротам храма, оказалось, что снег перед въездом не расчищен. Почему-то это привело отца Петра в ярость. По его междометьям была ясна мысль: да я, да ради вас, да жизни не жалею! а вы, гады ленивые!! Отец Петр принял гениальное решение: он высадил меня и

деда, велел нам идти и вычитывать всенощную, а сам развернулся и уехал домой, наказав так гадких прихожан...

В том храме, кстати, девяносто процентов прихожан – ветхие старушки да дедуля-староста...

Наверно, именно в тот момент я, работавший в храме уже два месяца, осознал, что представляет собой третье лицо епархии. Я не мог понять причину ярости: снег был не расчищен – да, была метель, в храме прихожан еще не было, был только дед-староста, еле ковыляющий. Можно было взять самому настоятелю лопату и покидать снег. Можно было велеть мне расчистить снег – пять минут и нет проблем. Но уехать домой, отменив всенощную под престольный праздник из-за барского приступа – этого ни понять, ни простить я не мог.

Среднепраздничную литургию отец Петр служил так (когда был один в большом храме, то есть с вечера службы не было совсем): давал начальный возглас, хор на клиросе начинал вычитывать утреню, первый час (без возгласов священника). В это время отец Петр неторопливо совершал проскомидию. Если вычитка заканчивалась быстрее проскомидии, то или воцарялось гнетущее молчание, или хор начинал читать девятый час или кафизмы. Если проскомидия заканчивалась быстрее, то отец Петр посылал на клирос пономаря с указанием прерваться на любом месте и сразу переходить к третьему часу. Надо ли говорить, что меня это дико бесило, с моими возвышенными представлениями об уставе. К тому же, никакой необходимости в такой халтуре не было: ни пожара, ни наводнения.

Это бесило не только меня. Некоторое время на приходе был пономарь-ставленник (когда я был уже священником). Однажды, на веление отца Петра вычитывать утреню двенадцатого праздника он ответил гневным отказом, за что подвергся опале и разборкам. Отец Петр прямо сказал этому парню, Вячеславу, что это я его подбил на бунт. Мне отец Петр этого в лицо не сказал: заглазье – был его конек.

Служба стала одной из причин начавшихся конфликтов между настоятелем и мною. Когда я стал пономарем, то ужаснулся, в каком состоянии находится алтарь и пономарка: грязь, пыль, копоть, старые тряпки вместо приличного облачения на престоле и жертвеннике. Я всё это отчистил, но отец Петр в чем-то любил пышность (например, пользовался хорошим ладаном), но уголь для кадила использовал самый дешевый, кусками, для шашлыков, продававшийся в магазинах мешками. Такой уголь в кадиле очень долго раскочегаривался, мгновенно покрывался слоем пепла и быстро остывал,

соответственно, работа с кадилом была мукой: надо было постоянно раздувать, беречься от пепла, который разлетался во все стороны, но не получалось. Алтарь был черным (пономарка была просто частью алтаря, никак не отделенной), всё оседало на иконах, облачении, стенах, потолке (до потолка было метров 25 – отмыть возможно, только поставив леса). Я высказывал это отцу Петру – тот игнорировал с улыбочкой.

Такое же отношение было с кагором. Когда служил отец Петр по воскресеньям, то использовался более-менее нормальный кагор, но когда младшие священники служили на буднях, то кагор был самый дешевый – 32-й (с католическим монахом на этикетке). Кто знает, тот понимает: коричневая бурда, от одного вида которой тошнит, а когда приходится потреблять после службы... Меня тошнит до сих пор. Но экономия важнее всего.

Было и положительное в службе отца Петра. Так, он брал в алтарь многих: и тинэйджеров, и взрослых мужчин. Хотя порой это было перебором (5-7 пономарей в алтаре – неразбериха, хихиканье мальчишек), но я это раздувал на правах старшего. Служба была красивой: ребята открывали царские врата, мужчины выходили со свечами (или наоборот), кто-то читал, кто-то подавал кадило. Многие, прошедшие алтарь отца Петра, захотели стать священниками, некоторые стали, и даже теперь служат в том храме.

Помимо литургии отец Петр обожал панихиды. Их он служил в обязательном порядке с хором (да и на отпевания на дому всегда брал с собой пономаря и певчего). Панихиды он служил проникновенно, с чувством произнося слова о смерти и упокоении. Служил всегда с аналоем и в фелони (не как многие отцы: быстренько напялив одну епитрахильку, помахав кадилом и — «со святыми упокой»). На людей это производило впечатление. Молебны и другие требы, вроде крещения или венчания, не любил.

Но литургия была лишь прелюдией для отца Петра. Ибо не было для него ничего важнее, чем проповедь. И вот к ней он готовился тщательнейшим образом. В течение рабочей недели можно было видеть его в кабинетике, сидящего за компьютером, что-то набирающего, копающегося в книжках, распечатывающего кучу листков.

После литургии отцу Петру ставили на амвоне аналой, он величественно выходил, держа в руке папку с текстом проповеди. И начиналось священнодействие. Отец Петр не читал проповедь – он хорошо ее выучивал, листки для него нужны были в помощь, когда запнется или потеряет мысль. Говорил отец протоиерей виртуозно, как настоящий оратор. Он всегда знал, где, как и на что надавить, когда возвысить голос в патетическом громе, а

когда сделать зловещую паузу, во время которой грешники с трудом сдерживали позывы к мочеиспусканию. Он мог закричать так, что каждый понимал, что это касается каждого, и каждый съеживался. Он мог мудро рассуждать, сыпля цитатами и опираясь на житейский опыт. Он мог пошутить так, что все сразу чувствовали облегчение и радость, как дети, когда ласковый отец гладит их по головам, несмотря на шалости.

Отец Петр был разумен – никогда никакой дури в проповедях он не нес, но и не либеральничал, был вполне мейнстримно-консервативен.

Проповеди длились минимум полчаса, но иногда и 40, 50 минут, а порой и час. На дверях храма висел ящичек, куда любой желающий могу кинуть листочек с «вопросами настоятелю». И в конце проповеди отец настоятель обязательно отвечал на эти вопросы. Возможно, лишь на некоторые, ибо только он мог открывать тот ящичек.

Многие были в восторге от проповеднического таланта отца Петра. Вот только те, кто знали его не только как ангелоподобного священника в далеком алтаре, который говорит мудрые проповеди, а пи'ать никогда не ходит, слушали эти проповеди и не могли избавиться от шизофренического чувства: или кто-то сошел с ума, или отец Петр нагло, бессовестно, бесстыже брешет. Брешет с амвона, брешет не тогда, когда говорит о возвышенном, а тогда, когда отвечает на вопросы из ящичка, когда что-то касается жизни прихода. Брешет, не стесняясь, что тут же стоят люди, знающие правду.

Но выглядел отец Петр при этом величественно.

Деньги отца Петра

Деньги на приходе как мед: вроде бы они есть, а вот уже их и нет.

Все деньги на приходе отец Петр считал своими. Когда их приходилось отдавать кому-то другому, он расстраивался, переживал, но всё-таки отдавал. До поры до времени.

Однажды кто-то очень нахальный (возможно, из певчих, а может, из младших попов) кинул в ящичек с «вопросами настоятелю» записку: сколько получают священники храма? Отец Петр ответил после проповеди:

— Священники нашего храма получают 4 тысячи рублей! Ну, а настоятель, — тут он скромно улыбнулся, — чуть-чуть больше.

Стоящие тут же священники (отец Макар и я) заскрежетали внутренне зубами. А зря – надо было разжать зубы, выйти на амвон и сказать правду.

Да, теоретически священники получали 4000. Но реально они получали две зарплаты: черную – 2000, и белую — тоже 2000 минус налоги, в итоге 1600. Т.е. реальная зарплата священника была 3600 р. Сейчас смешно про эти 400 р, но тогда (в 2003-2004 гг.) это были значимые деньги для нищих провинциальных попов.

Нельзя сказать, что отец Петр гнобил попов касательно денег. Да, оклад был крохотным, но насчет треб было либеральней: все деньги за требы в храме шли в кассу прихода, но зато все деньги на стороне были самих попов. Всё, что тебе дали на отпевании, соборовании, освящении или крещении на дому или в больнице – твое. Причем тарифов на требы за стенами храма не было – кто сколько даст. Месяц на месяц не приходился. Так, однажды, когда я весь январь жил в храме (реально жил, спал в комнатухе рядом с клиросом) и был служащим и требным круглосуточно, то за месяц на требах я срубил аж 8 тыщ, что просто повергло меня в шок – какой я стал богатый. Правда, выжат я был аки лимон, и ноги подкашивались – помимо двух служб в день приходилось бегать на три-четыре требы. Пешком или на общественном транспорте чаще всего.

В другие месяцы такого дохода больше не было никогда. Можно было заработать от полутора до трех тысяч сверх зарплаты. Потому что был еще один младший священник, с которым требничали по очереди.

Сам же отец Петр на требы практически не ходил. Т.е. по вызовам не ходил, но мог пойти к важной шишке или по знакомству, или к кому-то из прихожан, потому что личные связи отец Петр берег.

Кстати, после того, как отца Петра сняли с этого прихода и назначили иеромонаха в настоятели, то с деньгами там стало намного хуже: младшие священники получали голый оклад, на который можно было только снять в те годы двушку, но на еду и прочее оставались лишь копейки, а абсолютно все требы шли через кассу. Строго-настрога было запрещено священникам договариваться о требах самим: человек шел в церковную лавку, оплачивал по тарифу требу, а попу вручали только адрес и время, и он несся туда. Разумеется, это вылилось в нещадную эксплуатацию младших священников настоятелем: чем больше треб, тем больше денег в кассу, и плевать на усталость попов и их нищету. Сам иеромонах (потом ставший игуменом) на требы не ходил никогда, мало того, он жил где-то на квартире, порой не появляясь на приходе месяцами. И ничего: ни архиерея, ни благочинного это не парило много лет. (Все попы знают, что нужно, чтобы начальство не парилось на твой счет – конвертик, вовремя заносимый.)

Вернемся к отцу Петру. Отец настоятель на приходе получал тоже официальную зарплату – якобы 6000 (якобы, потому что никто из священников не знал, так ли это на самом деле). Но также отец Петр получал оклад и в своем первом, маленьком, храме, и в третьем большом храме из соседнего района (в котором не служил вообще да и появлялся там раз-два в месяц). Сколько же он брал денег из кассы – кроме него не знал и не узнает никогда никто. Потому что у всех храмов были спонсоры (может, не мегакрутые, но всё равно были), прихожан в больших храмах было много: по несколько сотен на литургиях. Но храмы годами находились в плачевном состоянии, ремонт если какой-то и делался, то простенький, дешевенький, по минималочке.

Кстати, книжные точки по городу продержались лишь несколько лет: к 2004 году они практически все были закрыты из-за падения спроса: народ накушался книг, стало невыгодно их продавать.

Работники храма тоже получали зарплату. Про зарплату помощника настоятеля и пономаря в одном лице, каковым был я, уже говорилось – 50 р. в день. Хор тоже получал зарплату. С подсчетом доходов хора ситуация была анекдотичной. Регенту платили 70 р. за службу, певчим – 50, чтецу – 20. При этом строго фиксировалось: на будничной службе должно быть не больше трех человек, на праздничной – не более пяти (чтобы храм не разорился).

Хор терпел, но потом возопил: с учетом транспортных расходов до храма и обратно работать за такие деньги было невозможно. Кстати, хор состоял из выпускников регентского факультета, т.е. вполне профессиональная молодежь – многие и со светским музыкальным образованием. Отец Петр милостиво согласился. С тех пор стали составлять ведомости после каждой службы: сколько человек было, сколько каждым потрачено на проезд. Один хитрый чтец вписывался за проезд по 10 р. туда и обратно, а ходил на службы несколько километров пешком – и получал лишнюю двадцатку. А вредная бухгалтерша, сменившая добрую, докапывалась каждый раз до певчих, доводя их до белого каления:

— А почему вы написали тут 10 рублей? Ведь там, откуда вы едете, есть маршрутки и за 7, и за 8 рублей! Я знаю, я сама там езжу.

Оправдания, что певчому некогда ждать дешевую маршрутку, а надо торопиться на службу в храм, не принимались.

Но прихожане этого не знали. Они видели скромного настоятеля, который приходил в храм в стареньком подряснике и стоптанных ботах, и умилялись.

Друзья отца Петра

Отец Петр был дружелюбен. С теми, с кем надо. Поэтому реально дружил он с тремя священниками: Никитой, Леонидом и Ярославом.

Отец Никита был вторым лицом епархии. Ключарь собора, наперсник архиерея, внешность благодушного братка (дзюдоист, напомним). Он был воплощением успеха. До рукоположения он был то ли ментом, то ли кем-то из тех кругов. Карьеру сделал стремительно: епархия начала возрождаться в 91-м году, поэтому практически все, кто первыми успел прийти к новому архиерею, приехавшему из Америки, выбились в люди. В начале девяностых рукополагали практически всех желающих: научился держать кадило и 50-й псалом читать – вперед: в настоятели и духовники. Так множество бывших милиционеров, слесарей, преподавателей труда и просто вчерашних школьников стали могущественными отцами.

Отец Никита славился на всю епархию своим семейством – у него было шестеро детей (потом появился и седьмой). Всегда был образцом для газет – «наш идеал православной семьи».

Всё у него происходило быстро: из маленького скромного домика на окраине он быстро перебрался в свежестроенный коттедж, ездил на отличной иномарке, светился благостью.

Помимо возглавления собора, он с группой приближенных к архиерею дружков – этих самых Леонида, Ярослава и нашего отца Петра, — вершил судьбы епархии: они выполняли бесчисленные поручения архиерея, находили ставленников, переводили, контролировали, снимали с приходов, проверяли доходы и т.д. Не будем употреблять нехорошие слова: подсиживали, гнобили, уничтожали, обворовывали, унижали – а то можно будет подумать, что автор предвзят.

Другой дружок, отец Леонид, был тот самый, который сменил Рено Логан на Хёндай, а Рено продал отцу Петру. Финансово отцу Петру было далеко до друга. Тот был молодой здоровяк, лет 35-ти, был он настоятелем огромного храма — бывшего ДК, и знаменит тем, что первым открыл в городе православную гимназию (правда, учились в ней только начальные классы). На тот момент, когда я узнал отца Леонида, тот был еще и ревизором епархии, а также благочинным нескольких районов области, хотя сам служил в мегаполисе, как и прочие его друзья.

Особо прославился он был в качестве благочинного.

Так, все настоятели храмов епархии (как, впрочем, всей РПЦ) были обязаны регулярно выкупать с епархиального склада каждый выходящий том Православной Энциклопедии: один экземпляр для себя, один для приходской библиотеки, и каждому священнику тоже по экземпляру. Стоил каждый том прилично: от 600 до 1000 рублей. Естественно, многие настоятели филонили и отлынивали, особенно в деревнях: денег не хватает на необходимое, а тут еще закупай в Кукуевку огромные талмуды, которые никому не нужны. И так они филонили, пока не повыходило пару десятков томов.

В это время разозленный патриарх спустил собак на епархиальных владык за то, что они не выкупают положенное число томов из Патриархии. Владыки, разумеется, спустили собак на благочинных, те – на попов. Но если некоторые благочинные ругали и журили попов, а те продолжали филонить, то отец Леонид взялся за дело круто: он собрал всех деревенских попов в своем благочинии, выложил перед ними списки: кто сколько томов должен купить (а у некоторых священников – по два-три прихода, значит, в два-три раза больше томов надо покупать, а долгов накопилось уже тыщ на 40-60), и поставил перед фактом: или они выкупают эти тома на этой неделе, или, в лучшем случае, он обеспечит им перевод десятым священником в какую-нибудь дыру, или вообще в запрет и нахрен из епархии. Тогда прощай, обустроенное гнездышко, прощай, школа для детишек, прощай, привычная жизнь.

Отцы были реально напуганы: практически все взяли займы или кредиты, растрясли загашники, и выкупили всё положенное. За что честь и слава во веки веков была от архиерея отцу Леониду.

Отец ревизор не останавливался на достигнутых успехах: например, он регулярно звонил то одному, то другому священнику и говорил: «Приготовь десять тыщ – архиерею надо. Завтра приеду – заберу». Конечно, никогда и никому не предъявлялся какой-либо письменный указ, никто никогда не смел спросить – действительно ли архиерей потребовал эти деньги. И даже если потребовал – то на каких основаниях, помимо законного епархиального взноса.

Нахрапистость отца Леонида не знала границ: он мог просто позвонить посреди ночи деревенскому отцу и сказать: «У тебя есть 30 тыщ? Приготовь – мне на коттедже надо крышу срочно накрыть, а то зима скоро, мне надо въезжать». Счастлив был тот отец, который мог сбросить сумму до 15 или 10 тысяч. О возврате якобы займы взятых денег никто не помышлял.

Но финансовый раж отца Леонида однажды привел его к краху. Так, часть огромной приходской территории он сдавал под автостоянку, не ставя в известность архиерея и не делясь выручкой.

Спонсоры полностью оборудовали православную гимназию компьютерами. Однажды в храм влезли воры, открыли компьютерный класс, вынесли все компьютеры, вскрыли сейф, забрали облачения и деньги. Не взломав дверей, никого не разбудив. Когда ситуация стала уже слишком щекотливой – в храме внезапно случился пожар. Совершенно случайно загорелся кабинет настоятеля: сгорели абсолютно все документы, финансовые в том числе.

Чаша переполнилась: архиерей страшно разгневался и страшно покарал злодея — перевел его на деревенский приход. В 15 минутах езды от города, так что отцу Леониду даже не пришлось продавать коттедж. Но власть он потерял навсегда.

Отец Ярослав был поприличнее первых двух. Ему в это время было лет тридцать, но он уже был маститым протоиереем: его рукоположили в 93-м в возрасте двадцати лет. Особыми злодействами он не отличался. Просто был важной шишкой, ласково улыбающимся худощавым мужчиной, которому было опасно переходить дорогу, настоятелем храма — бывшего ДК (огромнейшего, даже с бассейном внутри) и благочинным. Его прекрасный двухэтажный коттедж был неподалеку от прихода отца Петра — я почти ежедневно проходил мимо.

Это были настоящие друзья отца Петра. Он на них равнялся, к ним тянулся, им завидовал.

Общение отца Петра

Общаться отец Петр любил — салом не корми.

Очень любил общаться с архиереем. Многие попы знают принцип: хочешь сделать карьеру — чаще общайся с преосвященным. Кто чаще мелькает перед глазами и что-то предлагает, у того больше шансов, что его вспомнят при открывающейся вакансии.

Но отец Петр в тот период был в высшей точке вхожести к архиерею, поэтому он уже ничего не хотел, только насыщался этим общением. Архиерей неоднократно приезжал в храмы отца Петра, служил и практически всегда оставался доволен. Хотя храмы не поражали благолепием, но прием отца Петра всегда был радушным, стол — изобильным, обращение — ласково-подобострастным. Наверное, конвертик, который всегда вручается архиерею после службы в приходском храме, тоже всегда был приятным.

Но владыка бывал и строг. Так, однажды отец Петр рассказал мне историю: «Приехал владыка, отслужил, а я ему и говорю:

— Владыка, приезжайте к нам еще, будем рады вас принять!

А владыка нахмурился и отрезал:

— Приеду и без твоих приглашений, отец Петр! Это мои храмы – когда захочу, тогда и приеду!»

История была нравоучительной: мол, смотри, парень, что значит исполла эти деспота: вот она – власть отцовская, непререкаемая!

Любил отец благочинный поделиться и тем, как владыка благодушно воспринимал его, отца Петра, шутки: «Сидим мы как-то с владыкой и другими отцами на конференции, посвященной вопросам семьи, демографии и прочего. Обсуждается вопрос безопасного секса. И я такой говорю:

— А я занимаюсь опасным сексом! – все на меня вытаращились, а владыка засмеялся. – Да, таким, от которого дети бывают!»

Очень горд был отец Петр, что рассмешил владыку.

В начале моей работы при храме отец Петр часто любил пообщаться и со мной. Нередко брал с собой в машину, ехали по делам и общались. Первое время после хиротонии общение тоже случалось, но перемежалось: то вроде добродушное, а то с разборками.

Однажды мы ехали в машине и говорили о моем будущем, вернее, говорил отец Петр:

— Вот смотри, какие перспективы тебя ждут после рукоположения: во-первых, ты можешь служить в том маленьком храме, где я начинал – будешь самостоятельным, но, конечно, жизнь там скучная, много не заработаешь. Или второй вариант: можешь пойти в большой храм в соседнем районе (в котором отец Петр тоже настоятельствовал), но там сейчас владыка решил устроить подворье для женского монастыря: там заработать можно, если дураком не быть, но власти не много, а мне зато нужен там свой человек, чтобы присматривать за монашками. Ну, и третий вариант: остаться младшим в основном храме. Тебе решать.

Решать мне не пришлось: после хиротонии меня, не спрашивая, определили по третьему варианту.

Порой отец Петр смирялся и спрашивал совета у меня, как у образованного: например, не знал какого-то термина литургического или что-нибудь по истории, философии или уставу. Но было видно, что ему неприятно спрашивать у парнишки, младшего его в два раза.

Иногда отец Петр довольно искренне задавал вопросы:

— Вот ты знаешь, я многих вещей не понимаю. Может, оттого, что я детство провел в Уругвае, поэтому не знаю некоторых особенностей отношений между людьми. Вот, например: возвращаюсь я домой, иду в подряснике с крестом. На лавочке сидят бабушки, видят меня, я – их. Кто должен первым здороваться? Я или они? Я вроде по возрасту младше, а они вроде должны уважать меня как священника. Я считаю, что они должны первые поздороваться.

— А может, первым должен здороваться тот, кто умнее и вежливее?..

Из-за этого непонимания отношений отец Петр часто впадал в приступы гнева. Однажды я служил, совершал в алтаре проскомидию. Отношения между мной и отцом Петром по многим причинам были довольно натянутыми. Во время проскомидии он зашел в алтарь в дальнюю от жертвенника дьяконскую дверь. (Чтобы понять, надо представить алтарь того храма-кинотеатра: он был размером с приличный храм, расстояние между жертвенником и той дверью было метров 15 или больше.) Я, боковым зрением увидев отца Петра, на секунду прервался, вежливо поклонился и продолжил проскомидию. Отец настоятель вышел, а после службы устроил мне грандиозный скандал: мол, я его презираю, не считаю за старшего, не уважаю – я обязан был всё бросить и подойти к нему, чтобы поручиться. Аргумент, что я вообще-то занимался проскомидией и это как бы важнее, да и я поздоровался, кивнув, был отвергнут. Отец Петр черкнул в своем внутреннем блокнотике еще один мой смертный грех.

Нельзя сказать, что отец Петр был каким-то злобным или неуживчивым постоянно. Порой он делал попытки сближения, предлагал попить вместе чайку. Чай пили, но дружелюбия не выходило: слишком близко терлись друг об друга, слишком на поверхности лежали причины плохих отношений.

— Знаешь, — как-то в сердцах сказал отец Петр, — почему мы с тобой поладить не можем? Потому что мы оба не пьем: так бы сели, выпили водочки, закусили да и подружились бы. А по-трезвому ничего не выходит!

Да, отец Петр тоже не пил. Может, абсолютным трезвенником не был, но и выпивать в компании не любил.

С прихожанами он обожал общаться, особенно один на один в кабинете. Многие считали его мудрым, заботливым, вникающим в их нужды. Не меньше он любил общаться с работниками храма. И в этом общении был мастером: стремился обласкать человека, пообещать ему радужные перспективы, мимоходом намекнуть, что такой-то клирик или работник храма нехорош, ты держись от него подальше, а то испортишься.

Мне он советовал не дружить с певчими, певчим, пономарям советовал держаться подальше от меня, угрожал увольнением. Священникам говорил гадости друг про друга, работницам лавки — про их сменщиц.

Чаще всего эффекта он добивался противоположного: отцы дружили между собой, дружили с хором, с пономарями, пересказывали то, что отец Петр говорил про каждого другому. Вместе ужасались, злились, сплывались, но боялись сказать отцу Петру в лицо, что он падла. Трусость постоянно считалась смирением. Самым злым и несмирением был я, отчего и стал главной угрозой для настоятеля.

Но на некоторых работников ласка отца Петра действовала сильнее, чем низовое братство: так некоторые стали стукачами не за страх, а за преданность.

Именно дружба попов, хора и пономарей между собой больше всего бесила отца Петра. Именно это стало главной причиной козней, которые он стал устраивать против многих. Наверное, он чувствовал себя одиноким мальчиком, с которым никто не хотел дружить. А одинокие мальчики склонны мстить.

Начало конца отца Петра

Когда ты — третье лицо епархии, и знаешь, что первым не стать, да и вторым вряд ли, то здравый смысл должен был бы подсказать, что надо наслаждаться достигнутым. Но отец Петр был из той породы людей, которые не могут благодушно расслабиться и наслаждаться, им всегда надо действовать, если не пробиваясь вверх, то хотя бы вширь: приобретать новые храмы, новые должности, новую власть и деньги.

Но тут всё постепенно стало разваливаться. Начало развалу положил отец Семен, тот младший священник, который из-за инсульта мало того, что стал свободным настоятелем, так еще и забрал вполне доходную часовню из-под носа. Впрочем, вскоре был рукоположен я, поэтому казалось, что дырка будет закрыта.

Но убытки продолжались. Пришлось закрыть книжные лавки по городу, а книги, которые были приобретены не отцом Петром, а спонсорами с обувной фабрики, так и остались неликвидом. Что-то пошло в библиотеки, что-то на продажу в храмы, где и зависло на годы. Разумеется, деньги за книги отец Петр фабрике возвращать не собирался.

Одну часовню — комнатку при каком-то занюханном предприятии, типа небольшой транспортной конторы, тоже пришлось закрыть, потому что священник туда ездил регулярно, служил там молебны, но никто и никогда эти службы не посещал — да и как могло быть иначе, если молебен проводится в середине рабочего дня.

Третий храм, который был в ведении отца Петра, тоже медленно, но верно уплывал из рук. Архиерей сделал тот храм подворьем женского монастыря. Отец Петр еще числился там старшим священником, но даже он понимал: там, где ступила нога монахини, там отторгаются руки мирян и даже крутых попов, потому что смиренные монашки глаза тупят, но дело делают и деньги забирают себе под черные юбки. Отец благочинный злился, бесился, но в итоге сдался, плюнул и сам отдал тот храм, который и так со дня на день должен был уйти в женские руки.

Итак, меня рукоположили и отправили на сорокоуст на три месяца. Когда я вернулся, то ситуация была такова: три попа — отец Петр, отец Макар и я. И три храма: большой, маленький и часовня — бывший вагончик обувной фабрики. Живи да радуйся, в любви да согласии.

Но я, вернувшийся в качестве попа, был уже не тот парнишка-пономарь, который подавал смиренно кадило и целовал длань: теперь со мной приходилось целовать руки взаимно, делиться зарплатой, влиянием на прихожан, уважением. Я был прямолинеен и нахален, искренне считал (часто ошибочно), что поступаю как лучше, по совести и ради людей и Бога, а отец Петр искренне считал, что парень борзееет, хамит и подсиживает.

Начались постоянные конфликты. Чаще всего по поводу службы: я, пытаюсь материально поддержать хор, да и вообще заради неофитского задора, предложил служить в большом храме минимум 4 раза в неделю, что давало заработок хору, привлекало прихожан, но вызывало много неудобств: расходы на ладан, масло, оплату хору — это злило отца Петра. Он согласился на это, но потом стал сожалеть.

Дело было в том, что перед хиротонией я отправил жену с младенцем в деревню к теще по той простой причине, что в городе жить было негде и не

на что. Потом два месяца дьяконского сорокоуста, во время которого не платили ни копейки. Как жить, спросите? Святым духом.

Потом священнический сорокоуст — 40 дней: там удавалось подрабатывать чуток на требох, но не столько, чтобы решить вопрос с жильем.

Когда я вернулся к отцу Петру на приход в качестве младшего священника, встал вопрос: где жить? И главное: на что? Зарплата была крохотной, я начал искать жилье, но было или дорого, или срывалось: например, сдуру пытался снять квартиру у больного на голову человека: тот деньги взял, но с квартиры не съехал. Деньги тот отдал мне лишь через полгода, после возвращения из психушки.

Пока я был в поиске жилья, то жил при храме: в малюсенькой комнатухе под клиросом, без окон, с ледяными стенами, питался на кухне прихода, купался у прихожан. Договорились с настоятелем, что я буду служить и требничать по три недели подряд, а потом на 5 дней уезжать к семье в деревню: 350 км в одну сторону, возвращаясь к субботе.

Так длилось несколько месяцев. Я служил на износ, а когда уезжал, то обычно в будни служил вместо меня отец Макарь, а отец Петр только по воскресеньям. Но один раз зимой я просто не смог выехать из деревни из-за снежных заносов, поэтому случился кризис: отец Макарь не мог разорваться, поэтому пришлось впрягаться отцу Петру, который, как помнят читатели, совсем не жаждал служить вечерние службы.

Отец Петр стал раздражаться. Он пытался разделить отца Макаря и меня, наветничая одному на другого, но мы только крепче сдружились. Хор и большинство пономарей тоже были моими друзьями. Даже прихожане в немалом количестве предали отца Петра — им нравились мои службы, проповеди-экспромты, длившиеся не более 10 минут, нравилось, что я никому не набивался в духовники.

Я был угрозой. Мнимой, на самом деле, но в голове отца Петра — реальной.

Как выяснилось уже потом, он даже пытался сбегать меня в деревню, где я жил два года и работал в школе. Тем более тамошний отец Герасим проштрафился (пьянкой и дебошем) и был кандидатом на вылет. Отец Петр даже съездил в ту станицу, пообщался с местным руководством. Но ему внезапно отказали.

Я был известен в деревне тем, что в бытность учителем вступил в жесткий конфликт с директором школы и завРОНО (оба были коммунистами). Те пытались незаконно уволить меня, потому что я ходил в храм, помогал там:

коммунисты станичного разлива испугались, что я начну религиозную агитацию в школе. Но в итоге директору школы самому пришлось искать новую работу. Поэтому такого строптивного священника в станице не хотели.

И вот, наконец, я нашел подходящее жилье. Старенькая развалюха, в одной части дома жила полусумасшедшая старуха, а я привез семью в другую половину: там бегали сороконожки, мыши (в полу были щели), сортир на улице. Нет ни душа, ни ванны, ни канализации, только дохленькая электроплитка и раковина. До потолка было легко достать рукой невысокому человеку. Ребенку в это время было чуть больше двух лет. Но хата стоила всего 1500 р. в месяц, поэтому можно было себе позволить. И да: жилье находилось в часе езды на маршрутке от храма.

Отец Петр сидел у себя и, скорее всего, раздумывал, куда бы заслать строптивца, тем более у него был весомый аргумент для архиерея: у него (у меня) нет в городе жилья, семья в деревне, самое то — отправить его куда-нибудь в хутор Кукиш-на-Холме.

В это время я постучал и зашел в кабинет:

— Хочу обрадовать вас, отец Петр, — я нашел себе жилье и семью уже перевез.

Наверно, отец Петр внутренне выматерился, но вынужден был сдержаться. Пришлось переигрывать. Дело было в мае 2004 года.

В один из майских дней отец Макара был вызван в кабинет настоятеля и вышел оттуда ошеломленный, но радостный:

— Ты погляди! — сунул он мне под нос указ. — Меня переводят в наш маленький храм настоятелем! Я теперь буду сам по себе!

— Так ведь это он тебя туда и выпер, — заметил я, — чтоб ты там в нищете подох.

— Да ладно! — смиренно ответил отец Макара. — Проживу как-нибудь, зато сам, зато без ежедневного страха!

— Тогда я рад за тебя, брат, — и я искренне пожал руку отцу Макару, который светился новыми надеждами.

Но через две или три недели я сам был вызван в кабинет отца Петра. Мне тоже был вручен указ архиерея (кстати, на приходе у отца Петра я служил почему-то без указа, по устному распоряжению владыки): «Вам благословляется открыть приход в часовне такой-то». В том вагончике,

подаренном обувной фабрикой, на соседней остановке, в часовне, которая до этого была приписана к маленькому храму, куда ушел отец Макарь.

Все разделились: отец Петр — в большом храме один, отец Макарь — в маленьком, я — в крохотной часовне. Разделились, но отец Петр остался нашим благочинным.

И это было началом конца. Только никто еще этого не понял, каждый радовался чему-то своему. А судьба уже была почти на пороге.

Конец отца Петра

Если хочешь контролировать своего врага, держи его рядом с собой.

Отец Петр забыл эту простую максиму — он отпустил своего врага, но при этом продолжал надеяться на полный контроль.

В начале июня 2004 я стал самостоятельным. Почти. Потому что не был назначен настоятелем, а только «ответственным за организацию прихода», антими́нса (без которого нельзя совершать литургию) мне не дали. Отец Петр объяснил, что антими́нс можно брать у него по субботам, чтобы служить в часовне, а в будни и в выходные предложил подрабатывать на его приходе, платя за выход.

Часовня, ставшая моим приходом, выглядела жутко: обшарпанный железный вагончик, прогнутые полы, кривые двпшные стенки, престол и жертвенник, покрытые какими-то старыми коврами, нет сосудов, в наличии лишь одно ветхое облачение, подаренное когда-то отцу Петру родственниками умершего в девяностых священника. На приходе ни копейки денег, товара нет, нет ничего. Только обязанности организовать.

Но я не отчаялся — всё-таки свобода! И начал потихоньку организовывать. Но уже через неделю позвонил благочинный:

— Так: завтра принеси 500 рублей — это сбор на именины владыки!

— Какие 500 рублей?! — возмутился я. — У меня ни копейки, жить не на что, в храме шаром покати!

Тут отец Петр заорал:

— Меня не волнует, где ты возьмешь деньги! Займи, кредит возьми, но не смей даже помыслить, чтобы не отдать деньги для архиерея! Иначе сразу распрощаешься с приходом и поедешь в тьмутаракань! Понятно?! — и бросил трубку.

Так началась свобода.

Но жизнь шла, по субботам в часовню приходили певчие из большого храма, часть прихожан перетянулись тоже. Наивный, я стал устраивать в приходе свои порядки: цены на товар — масло, свечи, книги — установил чуть ниже, чем у отца Петра. За записки и требы цен не было: кидайте в кружку, сколько считаете нужным, или не кидайте.

Я понимал, что хожу по тонкому льду: благочинному легче плюнуть в лицо, чем натянуть его на деньги.

После одной субботней литургии я заметил, что в часовне около свечного ящика крутится староста отца Петра, лицемерная баба, на его приходе исполнявшая роль глаз и ушей настоятеля. Ну, покрутилась и ушла. Но буквально на следующий день позвонил благочинный и ледяным голосом велел мне явиться к нему.

На встрече отец Петр дал волю чувствам и вновь начал орать. Смысл ора был прост: как ты, раб и холоп, дерзаешь устанавливать свои цены?! В благочинии цены должны быть у всех одинаковые, и ориентироваться надо на приход благочинного, а не переманивать прихожан дешевой продукцией. И плевать, что для нищего маленького прихода цены чуть ниже — это единственная возможность хоть как-то вытягиваться из ямы.

Я попал в засаду: мне нужен был антиминс, без собственного антиминса невозможно было начать служить, как положено на приходе: по воскресеньям и праздникам, а значит, не собрать полноценный приход.

Но отец Петр объяснил мне, что антиминс не получить, пока владыка не назначит меня настоятелем, а настоятелем не назначит, пока я не соберу все юридические документы на приход, пока не оформлю землю под строительство. А так как на все нужны деньги, которые взять неоткуда без полноценной приходской жизни, то... Тупик.

Из которого я, впрочем, нашел выход: дерзнул. Взял и пошел на прием к архиерею. А в то время пойти к архиерею без разрешения благочинного было практически преступлением. Раньше секретарем был дружок отца Петра — второе лицо епархии, поэтому лишние не могли предстать пред очами владыки, но сейчас секретарем стал милый тихий батюшка, поэтому я смог попасть на прием свободно.

Оказалось, что всё, что говорил отец Петр, было, как обычно, брехней. Владыка выслушал меня, спокойно подписал указ на выдачу антиминса и мира, пожелал удачи, пообещал вскоре и указ на настоятельство дать.

Когда отец Петр узнал, что у меня появился свой антиминс — его чуть не хватил удар. Я отказался подрабатывать у него на приходе, начав служить у себя. Отец Петр оказался не готов сам тянуть свой большой храм, забегал, стал звать подрабатывать то отца Макара, то еще кого-нибудь.

Следующим ударом под дых стал уход хора от отца Петра ко мне. Вернее, регента и певчей — основы хора, остальной хор вообще ушел от отца Петра, так как стало невозможно служить за гроши.

Я прослужил на своем приходе полгода, пока однажды ко мне не пришел озабоченный отец Борис.

Отец Борис, несколько месяцев как рукоположенный, был когда-то военным летчиком. Он был человеком добрейшим и кристально честным, долгое время посещал храм отца Петра, пономарил там, готовился к хиротонии. Он тоже дружил со мной, хотя по возрасту годился в отцы.

— Отец, привет, дорогой! — с порога начал отец Борис. — Слушай, а ты в курсе, что меня владыка хочет назначить на твой приход? Я удивился, когда узнал, спросил владыку, а куда же тебя. А владыка поморщился недовольно: «А его я пошлю куда-нибудь — он на приходе совершенно ничем не занимается, бездельничает!» Я поразился и попросил владыку не торопиться, предложил собраться и поговорить.

Вот так смелый и честный отец Борис повернул ход истории в другую сторону: если бы он промолчал, то меня выкинули бы в деревню, навсегда прилепив ярлык бездельника. Но отец Борис не промолчал.

Решили собраться вместе: согласился пойти и отец Макара, который тоже натерпелся обид и страха от отца Петра за 5 лет совместного бытия.

Разговор у владыки начался жестко: владыка грозно и сердито стал выговаривать мне, какой я такой-сякой разэтакий, лодырь и, вообще, собор за три дня не отгрохал. На мои попытки вякнуть в свою защиту владыка разъярился еще больше, но вновь вмешался отец Борис, которого владыка давно знал и безмерно уважал:

— Владыко, подождите. Выслушайте нас всех троих, а потом судите.

Владыка удивился и замолк, стал слушать.

Наверное, час три священника откровенно рассказывали владыке, как реально обстоят дела на приходах, как исчезали деньги, как унижались священники и работники. Архиерей сначала хмурился — было ясно, что то, что вкладывал ему в уши отец Петр, звучало ровно наоборот. Но, к чести

владыки, он поверил. Поверил, что перед ним сидят три честных священника, которые ничего не хотят, кроме справедливости.

— Ладно, — сказал архиерей, — я решу вопрос. А ты, — повернулся он ко мне, — служи как служил, на своем месте, не волнуйся больше об отце Петре.

Через несколько дней прибежал отец Макарь:

— Ты слышал, слышал?! Отца Петра сняли с прихода и назначили в тот храм, который стал подворьем женского монастыря, рядовым клириком, даже не старшим!

Так и оказалось. Как говорили потом прихожане большого храма, отец Петр тогда ворвался в храм в полубезумном состоянии, он кричал:

— Кто, кто меня предал?! Вы все меня предали!!

По всей видимости, он так и не понял никогда причину своей опалы.

Владыка при этом не лишил его сразу благочинства, но отец Петр впал в состояние нехочухи: он заперся у себя дома, сказался больным, на призывы выполнять обязанности благочинного отвечал:

— Я не благочинный! Пускай кто хочет, тот и благочинит!

Владыка тогда рассердился и лишил отца Петра и этого, последнего, поста. Пару месяцев отец Петр отлеживался дома, потом всё же вышел служить, но тут выяснилось, что маститый протоиерей... просто не умеет служить ни вечерню, ни утреню. Путается в элементарных действиях, не знает ни когда кадить, ни когда выходить, вообще теряется в службе, в которой каждый день много новых песнопений и чтений, в отличие от литургии.

Бегать по трекам тоже было не по понятиям. Тогда он лег в больницу (здоровье у него всегда было слабое), а выйдя из нее, написал прошение за штат.

Теперь отец Петр — тихий заштатный священник, служит в часовне при одном предприятии. Служит редко, только литургии по праздникам. Ездит на скромной маленькой «женской» иномарочке.

Однажды он встретил отца Макаря и сказал ему:

— Ты знаешь, только став опять рядовым священником, я начал что-то понимать...

Но что он начал понимать — отец Макарь так и не узнал.

МИТРОПОЛИТ ГЕОРГИЙ

Вместе предисловия

Суть моих воспоминаний о митрополите Георгии, своем бывшем правящем архиерее, который рукополагал меня, не имеет под собой какой-то особой цели. Я не стремлюсь «обличать негодных архиереев РПЦ», как и не стремлюсь петь панегирики и дифирамбы. Это просто воспоминания, попытка собрать воедино то, что я видел, знал (или думал, что знал) об этом человеке и жизни епархии. Разумеется, это субъективный взгляд, тем более что я никогда не был ни приближенным, ни, простихосподи, иподьяконской «сволочью», не занимал никаких постов в епархии.

Знакомство

Впервые о владыке Георгии я услышал в 1991 году, в тот год, когда он принял епархию. Мне было 13 лет, я с родителями ехал в маленьком тесном ПАЗике на дачу. Дачи были от отцовской работы, и автобус возил работников предприятия. Я услышал обрывок разговора, который почему-то запомнил очень ярко. Один мужчина, из начальников невысокого звена, сидевший на заднем сиденье, что-то со знанием дела объяснял соседям:

— Ну как же: конечно, Георгий – шпион, он же раньше в Америке служил, так что это совершенно понятно.

После этого я не слышал и не вспоминал о каком-то там Георгии до 1998 года, пока не сделал «первые шаги в храме» и однажды не попал на всенощную в монастыре, где архиепископ Георгий служил. Наверное, это был какой-то праздник или просто всенощная под воскресенье, но мне кажется, что богослужение с его участием произвело на меня впечатление. «Кажется», потому что я не помню этого первого «знакомства», возможно, всё смешалось с последующими службами, на которых я встречал его.

Я довольно долго ходил в монастырский храм только на всенощные. Помню, как владыка неспешно спускался со второго этажа монастырского здания, оттуда, где у него была келья, и выходил в храм. Там начиналось обычное действие встречи его священниками и дьяконами, иподьяконами, а потом начиналась служба. Часть службы архиепископ Георгий находился посередине храма, на небольшом, в одну ступеньку, возвышении, где стояло его седалище. Никаких ограждений никогда не было, поэтому я часто стоял совсем рядом, в метре-двух. Помню, что постоянно какие-нибудь

беззаботные малыши копошились около кафедры владыки, но он спокойно служил, не обращая на них внимания.

Одной из особенностей служения владыки было то, что он всегда сам совершал помазания на всенощной, всегда сам причащал до конца, правда, крест после литургии не всегда давал сам, часто это делали служащие священники. Но помазание он совершал спокойно, размеренно, было такое ощущение, что владыка видит именно тебя, а не просто очередное лицо, мелькнувшее перед ним для получения порции масла на лоб. Нередко владыка о чем-либо спрашивал подходившего, порой улыбался, шутил или на что-то благословлял.

Руки у него были теплые, сухие, какие-то добрые, как у родного дедушки. Роста он невысокого, не выше 165, но всегда выглядел величественно. Главной составляющей этой величественности была большая ухоженная борода.

Вообще, я встречал владыку на богослужении довольно часто, с 1998 по 2015 год, нередко служил с ним сам. Могу с большой долей уверенности сказать, что он действительно молился на богослужении, не просто отбывал номер, скучал, а молился внутри, и текст молитв, которые он произносил, он воспринимал через себя. Не раз я видел, как на литургии, во время евхаристического канона, глаза его были полны нетеатральных слез, а голос дрожал искренним обращением к Богу. Можно предположить, конечно, что он так наловчился в актерском мастерстве, что никогда не выходил из роли, не расслаблялся, но надо быть слишком циничным, чтобы так думать.

С другой стороны, несмотря на молитвенность, владыка часто раздражался на сослужащих или (реже) на хор. Не раз мне доводилось слышать и видеть, как владыка вдруг резко хмурил свои густые брови, вскидывал руку ладонью вверх и, потрясая ею, сердито кричал:

— Ну что ты делаешь?! Что ты поешь?! Куда ты пошел! Совсем чинопоследования не знаешь!! – или страшно зыркал глазами, когда, например, с его пути не успевали вовремя убрать выносной подсвечник.

На прихожан он практически никогда не раздражался.

Общение

Впервые я пообщался с архиепископом году в 1999-м или 2000-м, когда я уже был прихожанином монастырского храма и страстно хотел стать священником, хотя в то время еще только оканчивал университет, не имел

практически никаких знаний ни устава, ни богослужения, ни богословия, кроме книг митрополита Антония Сурожского и дьякона Андрея Кураева.

Приемная у владыки была тогда там же, где и он жил, только жил он на этаж выше. С трудом помню тот момент, когда я, трясясь от страха и собственной смелости, пришел в крохотную приемную и, среди здоровенных толстых попов, во всем черном и с крестами на пузах, стал ждать встречи.

Владыка принял меня в своем кабинете. Смутно помню наш разговор, но был он довольно краток: я, клацая зубами, рассказал, что хочу стать священником, но пока я еще студент, и духовник советует доучиться, а потом немного поработать. Владыка благодушно покивал головой, согласился, что надо доучиться, надо слушаться духовника. Напомнил мне, что для рукоположения надо сначала поступить в духовное училище.

После университета я уехал работать в деревню, в школу. Это были 2000-2002 годы, самое время разгара страстей по поводу принятия ИНН и шестерок. Я, как молодой неопит, был в сомнениях, кто же прав, кто нет, хотя видел, конечно, что борцы с ИНН крайне неадекватны в большинстве. Но в то же время было сомнительно, почему я, например, должен писать заявление в налоговую, чтобы мне выдали ИНН, хотя государство и так его уже присвоило. (Итогом этого стало то, что, работая в школе, я так и не получил свидетельство об ИНН, а теперь я узнаю свой ИНН из писем, которые приходят из пенсионного фонда. Даже в общей базе в интернете нет данных о моем налоговом номере.)

Тогда я решил написать письмо со своими сомнениями. Не помню, что именно я писал, но владыка Георгий ответил мягко и коротко, что руководствоваться в данном вопросе следует вышедшим как раз в те дни постановлением Синода, что ничего страшного в ИНН нету. Но меня потряс сам факт, что митрополит (в сан митрополита его возвели как раз в начале двухтысячных) удосужился ответить какому-то парнишке из деревни.

Хиротония

В 2002-м я вернулся из деревни в город, стал работать при храме, настоятелем которого был благочинный отец Петр, главный герой истории «Третье лицо епархии». Он же мне и предложил рукоположение, но владыка сказал ему, пусть, мол, сначала доучится. Весной 2003-го я завершал учиться заочно в духовном училище, и, наконец, в мае меня из храма вызвал телефонным звонком отец Петр и велел срочно все бросать и мчаться в епархию: будет разговор с владыкой по поводу хиротонии.

Вновь та же приемная, где я был тремя годами раньше. Владыка был строг и суховат. Вопросов было мало: знаю ли я службу, читал ли «Известие учительное». Спросил с сомнением:

— Жены у тебя не две?

Я сначала опешил, но потом понял, что вопрос — не во втором ли я браке (это я потом только узнал, что и второбрачных без проблем рукополагали, если первый брак был до крещения). Владыка подумал, пожевал губами и подписал прошение, назначив хиротонию на Духов день.

За день накануне, на Троицу, я пришел в кафедральный собор, где служил всенощную архиерей. Ключарь, заметив меня, позвал в алтарь, чтобы владыка меня еще раз увидел. Я стоял сбоку от дьяконских дверей в алтаре и трясся от страха (в алтаре я был вообще впервые): все вокруг сияющие, мощные, громогласные, в камилавках, а владыка так совсем величествен: митра, саккос, омофор... Владыка сурово бросил взгляд в мою сторону:

— Подрясник принес? Давай, пойдешь шестопсалмие читать!

(Всякий ставленник накануне хиротонии читает шестопсалмие на всенощной.) Я проглотил язык:

— Аа, ээ... Нет, не принес...

Владыка рассердился, подозвал ключаря, кивнул недовольно в мою сторону:

— Ну-ка, найди ему какой-нибудь подрясник!

Тут я опомнился и дерзнул влезть:

— Владыка, но вы же сказали, что хиротония на Духов день! В монастыре!

— Аа, — равнодушно протянул митрополит, тут же выбросив меня из памяти.

На Духов день все было как в тумане. На всенощную я пришел в белой футболке без рукавов с логотипом какой-то газеты на груди. Игумен монастыря, духовник, который у меня принимал ставленническую исповедь, брезгливо поморщился:

— В чем пришел?! Не мог что-то нормальное надеть?

Середина июня, градусов 30-35 в тени. Но дурость моя была не только в том, чтобы подставиться под гнев игумена — я и подрясник себе сшил шерстяной, о чем потом дико пожалел, проходя сорокоуст.

Но все прошло нормально: владыка молча благословил в подрясник (в смысле, дал добро надеть его в первый раз), шестопсалмие было прочитано.

Хиротония (рукоположение) утром тоже прошла спокойно (внешне, внутренне меня колотило и трясло). Именно на хиротонии я впервые столкнулся с архиерейской сволочью – с иподьяконами. Вернее, встречал их и раньше, они приезжали в храм отца Петра вместе с владыкой, вели себя, как всегда, борзо, и даже на одной из служб я как-то посмел что-то возразить одному из них. Я забыл об этом, но иподьяконы никогда никому ничего не забывают.

Во время хиротонии есть момент, когда ставленник стоит на солее, держа в руках поднос и кувшин для умывания лица и бороды архиерея. Вот только меня иподьякон вывел на солею намного раньше, потом забрал кувшин и вернулся через полминуты. Спокойно глядя мне в лицо и кривя улыбочку, иподьякон вылил мне воду в поднос практически до краев, то есть нельзя было даже колыхнуться, не вылив воду на себя. Потом он опять ушел с кувшином. Вернулся, поставил кувшин в воду на поднос. Кувшин был полон воды. Представили: ты стоишь, трясешься от нервного возбуждения, с полным подносом воды и с тремя литрами воды в кувшине... Это была месть.

Об иподьяконах будет отдельный разговор, скажу лишь, что нас с этим гаденышем-иподьяконом рукополагали потом в один день: меня в священники, его в дьяконы. Он посчитал это типа братского посвящения, и стал считать меня своим корешем. Но засранцем быть от этого не перестал.

Трапезы

Сорокоуст я проходил в кафедральном соборе: два месяца дьяконом, 40 дней – священником. Владыка служил в соборе часто. Он там считался настоятелем, поэтому там не было такого отношения к его приезду как на обычных приходах: не было встреч с цветами, роскошных трапез после, часто митрополит сразу же после службы садился в машину и уезжал. Но и трапезы бывали нередко, на большие праздники: престольный, день ангела владыки, Преображение, Успение. Вот в такие дни за столом было море разлитое угощения, все по высшему разряду.

Владыка, кстати, всегда ел умеренно: видно было, что у него нелады со здоровьем. Немного того, немного этого, немного спиртного. Но роскошные столы накрываются не ради того, чтобы архиерей насытился: тут главное – престиж, а также (особенно это касается трапез на приходах, куда владыка приезжал на престольные праздники) необходимость ублаготворить других начальственных попов, благочинного, и – особенно! – протодьякона с иподьяконами. И горе тому настоятелю, кто не удовлетворит последних...

На таких трапезах обычно брали роль тамады или благочинные, или маститые настоятели: лились дифирамбы в адрес владыки, поднимались тосты, отпускались шуточки в адрес молодых священников. Обязательно присутствовали значимые люди: глава местного самоуправления (района, села), спонсоры, их представляли владыке, тот ласково беседовал, пожимал руки. Сам владыка тоже не брезговал едкой шуткой в адрес попа, мог отечески пригрозить за что-то, громко, через весь стол, указывая пальцем в сторону провинившегося.

Прихожан за трапезой я практически никогда не видел: их не приглашали, кроме редких избранных, например, кандидатов в сан. Чаще всего прихожанки обслуживали стол. Лишь один раз в храме, который представлял собой недостроенный цокольный этаж, столы накрыли на всех, но даже в этом храме прихожан отсадили за другие столы, подальше от начальства.

В приемной

Нельзя сказать, чтобы владыка Георгий брезговал людьми: нет, например, в епархии ходили восторженные разговоры, что он знает по именам всех учащихся православного института, помнит очень многих людей, которые приходили к нему на прием. Многие говорили, что он помогал деньгами: просто лез в ящик стола, доставал приличную сумму и давал просящему.

Так было в начале 2000-х, где-то года до 2010 – владыка принимал у себя (в новом кабинете, уже в другом здании – кабинет был просторен, богат, со множеством подарков от почитателей) каждую среду и пятницу, с 10 утра и до последнего посетителя. Любой мог прийти, встать в очередь и попасть к архиерею хоть поздно вечером. Конечно, попов пропускали вперед, но все же шанс был.

Со временем это сошло на нет. Многих мирян стали тормозить на уровне секретаря епархии, и в последние годы на прием к архиерею стояли в основном только попы, да и то их стало намного меньше (особенно после раздела епархии на три части). Думаю, дело еще было и в том, что большинство мирян приходили или за разводом (поэтому их отсекали от личной встречи – достаточно заполнить бумажки и заплатить пошлину), или жаловаться на попов — и тогда отсечение их на уровне секретаря облегчало многим жизнь. Одна психически нездоровая дама тоже ходила на меня жаловаться, спасибо, ее тормознул секретарь, иеромонах, который мне потом пересказывал ее бредовые жалобы.

Секретари епархии

Важным лицом, через которое проходили все, желающие встретиться с архиереем, был его секретарь. Первым секретарем, с которым я познакомился, был ключарь собора, второе лицо епархии, но когда священником стал я, то вскоре на месте секретаря оказался замечательный батюшка, который встречал всех с застенчивой улыбкой, спрашивал, в чем суть вопроса, доброжелательно все объяснял. Но он тяготился ролью секретаря, тем более что у него не было собственного прихода, служил то там, то сям. Поэтому он попросился на приход и покинул это место.

Следующим секретарем был довольно знаменитый поп – протоиерей Владислав Жмурин, по прозвищу «Похоронщик». Он перебрался в нашу епархию из другой среднерусской, где тоже был известен своими темными делишками.

Он служил на окраине города, в кладбищенском храме. В середине 2000-х прославился громкими скандалами, связанными с погребальным бизнесом: взял в аренду земельные участки и стал там незаконно хоронить людей. Он перешел дорогу погребальным мафиози (хотя сам отличался от них лишь крестом на животе и протоиерейством) – пошли суды, прокуратуры, разоблачения в газетах, покойников было велено перезахоранивать. На владыку надавили, и он опубликовал письмо, где говорилось, что «... в связи с вредоносными для епархии действиями, не согласованными со мной, нахожу невозможным ваше дальнейшее пребывание в должности моего секретаря, о чем вас извещаю».

Отец Владислав был отстранен от секретарства, снят с настоятельства кладбищенского храма. Далее логика подсказывает: «...был переведен пятым священником в деревню Кукуй-на-Горе» — фига с два. Он был отправлен настоятелем в отличный, недавно построенный спонсором храм в центре города, где благостно провел несколько лет, а потом был переведен на самое высокое место: стал настоятелем кафедрального собора, митрофорным протоиереем, кем и пребывает в благости и довольстве до сих пор, подгребая под себя власть над епархией при престарелом архиерее.

Именно он был героем анекдота, опубликованного мною, когда в одном интервью сказал: «Выходных у меня почти не бывает, а когда и бывают, то чувствую себя неуютно: сразу хочется сделать что-нибудь богоугодное...»

Оля

Следующие попы-секретари уже не интересны, зато интересна секретарша владыки, некая Оля. Именно Оля, по отчеству ее мало кто звал, да почти и

никто не знал, как мало кто знал ее по фамилии. Говорят, владыка подобрал ее, девочку-сироту, где-то в девяностых, став ей вроде опекуна. Я не хочу думать про владыку что-то иное, нехорошее: в то время владыке уже было в районе 60-ти, а девушка малопривлекательная, тощая, со злобным хищным личиком.

Официально Оля была типа делопроизводительницы, но реально в ее тонких ручках сконцентрировалась вся власть в епархии.

Не знаю, как было дело в девяностых, но в начале-середине двухтысячных основную власть над владыкой имели попы-олигархи, те самые вторые, третьи лица епархии, о которых я уже рассказывал: ключарь собора отец Никита, мой настоятель отец Петр, ревизор епархии отец Леонид и, возможно, еще пару маститых протопопов. Они крутили владыкой, как хотели, не стесняясь об этом говорить: мол, стоит нам что-то захотеть, кого-то снять, перевести – считай, что владыка уже это подписал.

Вообще, на сей счет ходила присказка в нашей епархии: «Кто первый донес – тот и прав». Владыка отличался излишней доверчивостью, а так как у его ушей постоянно паслись эти крутые попы, то и слушал их он, выполняя их волю. Был даже период, когда отцы-олигархи, опасаясь за свою власть, приняли постановление, чтобы никакой священник не мог пойти к архиерею на прием, не спросив разрешения у благочинного, да и вообще не надо было идти к архиерею – надо было изложить просьбу благочинному, а благочинный сам ее передавал (или не передавал) выше. А благочинными были они же, так что круг замыкался. Естественно, что так отсекалась возможность пожаловаться архиерею на них самих.

Но постепенно эти крутые попы стали слетать со своих мест: то ревизор слишком нагло стал воровать, и его сняли, то моего настоятеля и благочинного отца Петра сгубила его собственная злость (ну и я дал ускорения), а потом и всесильного ключаря сняли с собора (возможно, усилиями протоиерея Владислава, который занял это место). Олигархи слетели, а Оля осталась. И вот она была тем человеком, которого боялись практически все попы, включая и олигархов.

Ибо Оля была неумолима как смерть. Ей не нужно было с кем-то спорить, сражаться, интриговать: если кто-то переходил ей дорогу, смел возразить, или просто ей не нравился, то ей достаточно было наедине зайти в кабинет владыки, положить ему на стол документы этого священника – и гудбай, священник кубарем вылетал в деревню, хорошо, если еще не из епархии.

Поэтому все попы знали: хочешь себе добра, хочешь получить что-то от архиерея – сначала умасли Олю, повиляй перед ней. Оля же умела держать всех попов на поводке: даже на архимандритов, митроносцев-протоиереев смотрела холодно, брезгливо, сжав тонкие губы.

Думаю, я был одним из немногих, кто совершенно не боялся Оли. Она понимала это: знала историю, как я свалил могущественного отца Петра, видела мои статьи в газетах, и знала, что в случае чего – я дам отпор. Поэтому со мной она была вежлива, порой даже добродушна. Один только раз она, не разобравшись, написала мне что-то угрожающее по электронной почте. Я приехал в епархию, вломился к ней в кабинет и наорал на нее. Она была в шоке: такое вряд ли случалось с ней часто. Мало того, она даже постаралась разобраться в ситуации, и почти извинилась за свой тон.

Был случай, когда она даже попыталась протолкнуть меня по карьерной лестнице (не ради меня, разумеется): я уже несколько лет писал критические статьи в епархиальной газете, выпустил книгу, и однажды меня вызвал к себе владыка. Сделано это было в обычной форме — испуганный звонок благочинного:

— Отец! Срочно бросай все дела: лети в епархию – тебя владыка вызывает! Почему – не знаю!

Когда я зашел к владыке, он сидел задумчиво перед раскрытой газетой соседней, крупной епархии.

— Вот, видишь? – сурово спросил он меня. – Хорошая газета, а?

— Не знаю, владыка, не читал.

— А наша газета, «Православные вести», хорошая? Как думаешь? Или что-то в ней надо поменять?

Вопрос был провокационный. Наша убогая епархиальная газета в реальности состояла из одной тетушки, слабо разбирающейся в православии, хотя в редакционном совете значились два священника. Из интересного в газете были только (да простят меня читатели за хвастовство) мои критические статьи. Остальное: или бред с приходских полей, или идиотские «духовные» стишки, или мракобесные статьи одного протоиерея-фрика, безграмотного в православии, зато бывшего ректора сельхозинститута, а ныне значащегося в редколлегии епархиальной газеты. Тот бред, который он нес в своих статьях, о духовной экономике, духовно-нравственных системах, вперемешку с патриотическим угаром, был просто невыносим.

— Честно сказать, владыка? — рискнул я.

Тот нахмурился:

— Конечно, честно!

— Тогда нужно перестать печатать глупые статьи, запретить все стишки, нанять пару профессиональных журналистов, платить им зарплату, искать нормальных авторов, выезжать «в поле» — тогда еще что-то можно будет сделать.

Владыка сдвинул брови, яростно метнув в меня взгляд:

— Та-ак! Понятно!.. То есть работать ты не хочешь — я так понимаю?!

Я развел руками, сразу уловив, что решение на мой счет уже принято. Потом я был выдворен из кабинета.

Оля догнала меня на лестнице:

— Ну, как прошло?

— Да вот так.

Она вытаращила глаза:

— Ничего себе! Это ведь я предложила тебя: ему надо было назначить человека в информационный отдел епархии! Я думала, что дело верное...

Для нее, видимо, было неожиданностью, что нечто пошло не по ее плану.

Казалось, что власть Оли будет вечной: в соседних епархиях подшучивали над нашей, говоря, что «везде патриархат, а у вас — матриархат». Но случилось неожиданное: уже после моего ухода из епархии мне рассказали, что Оля была поймана за руку на подделке подписей митрополита: она составляла липовые указы от имени правящего архиерея, по которым негодные ей священники ссылались в тьмутаракань на самые худшие приходы.

Оля была уволена, но в епархии, как говорят, изменилось только одно: вместо Оли стал безраздельно властвовать уже известный нам протоиерей Владислав Жмурин.

Епархиальные собрания

Епархиальные собрания у нас проводились обычно три раза в год: на второй неделе Великого поста, в августе-сентябре и под Новый год. Схема практически всех собраний, на которых я присутствовал (а я был штук на

тридцати), была одинакова: в актовом зале собирались попы, в первые годы около 300-350 человек, после раздела епархии – уже сотни полторы. В актовом зале стояли стулья, впереди – сцена, сбоку от сцены – огромная картина Христа, высотой метров 15. На этой сцене стоял стол, за который потом садился архиерей. Иногда, но редко, рядом с ним садился кто-то: или Оля, или какой-нибудь чиновник.

Собрание никогда, разумеется, не начиналось в урочный час: попы сидели, болтали, делились житейской информацией: деньги, епвзносы, товар с епсклада, нагоняи от благочинных, проблемы со спонсорами или с прихожанами – все как всегда. Наконец пролетал шепоток: «Идет!» Все вставали, протодьякон взмахивал рукой: все рявкали «Царю Небесный». Владыка быстро проходил на сцену, допевал вместе со всеми (петь митрополит любил, у него был немного дребезжащий, но уверенный тенорок), поворачивался, благословлял, отцы в этот момент ревели: «Исполла эти, деспота».

Собрание начиналось чаще всего (хотя изредка эта часть опускалась) чтением дневного Евангелия и Апостола. Владыка неторопливо открывал зачало (на русском языке), медленно читал. После говорил что-то рассудительное, типа: ну вот, мы с вами прочитали, так что нам с вами следует это соблюдать, быть примером... и прочее из серии «единожды один – один».

Начиналась самая длинная и утомительная часть – переключка. Особенно утомительной она была, когда попов и дьяконов было больше 300 человек. Представьте: владыка берет лист бумаги, смотрит внимательно поверх очков:

— Иерей Алексей Алексеев!? – взгляд в зал.

— Тут! – вскакивает нужный иерей. Владыка ищет взглядом, смотрит на попа задумчиво:

— Ты где у меня служишь, Алексей?

— В Муходрищенске! Приход такой-то!

— Аа, — вспоминает о существовании Муходрищенска и тамошнего прихода митрополит. — У отца Лаврентия? Как он там, выздоровел?

— Я тут, владыка! – вскакивает отец Лаврентий.

— Аа, и ты тут! – довольно хмыкает архиерей. — И до тебя очередь дойдет! – снова глаза в бумагу:

— Иерей Алексей Алексеев! Владимирович! – добавляет владыка, чтобы отличить просто Алексея Алексеева от такого же, но, слава Богу, от другого родителя.

Иногда дело шло быстрее, отцы вскакивали, десятки пролетали, но иногда на зов владыки никто не отзывался. Тогда тот хмурился:

— Где отец такой-то? А?! Благочинный знает?!

Горе тому благочинному, который не знает, что с его подчиненным попом. Горе тому попу, который не доложил благочинному, почему не приехал на собрание. Если у попа не было уважительной причины: чередной, болезнь, застрял на острове во время наводнения, как мазаев заяц (был такой реальный случай), то владыка потрясал пачкой листов:

— Передайте этому БЕЗДЕЛЬНИКУ!! что жду объяснительную! Если и в следующий раз пропустит собрание, то буду принимать меры!

Когда дело доходило до меня, то нередко владыка останавливался и отпускал какую-нибудь шуточку в мой адрес, типа:

— А, критик! Опять статью написал – ух, я читал! Смело, остро, мда, ну что ж – берите пример!

А если статья была слишком острая, то:

— А, писатель... Ты там это – смотри, пиши-пиши, да поосторожней!

Когда переключка заканчивалась, то начиналась еще более скучная часть: владыка зачитывал вслух бумажки, пришедшие из Патриархии или от каких-нибудь органов власти (зачем – непонятно, потом нам все эти бумажки все равно скидывали по электронке). Потом что-нибудь обязательно говорил митрополит про взносы, распекал те приходы, которые плохо выкупают товар со склада или не выкупают положенную квоту епгазет. Когда дело касалось епархиальных денег, владыка начинал кипятиться, порой громко кричать, взмахивая кулаком. Именно в один из таких моментов он произнес свою коронную фразу, которую можно отлить в гранит:

— Я знаю: наших отцов Страшным судом не запугаешь! Но я приму административные меры!

После митрополита обычно выступали или приглашенные гости, типа какого-нибудь чиновника по пожарной части или по части образования, а потом выступали одни и те же попы, руководители епотделов. Говорили они одну и ту же скучищу: докладывали, как у них все хорошо, но было бы еще хорошее,

если владыка благословит, а отцы подмогут. Владыка благосклонно кивал, отцы зевали.

Были еще отцы, которые хорошо понимали психологию архиерея, поэтому практически на каждом собрании пытались выйти на сцену и что-нибудь хорошее сказать про себя. Обычно это было глупо, пошло, выглядело так, будто собака виляет хвостом перед хозяином – попы в зале посмеивались, но эффект достигался: владыка благосклонно слушал, запоминал, что такой-то отец много работает, раз много выступает на собрании. И потом был виден результат: чаще всего именно такой говорун-подхалим получал какой-нибудь пост в епархии.

На этом собрание заканчивалось. Нет, иногда владыка спрашивал, не хочет ли кто задать вопрос, но умудренные жизненным опытом отцы вопросов не задавали, ибо знали, что ничего хорошего они не услышат. Бывали идиотики, которые изредка искренне пытались что-то спрашивать. Обычно владыка прикидывался глухим или обрывал задающего животрепещущий вопрос какой-нибудь резкостью, после чего тот терял нить и садился, не получив ответа. Все знали: собрание не для того, чтобы спрашивать о важном, оно для того, чтобы просто было. Положено ему быть три раза в год – и все, на этом хватит.

После собрания обычно я возвращался еле живой: три-пять часов потерянного времени, шума, бессмыслицы.

Проповеди

Когда-то, много десятилетий назад, митрополит был ректором одной из семинарий, но во времена служения в нашей епархии он не был замечен тяготением к наукам или даже к особому проповедничеству. Единственное – он регулярно вел передачу на местном телевидении: читал кусочек из Писания, потом толковал его на самом доступном уровне.

Его проповеди в храмах были замечательны. Во-первых, тем, что длились не более 5 минут. Во-вторых, говорил он их проникновенно, с душой, громко и часто потрясая дланью по направлению к слушающим: мол, ну услышьте меня наконец! Суть проповеди из года в год была одна и та же, мало того, даже текст проповеди был обычно один и тот же: на любой праздник, событие, хоть пост, хоть Пасха, владыка говорил: надо молиться — читать утреннее и вечернее правило, соблюдать пост, укреплять семью, воспитывать детей и «ВЕСТИ ПРАВОСЛАВНО-ХРИСТИАНСКИЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ!» Последняя фраза была у него коронной: я слышал ее все годы на

всех проповедях без исключения. Эта фраза и была центром и сутью его проповеди, а несколько предложений служили обрамлением.

Таковы же были и его рождественское и пасхальное послания. Он всегда писал их сам (и я был очень благодарен ему за это): нас заставляли зачитывать патриаршее и митрополичье послания на тех службах. И если патриаршее послание было нудным, с цитатами, рассказами о том, как патриарх посетил ту или иную страну или епархию, с упоминанием социальных проблем и «вызовов современности», три-четыре, а то и пять страниц текста, то послание митрополита Георгия было такое же, как и его проповеди: два-три коротких абзаца (!) и обязательно «православно-христианский образ жизни». Коротко и отмучился.

Личная жизнь

О личной жизни и мировоззрении митрополита мне известно не много, владыка был не из тех представителей архиерейства, за которыми тянется шлейф скандалов. Ничего, связанного с мальчиками или женщинами, я никогда не слышал. Секретарша Оля явно была из другого теста: скорее, змея, пригретая на груди.

Сам владыка жил в здании монастыря, келейницей у него была какая-то старая монашка, которую я даже в глаза не видел. Где-то на окраине города у него была дача, по всей видимости, коттедж. Время от времени он куда-то уезжал, по слухам, отдохнуть или лечиться за границу или на юга.

Свои взгляды и предпочтения он не афишировал: мы, не приближенные, не знали, что он думает по поводу выборов патриарха или еще по каким-то вопросам. Он всегда отмалчивался. По всей видимости, и в Патриархии он не склонен был крутиться, искать себе лучшее место. Говорят, однажды, еще при Алексии, он ездил в какую-то значимую поволжскую епархию – ему предлагали занять там кафедру, но он отказался, сказав, что в нашем городе еще мало сделано.

Когда разделяли епархию, было неприятно видеть, как владыка с усилием над собой вынужден был врать нам в глаза. Он сказал, что ему тяжело руководить такой большой епархией, поэтому будет просить разделить ее на три части. Глаз он при этом не поднимал, и голос у него был недовольный. Но даже честно сказать нам, что его заставили разделить епархию, он не мог: то ли из корпоративности, то ли так силен был страх перед Кириллом.

Деньги

Финансово владыка был обеспечен так же, как и любой другой архиерей, правда, он никогда не выпячивал свои доходы, никогда не показывал какую-то роскошь. Как всякий епархиальный архиерей, он получал содержание (не знаю цифр, но думаю, они более чем приличные). За каждый приезд на приход ему вручался в качестве «благодарности» конвертик с суммой – это было святое. Горе тому настоятелю, который бы посмел не дать конвертик. Сумма в конвертике зависела от возможностей прихода, но определял эту возможность не настоятель, а, скорее, благочинный или, что еще вероятней, протодьякон, который обсуждал с настоятелем все детали. Раз я был свидетелем, когда настоятелю беднейшего прихода жестко выговаривали:

— Ты нам (протодьякону и иподьяконам) можешь меньше дать – но владыку не смей обижать!

И владыку не обижали. Думаю, минимальная сумма в конвертике была 10 т.р. С крупных приходов – на порядок выше. Служил на приходах владыка часто, два-три раза в неделю точно, так что можете прикинуть, какую сумму ежемесячно давал конвертик.

Помимо этого все приходы собирали несколько раз в год определенные суммы «на подарок архиерею»: на Пасху, Рождество, день ангела (память святого покровителя в монашестве), день рождения, день архиерейской хиротонии. Иногда милостиво пропускался или день рождения, или день хиротонии, потому что они были слишком близко друг к другу.

Нищие приходы, типа моего вагончика, отстегивали 500-1000 р. за раз. Средние – 5000-10000 р., крупные – намного больше. Однажды деньги были вложены в конкретику: владыке подарили отличную Тойоту. Старую купил у него протодьякон.

После раздела епархии стало, конечно, беднее, но, впрочем, и суммы на подарок тоже увеличили в два-три раза.

Разумеется, в полном распоряжении владыки была касса епархии. Но, повторюсь, мы не видели ни золотых часов, ни какого-то другого шика. Вел себя на людях митрополит достаточно скромно.

С властями митрополит Георгий старался дружить, особенно, если власти города позиционировали себя православными, помогали ему в строительстве храмов. Но порой мог быть и жестким: говорили, что в середине девяностых он отлучил от Церкви одного депутата, который сунул нос в финансовые дела епархии.

Эпилог

Митрополит Георгий — человек неоднозначный, но на фоне множества других деспотов выглядит в целом достаточно приличным. Главная его беда: доверчивость к тем льстецам, которые крутились около него, многолетняя зависимость от всесильной Оли.

Главные плюсы: думается, он действительно верит во Христа, искренне молится, искренне желает блага людям. Но все-таки после 75 каждому архиерею надо уходить на покой, иначе он превращается в умильного или ворчливого старичка на кафедре, со слабой памятью и волей, а рулят епархией другие люди.

АРХИЕРЕЙСКАЯ СВОЛОЧЬ

Протодьякон

Когда архиерей приезжает на приход, то чаще всего на приходе нет даже дьякона, а архиерей скорее способен отслужить без священника, чем без дьякона. Поэтому всегда с архиереем ездит протодьякон – священная корова, вернее, священный буйвол, который имеет в епархии огромную власть.

В нашей епархии с самых первых лет ее возрождения (с начала девяностых) в протодьяконы выбился некий Стефан Полевой. Он был одним из первых, кто появился около тогда еще архиепископа Георгия, да к тому же у него было консерваторское образование. Человек пронырливый, умеющий услужить архиерею. К тому же с богатой коммерческой жилкой: были известны места в торговых центрах, где протодьякон держал личные церковные лавки, в которых продавалось в основном золотишко и серебро: крестики, цепочки и т.п.

При епархии был организован православный институт, в конце девяностых там был и регентский факультет, которым руководила замечательная семейная пара профессионалов, они вывели пение учащихся на высокий уровень. Но протодьякон захотел рулить сам: с помощью интриг он выжил эту пару из института, а сам стал деканом регентского факультета.

И тут дело не только в карьере. Самое главное – деньги. Ведь в те годы открывались многие приходы, разумеется, своих певчих часто не было, поэтому настоятели просили «напрокат» девочек и парней с регентского. И Полевой милостиво отпускал ребят «для тренировки», а сам получал с настоятеля денежку за присланный хор.

Так же было и в случаях, когда приезжал на приход владыка: редко где приходской хор мог справиться с архиерейской службой, поэтому хор приходилось заказывать через протодьякона, и там цены отличались уже в более высокую сторону. Что-то перепадало и певчим, но львиную долю забирал протосутенер.

Но главный доход протодьякона был, конечно, с архиерейских служб. Перед приездом архиерея на приход настоятель связывался с протодьяконом, заказывал хор, выясняли вид и размер трапезы, обсуждали размер конвертиков: один – архиерею, другой – протодьякону с иподьяконами. Например, если владыке 10 т.р. (по самому нищему варианту), то второй конвертик тоже на 10 тысяч, из них — 5 – протодьякону, остальные разделяются между иподьяконами, тоже в зависимости от их важности.

И помимо этих левых доходов протодьякон получал еще и зарплату: как клирик, приписанный к кафедральному собору, и как декан регентского факультета. Это позволяло ему перекупать у владыки его «старую» иномарку, ездить отдыхать за границу. Один раз был конфуз: протодьякон настолько обнаглел, что уехал в отпуск в Гонконг, не спросившись у архиерея. Архиерей рвал и метал, даже снял протодьякона по возвращении с деканства. Но ненадолго: вскоре тот вновь оказался на своем месте и в фаворе у владыки.

Свою жену Полевой тоже пристроил на факультет, которым она рулила в его отсутствие. Регенты терпеть не могли ни протодьякона, ни его жену, но поделаться ничего не могли. Качество пения резко ухудшилось.

В общем, протодьякон чувствовал себя (и чувствует до сих пор) вице-королем в епархии, он никогда не берет благословения у священников, всегда здоровается за руку, как равный. Но, в принципе, человек он не злой, чаще даже благодушный, улыбчивый, любит пошутить. У тебя не будет с ним проблем, если ты только не перейдешь ему дорогу.

Иподьяконы

Без этих ребят никакой архиерей и шагу не ступит, в прямом смысле, – тут же упадет. Поэтому в храме архиерею нужен тот, кто несет сзади его длиннущую мантию. Нужен жезлоносец, который стоит с архиерейским жезлом у царских врат и вовремя подает его. Нужны те, кто подкладывает ему в нужных местах алтаря и солеи в нужное время специальные коврики – орлецы. Нужны те, кто помогает ему облачаться и разоблачаться – а это целый долгий ритуал, с пением, выносом определенных предметов, включая

гребень, которым архиерей расчесывает волосы и бороду прямо посреди храма. А еще нужны те, кто подаст ему кадило, трикирий и дикирий. В общем, иподьяконы – важные спутники архиерея, как прилипалы у акулы.

Обычно с владыкой ездили 4-5 человек, это были ребята с богословского факультета православного института. Некоторые менялись, их рукополагали, но некоторые оставались при владыке многие годы – именно они были самые наглые. Самый долгожитель – Васька, тот самый, который мстил мне с водой во время хиротонии. Его рукоположили в дьяконы, но он продолжал иподьяконствовать с владыкой, даже когда через несколько лет получил чин протодьякона и часто стал подменять отца Стефана, он все равно выполнял и функции иподьякона, совмещал, так сказать: то ектинию выйдем скажет, то владыке облачение подаст.

Васька был наглец из наглецов, он руководил всеми иподьяконами, орал на пономарей в храме, куда они приезжали, борзо вел себя с настоятелем, какого бы ранга тот ни был. Ибо Васька всегда мог нагадить и настроить владыку против настоятеля, например, дать ложное указание пономарю или священнику, который плохо знает ход архиерейского богослужения: тогда священник ошибется, владыка разозлится – ух, никакой настоятель такого себе не пожелает. Поэтому перед Васькой заискивали, а он наглед еще больше.

К владыке он относился довольно пренебрежительно, называл его «этот старый», но, возможно, в глубине души даже любил того.

Однажды Васька меня поразил, когда мы вместе проходили сорокоуст. Глядя в окно мечтательно, он сказал:

— Какие интересные краски восхода... — потом смутился и признался: — Да, а что: я рисовать люблю, иногда с красками балуюсь...

Но такое человеческое было нечасто, чаще всего были разговоры о бабле, бабах и похвальба, как и сколько он выжрал водки, моясь в бане с каким-то генералом.

До денег иподьяконы были жадные, они выбивали свой доход из настоятеля жестко. Обязательным условием был отлично сервированный стол после службы. Так что приезд архиерея был кошмаром для любого настоятеля, и две трети этого кошмара составляли иподьяконы.

Архиерейская сволочь – это один из важных пунктов, почему священники поголовно были против раздела епархий. Ведь епархия, которая выделилась из основной, должна была с нуля снарядить всем необходимым нового

архиерея, содержать его новую архисволочь, а архиерей в маленькой епархии стал приезжать на приходы не раз в 5 лет, как было раньше, а пять раз в год, чтобы собрать свою дань. Поэтому поверьте: не священники – главные обжоры и жадины в церкви: главные хищники и троглодиты (после архиерея) – это протодьяконы и иподьяконы.

Прихожане видят только внешнюю показную красоту: толпа народа кружится вокруг архиерея, все блестит, сверкает, красота, но реально – все это пустое, вся эта показуха скорее отделяет архиерея от остальных людей, приближая к византийским царям, далеким и великолепным. Сначала это нравится, но потом смотришь с грустью и думаешь: на что тратится жизнь человека – один стоит, расставив руки, а другие прыгают вокруг него, застегивая позвонцы на саккосе или омофоре или поднося полотенце для ритуального умовения рук. Где тут Бог, зачем тут Бог?

А если еще и столкнуться с этими людьми близко, как сталкиваются священники, то становится видно, что более далеких от Бога людей, чем прото- и иподьяконы трудно найти. Может быть, так не везде и не всегда, но такая жизнь просто создана для развращения даже хорошего человека: постоянная богатая жратва и выпивка, легкие деньги, власть и наглость.

Изменить это можно лишь кардинально: отказавшись от всего этого византийского архивеликолепия, служа просто и без понтов. Но в РПЦ это вряд ли реально.

НА СОРОКОУСТЕ В КАФЕДРАЛЬНОМ СОБОРЕ

Деньги

Когда меня рукополагали, я знал, что на сорокоуст, скорее всего, попаду в одно из двух мест: или в монастырь, прихожанином которого я был несколько лет, или в кафедральный собор. Конечно, я хотел в монастырь: я к нему привык, да и духовник-игумен был там, а собор страшил какой-то чуждостью, наличием незнакомых попов и страшных бабок на подсвечниках.

Попал я в собор, потому что после дьяконской хиротонии в алтаре владыка вслух стал размышлять: куда, мол, его (меня) послать. Тут же к нему подлез ключарь собора, отец Никита, дружок отца Петра, от которого я рукополагался, и шепнул владыке пару слов. Выбор был сделан.

Главная особенность дьяконского или священнического сорокоуста в том, что за время его прохождения тебе никто не платит зарплату, ни гроша. Ты

служишь каждый день, утром и вечером, неопределенное количество времени (как решит архиерей): может, неделю, может, как и заложено в понятии «сорокоуст» — сорок литургий, но сорокоуст может затянуться и на несколько месяцев, в зависимости от самых разных причин. Например, для тебя еще не подобрали приход, или тебя так наказывают за провинности или несмирение (так, меня на дьяконском сорокоусте наказали за излишнюю самостоятельность и строптивость, настучав на меня владыке, и тот продлил мой сорокоуст — он длился ровно два месяца), или просто в соборе нужен халявный дьякон — тоже отличный повод для затягивания.

Вообще, в те времена (начало двухтысячных) собор, по сути, на 90 процентах служб использовал ставленников, которые забесплатно служили, а клирики собора получали зарплату, попивая водочку в поповской комнате.

Разумеется, и с того прихода, где я был пономарем, мне не обломилось ни копейки — зачем? Раз пользы от тебя в данный момент нет, то и незачем тебе помогать.

Такая у меня была ситуация: неработающая жена с годовалым младенцем, отсутствие жилья, полное отсутствие средств. Единственным выходом было: отправить семью в деревню к теще, а самому попроситься ночевать в поповской комнатке на диване. Благо, в трапезной собора кормили бесплатно, и был душ.

Мой сорокоуст длился около ста дней: два месяца дьяконский, 40 дней — священнический. На священническом сорокоусте, правда, жить стало чуточку легче. Во-первых, стали перепадать кое-какие неудобные для других отцов требы. Так, было прочно занято доходное крещение в храме (хотя иногда мне предлагали крестить, но я отказывался делать это без оглашения), отпевание, а вот выездное причастие, соборование, посещение в больнице — это любезно скидывалось сорокоустнику. Вот на таких требах порой что-то давали батюшке, хотя, в принципе, любая треба должна была оформляться через церковную лавку.

Это был важнейший момент: все деньги за требы, оформленные в лавке, как внутрихрамовые, так и выездные, складывались в особую кружку. Раз в неделю ключарь вместе с его доверенным дьяконом (или дьякон с доверенным иподьяконом) уходили в кабинет ключаря и там, за закрытой дверью, вскрывали эту кружку. Сколько там было денег — знали только они, но кружка «честно» делилась между отцами. Львиная доля, разумеется, забиралась ключарем и его присными, остальное делилось по ранжиру: старшим священниками, маститым протоиереям — больше, младшим —

меньше, сорокоустику перепали крохи, но на проезд, булочку и даже мороженое порой хватало.

Еще подзаработать помогало то, что большинство батюшек летом в соборе впадали в сибаритство и всячески отлынивали от своих обязанностей. Их было много: клириков собора — человек 7 священников, три дьякона, ключарь, пара сорокоустиков, иногда бывали отцы «на исправлении» или просто на подработке, но днем, между службами, в соборе часто оставался один я, остальные или уходили домой, или кто-то дремал в поповке. А люди приходили со своими бедами и проблемами, натыкались на юного попа, который сидел во дворе на лавочке, в тенечке. Поэтому частенько требы перепали мне и таким образом.

Да, еще одна возможность подработать была через освящение золота и серебра. Это были плевые деньги: священнику перепало процентов 20 от стоимости освящения той золото-серебряной кучи, которую тебе регулярно притаскивал пономарь. Три минуты бормотания молитвы, два взмаха кропила, и в кармане ощутимая сумма. Но именно этот момент стал одним из главных в моем конфликте с некоторыми священниками, а особенно — дьяконами и иподьяконами собора, можно сказать, что некоторые даже возненавидели меня, считали гордецом.

Дело в том, что часто (очень часто) всю эту драгоценную кучу притаскивали в алтарь прямо во время службы, хоть то была всенощная, хоть литургия, хоть евхаристический канон на литургии — плевать: притаскивали и махали священнику: мол, давай, находи паузу, мольнись, покропи, получи бабло и радуйся. И все так и делали: и маститые, и сорокоустики (за три месяца я видел и учил нескольких сорокоустиков). И только я уперся:

— Нет, и все, — сказал я им. — Во время службы никакого освящения.

— Ты че — самый умный, что ли?! — вызверились на меня иподьяконы. — Тут все освящают — а че такого-то? Служба? Ну, служи, кто тебе не дает: нашел паузу, покропил да служи дальше! Или тебе денег не надо?

Денег мне было надо, но глупая совесть не позволяла. На меня смотрели косо, с откровенной злобой, некоторые — с недоумением. Но поделаться с собой я ничего не мог.

Деньги в соборе любили все отцы, правда, напрягаться ради них мало кто хотел. Когда кто-то приходил скорбный в собор и искал батюшку, чтобы позвать того пособоровать, причастить, исповедовать или отслужить молебен в больнице или на дому, то такой человек редко мог пообщаться с

батюшкой напрямую: или священник где-то типа занят, или его просто нет (или он пьян и дремлет в поповке). Разговаривать пришедшему приходилось с работницей в церковной лавке. Та ему выкладывала прејскурант на услуги, сразу говорила, что если ехать в больницу, то или транспорт предоставлять, или такси вызывать, туда и обратно, и стоимость такой выездной требы была очень приличной: в 2003 году в районе 1000-1500 р. Чаще всего пришедший был бедным дедушкой, у которого старушка помирала в больнице и просила привести батюшку для причастия. Таких денег у него не было, транспорта тоже.

Вопрос тогда решался просто: соборный клирик разводил руками: «Я на своих двоих не поеду! И свою машину гонять тоже не собираюсь! Пускай решают, как хотят!» О таких отказах я слышал впоследствии еще много лет: люди с жалобами обращались в другой храм, нередко ко мне, потому что я окормлял огромную больницу. А во времена моего сорокоуста на такую требу ехал или я (на трамвае), или, если я не мог, мой товарищ, второй священник из храма отца Петра – отец Макарь, безропотный и совестливый, который в то время жил в двух шагах от собора, поэтому его регулярно вызывали на такие недоходные требы.

Но если в храм приезжал солидный дядя на солидном джипе, то тут же находился не только священник для освящения, но и подряжался помогать дьякон или один из протодьяконов (их в то время в соборе было двое): освящение проходило помпезно, пелось громко, водой кропился каждый дюйм авто и весь солидный дядя, вплоть до глубины кармана. Потому что освящение джипа шло по самой высокой тарифной сетке: в соборе было расписано, какого сорта авто сколько стоит. На уровне джипа была только фура.

С удовольствием батюшки ездили на освящение жилища, тарифная сетка тоже была расписана по комнатам: однокомнатная столько-то, двухкомнатная – столько, и т.д. Офис и прочие производственные помещения шли по отдельной статье. Один батюшка-сорокоустник, кстати, любитель выпить, раз освятил целый ликеро-водочный завод. Повезло.

Самой доходной требой в соборе было крещение. Разумеется, ни о каких смешных оглашениях там и не слышали. По епархии годами гуляли анекдоты о том, как у кого-то крестным стал мусульманин, у кого-то — атеист. Регулярно крестными становились некрещеные. Порой всё-таки задавался вопрос: крещены ли сами будущие крестные. Если нет, то не беда: крестили одновременно и крестного, и крестника, просто крестного пропускали

вперед, чтобы своего крестника он уже принимал «настоящим» христианином.

Даже в последние годы, когда стали вроде бы требовать оглашение, в соборе оно выглядело так: оформлялась в лавке треба, народ собирался, священник в течение пяти минут что-то невразумительно им бормотал о необходимости верить, молиться и приносить младенцев причащать, потом всей дружной толпой шли креститься.

Креститься можно было прийти в любой момент любого дня, оформить крещение и немного подождать. Люди подходили регулярно, когда собиралось минимум 5-7, а то и 10 крещаемых вместе с их родителями и восприемниками, то приходил дежурный по крещению священник (а в такой день ничем другим он не занимался, только крестил с утра до вечера) и совершал чин крещения. Пока он крестил, собиралась новая группа, и через час-полтора – новый заплыв в купель. За будний день могло быть 30 крещаемых, за выходной – 100. Священник получал 30 % с каждого крещаемого, остальное шло в кружку на всех попов. Крещение в те времена стоило 1000-2000 р. Это, разумеется, общее крещение, индивидуальное было возможно, но стоило во много раз дороже.

Особо солидных младенчиков солидных господ крестил сам митрополит. Думаю, вопрос цены тут не стоит обсуждать – неприлично.

И да: уборщица в соборе (та, которая убирала весь комплекс церковной лавки вкуче с крестильней, поповской комнатой, сортиром, коридорами, бухгалтерией и другими комнатами) получала в месяц... 500 рублей.

Отцы соборные

Ключарь и его присные

Судьба не зря меня закинула на стодневную стажировку в собор: в монастыре я бы не изучил и десятой части той человеческой природы, которую можно узнать в соборе. Разумеется, история это прошлая, сейчас в соборе почти полностью сменился состав, но те колоритные персонажи, которые были там в то время, думаю, характерны для многих соборов по нашей необъятной стране.

Священники в соборе делились на несколько небольших групп (конечно, можно провести разделение по разным признакам, но тут я употребляю довольно стандартный).

Во-первых, ключарь. Ключарь – это как бы и. о. настоятеля кафедрального собора, а фактическим настоятелем считается архиерей. Обычно это значит, что архиерей забирает львиную долю дохода собора (не раз был свидетелем, как ключарь разводил руками на вопросы по поводу денег: «А что вы от меня хотите? Приехал владыка и все деньги забрал!»), а также через него решаются все главные вопросы жизни собора, типа ремонта, крупных спонсоров и подобное. Все остальное – в руках ключаря.

Часто место ключаря кафедрального собора – самое желанное для священника, стремящегося достичь высшей точки в карьере. Так как епископом белый священник не станет, то ключарь (иногда – настоятель) собора – это пик, эверест. Чаще всего, собор – это самый богатый храм епархии. Бывают и исключения, конечно. Но у нас в городе вряд ли был хоть один взрослый человек, который бы не знал, что кафедральный собор — это православный храм, самый главный, туда надо идти в случае чего. Один служитель правопорядка мне так однажды и сказал, тяжело глядя на меня: «Да для меня только одна церковь православная – это N-ский собор!»

Вообще, наш собор в советское время был небольшой кладбищенской церковью, но во времена запустенья духовного на весь город буквально оставалось пару церквей, поэтому в хрущевские времена именно эта церковь стала кафедральной, потому что располагалась в центре города. Интересная деталь: в советское время настоятель этой церкви отец Александр смог не только отремонтировать храм, но и существенно его расширить, пристроить хозяйственные службы, так что храм стал довольно вместительным. Не знаю, как уж ему это удалось согласовать с властями.

(Маленькое отступление, просто вспомнилось: я однажды видел старенького отца Александра, в конце девяностых, незадолго до его смерти. Он совершал в соборе венчание, и устроил скандал: начал визгливо кричать на несчастную новобрачную, которая была с голыми плечами и с руками в длинных перчатках, а ему надо было кольцо ей надевать:

— Ты что вырядилась тут, а?! Ты такими руками мясо жри, а не в храм приходи!! Ах ты, так тебя растак!!

Новобрачная чуть не рыдая, стаскивала перчатки, а он продолжал на нее орать.)

Если ты стал ключарем собора, то это фактически означало высшее доверие со стороны владыки, то есть ключарь сразу в глазах всех остальных священников становился вторым лицом епархии по умолчанию. Во время

моего сорокоуста таким лицом, вернее, мордovorотом, был отец Никита Птицын, невысокий, но очень крепкий мужчина, с солидным животом, но не отвисшим, жирным, а похожим на пушечное ядро. Отец Никита был в прошлом дзюдоист, имел крепкие ручищи, передвигался всегда стремительно, размашисто, и сразу было видно по его походке, что идет крайне важный и нужный человек в епархии.

Именно через него мой настоятель продвинул меня на сорокоуст в собор, где за мной был пригляд со стороны ключаря – отец Петр с настороженностью относился ко мне, а в монастыре у него не было связей, там за мной присмотреть было бы некому.

Следующим лицом по иерархии в соборе после ключаря отца Никиты был – нет, не какой-то митрофорный протоиерей – номинально таковым был знакомый уже нам протодиакон Стефан Полевой. Номинально, потому что он нечасто находился в соборе, обычно был или в разъездах с владыкой по епархии, или на регентском факультете. Фактически же рулил хозяйственными делами собора третий дьякон – Даниил.

Даниил был мордovorот похлеще ключаря: мощные 120 кг, как минимум, бугаина, одним словом, внешне ленивая, неторопливая, но все подмечающая и себе на уме, особенно во всем, что касается финансов. Его папаня был крупным протоиереем в областном центре, а сын был отлично устроен при соборе. Именно он был ответственен за вскрытие «братской» кружки в отсутствие ключаря.

Помощником у дьякона Даниила был один из борзых иподьяконов, который тоже был вхож во все денежные и прочие дела собора. А вот священники, несмотря на выслугу лет, были гораздо ниже в иерархии, ибо сами не могли ничего решать или даже требы исполнять, без воли на то ключаря.

Советские протоиереи

Следующая категория – это соборные протоиереи, маститые отцы, рукоположенные в советское время, редкие зубры, которые появились в епархии еще раньше владыки Георгия.

Самым колоритным из них был отец Никанор Балабан – ярчайший представитель того типа попов, которых принято называть западенцами.

В советское время трудно было получить рукоположение грамотным людям, особенно с высшим образованием, зато широко открыты двери в семинарию и на рукоположение были для простых парней из деревень Западной

Украины, где вера была крепка, вот только знаниями, умом и совестью многие из них были обделены.

Думаю, главная характерная черта такого типа попов, каким был Балабан (его, кстати, все так и звали, по фамилии) – это хватка. Такая хозяйственность, когда «всё в дом, всё в дом», всё подгрести под себя. Под стать ему была и его матушка, которая вечно крутилась на хозяйстве в соборе: деловитая плотно сбитая пожилая тетка, зыркающая сердитым взглядом по сторонам, проверяющая, где еще что-то не украдено, и как бы не спер кто-то другой.

Балабан был маленький толстенький старичок с визгливым голосом, чаще ласковый, быстро что-то говорящий, но общаясь с ним, сразу понимаешь, что до тебя, как до человека, ему нет абсолютно никакого дела. Единственно, до кого ему было дело – это старушки, приходящие на службу, да и прочие прихожане. Вот тут отец Никанор расцветал, начинал бегать по храму или по двору собора, со всеми раскланиваясь, благословляя, улыбаясь и перешептываясь с очередной знакомой старушкой.

Итогом такой пламенной любви к прихожанам был полный карман записок, которые совали ему старушки, чтобы батюшка помолился на службе. Да, можно было, конечно, отдать записку в церковную лавку, но это вроде как не так благодатно, а вот батюшка Никанор, надежда наша, помолится, как следует.

И отец Никанор молился как следует: он приходил в алтарь после начала литургии, когда большинство прихожан уже прошло через его карман, подходил к жертвеннику и начинал раскладывать пасьянс: мятую записку в работу, денежку, вложенную в записку, — обратно в карман. Записок было очень много. И отец протоиерей начинал усердно молиться: он брал тарелочку, просфоры и начинал стремительно выковыривать из просфорок огромные куски, быстро-быстро бормоча имена, уподобляясь пулемету Максима.

Эта молитва отца Никанора была сущим кошмаром для дьякона, служившего ту литургию (а обычно тем дьяконом был я – в течение 60-ти дней): он заваливал дискос огромной горой вынутых частиц, которые с трудом удерживались на дискосе, а потом, после причащения, эти частицы с дискоса высыпались в Потир (чашу для причастия).

После литургии обязанностью дьякона было потребить, т.е. доесть и допить все то, что осталось в Чаше после службы... Вот представьте: молодой худенький дьякон-сорокоустник, абсолютный трезвенник (вот совершенно

абсолютный – ни капли спиртного за жизнь) должен каждое утро натошак потребить 2.5-3 литра кагора самой плохонькой марки, а кагор весь наполнен частичками, наковырянными отцом Балабаном (плюс еще другие отцы, несколько человек, тоже свою лепту вкладывали нехило). Порой частиц было столько, что они не могли даже пропитаться кагором полностью.

И вот все это надо было потребить, а после этого горячей водой тщательно замыть Чашу и тоже все выпить... Немудрено, что для меня это было пыткой, я по полчаса или больше мучился, пытаюсь все это проглотить, так, чтобы меня не вырвало. Выходил я из храма с мутной головой, покачиваясь, с тяжелым животом, с тошнотой, стоявшей под горлом. Садился на лавочке в теньке и хотел только одного: уснуть и видеть сны. Проходивший мимо дьякон Даниил, живот которого мог вместить три раза по столько Потиров, весело звал меня завтракать, удивлялся, что я отказываюсь с отвращением.

Слава Богу, некоторые дьяконы и священники любили потреблять после службы, даже сами напрашивались, так что я при каждом удобном случае пытался избавиться от этой святой, но тошнотворной обязанности.

А вы удивляетесь, почему попы толстые...

Балабан за 20 с лишним лет священства так насобачился в службе, что служил ее грамотно, отлично, но не вкладывал в это ни капли души. Просто богослужение для него было способом отработать оклад плюс приятные бонусы в виде записочек. Проповедей говорить он не умел, сказать ему было нечего – обычно несколько быстрых, ничего не значащих фраз: «поздравляю причастничков, послушайте молитвы, следующая служба состоится...»

Еще одним местом, где царствовал Балабан, была исповедь. Натуральная такая, кондовая советская исповедь, когда в помещении под колокольной наспех вычитывались молитвы, отец Никанор зачитывал список грехов на церковнославянском, старушки смиренно повторяли «каюсь!», потом все подходили под епитрахиль и быстренько получали разрешительную молитву. Эпицентром сего священнодействия была старинная тарелка, на которую грешники складывали монетки и бумажки. После исповеди все это сыпалось в большой щедрый батюшкин карман.

Да, надеяться на личную исповедь у Балабана было бесполезно – он начинал раздражаться, кричать, мол, лезут тут всякие, давай, наклоняй голову да топай.

Особо духовный народ порой жаловался на такой подход, но это совершенно никого не волновало. Да что там: в некоторых храмах, особенно

сельских, исповедовали вообще нередко оптом: подходили человек по пять, наклонялись под епитрахиль, быстро бубнели свои грехи, получали отпущение. Быстро, четко, с оптовой скидкой.

Такая история со сбором записочек у прихожан и с исповедью была у большинства соборных отцов, особенно у советских протоиереев – они просто не представляли себе, что можно жить как-то иначе. Неважно, что шел уже всюду XXI век.

Но Балабан тут был звездой, у других отцов все было как-то мягче, проще, с каким-то стеснением порой, а отец Никанор искренне стал бы недоумевать, если бы его упрекнули за его поступки.

Еще Балабан был лидером поповского мракобесия: вся дурь, вся суеверная чушь, которая только бродила в народе, была мила его сердцу. Так через него в соборе распространялась замечательная «душеспасительная» листовка, приведу некоторые цитаты (с сохранением авторской орфографии):

«Для дома необходимо иметь основные иконы – это: Православный русский иконостас и охранные иконы.

Православный русский иконостас – в состав которого входят иконы Казанской Божией Матери, Иисус Христос, Николай Чудотворец (Угодник) – для сохранности семьи, дома. Чтобы не одиночило ваш дом и вас, нужно иметь все три лика.

Охранные иконы:

СЕМИСТРЕЛЬНАЯ – Икона прославилась многими чудесными исцелениями от всех болезней, а также от сглаза, порчи, чтобы не навредили в любви, супружеству, домашнему очагу, от зависти, от колдовства, так как Матерь Божия своими стрелами отсекает зло и люди с плохими намерениями не смогут переступить порог дома, офиса, а если переступят, то найдут повод непременно вернуться.

«НЕУПИВАЕМАЯ ЧАША» — для достатка в доме, чтобы этот достаток никогда не исчерпался. И ещё она служит для излечения таких недугов как пьянство, наркомания.

Молитва на «Неупиваемую Чашу»: Во имя Отца и Сына и Святого Духа Аминь. Хмель и вино отступи от раба Божия (имя) в тёмные леса, где люди не ходят и кони не бродят и птицы не летают. (3 раза).

ПОЧАЕВСКАЯ ИКОНА – очень чудотворная. В домашних условиях можно зарядить воду, для этого рано утром набрать в кувшин непочатой воды и сверху ликом положить икону на кувшин, прочитав молитву и оставить на 12 часов, затем пить от всех заболеваний.

ИКОНА «ПРИЗРИ НА СМИРЕНИЕ» — это единственная икона перед которой можно исповедоваться в домашних условиях.

«ТРОЕРУЧИЦА» — своей 3-ей рукой она отводит все невзгоды, неприятности, болезни».

Это языческое мракобесие с заговорами распространялось как православное учение на приходе, не встречая противодействия.

Несколько лет назад Балабана владыка назначил благочинным, а еще позже — настоятелем того самого храма, в котором я начинал свой путь у отца Петра. Отцы благочиния были от такого начальника — тупого, безграмотного, но зато ставшего митрофорным. Митру же отец Никанор носил, как ангел — нимб.

Максим и Михаил

Другие соборные протоиереи были не так колоритны, как Балабан. Один, отец Максим, самый старший по хиротонии (аж 1975 года), краснолицый, весь белый как Дед Мороз, был типичным советским служакой: никаких проповедей от себя, так же с удовольствием брал записочки и денежки за исповедь (хотя не с такими жадно горящими глазами, как Балабан), так же был равнодушен к людям, каждое обращение к себе воспринимал с опаской, всячески избегая разговоров «по душам».

Так же, как и Балабан, он не участвовал в поповских попойках, а соответственно, не имел и симпатии со стороны выпивающих отцов. Отец Максим вообще был довольно неприветлив, закрыт от всех, никогда никому не стремился помочь. Его не любили в соборе, поэтому вскоре выпихнули в отдельное плавание на небольшой приход, чему он, по-видимому, был вполне рад.

Еще один представитель зубров – протоиерей Михаил, младше первых двух по возрасту, немного (на пару-тройку лет) по выслуге. Он был одним из тех, кто оставил довольно симпатичную память по себе.

Отец Михаил был когда-то кадровым офицером: он был подтянут, худощав, бороды не носил, зато носил аккуратно подстриженные усики, которые придавали ему отдаленное сходство с английским джентльменом. В

принципе, во многих вещах он таковым и был. Одет он был всегда чистенько, под подрясником белый подворотничок.

Манеры в общении с людьми были галантными, всегда был любезен, даже когда подвыпьет. Выпить в компании он любил, но всегда знал свою меру, становился после этого чуть веселее и добродушнее. Любил анекдоты, порой сальные, но у него они выходили менее вульгарными.

Несмотря на нашу разницу в возрасте и чине, он был приветлив и внимателен ко мне, в алтаре всегда готов был помочь, подсказать. У него я чаще всего исповедовался перед службами, потому что с ним было спокойно: никаких лишних вопросов, никакого раздражения, а только дружелюбное участие, хотя было ясно, что ему вообще глубоко плевать на твои грехи и на твою жизнь, но все же на фоне других мастодонтов он выглядел приятно.

Никакой дури или суеверий он не распространял, да вообще он держался с народом вежливо, но отстраненно.

Но, как у бывшего офицера, у него были проблемы во взаимоотношениях с начальством: он всегда тщательно выполнял положенное, но не терпел, когда ему хамили или унижали. Его дальнейшая судьба была более драматична, чем у отца Максима: из собора его выкинули вторым священником под начало одному самоуверенному дельцу, руководителю двух отделов епархии. Там отец Михаил тоже долго не продержался, отлеживался в больницах. Сейчас вроде служит снова вторым, но под более благоразумным настоятелем.

Общей особенностью всех протоиереев (как, впрочем, и почти всех соборных отцов) была привычка носить поповское только на территории храма. Они приходили и уходили в «гражданке», их невозможно было встретить в общественном транспорте в подряснике. Даже если они отправлялись на службу, то или на машине, или брали с собой подрясник, накидывая его на месте. Видимо, сказывалась старая советская привычка.

Да, ни у одного из этих трех протоиереев не было машины, по крайней мере, никто из них не приезжал в собор на таковой, и не говорил никогда о наличии. Зато хорошие машины были, разумеется, у ключаря и всех трех дьяконов.

Молодые отцы

В соборе было два молодых отца Дмитрия. Со старшим из них (старшим по хиротонии – он служил уже года два, а второй – только полгода) мы даже

подружились. Невысокий, деревенского вида добродушный Дмитрий Первый был очень приветлив, смешлив и с некоторой склонностью быть настоящим отцом – то бишь у него уже был свой круг духовных чад, в основном состоящий из девиц регентского отделения. Не подумайте плохого, нет, просто он порой слишком всерьез воспринимал себя как духовника: любил индивидуальные исповеди, наставлял чад, благословлял.

В соборе он имел кличку «Святой». Она появилась, когда один раз в храм пришел какой-то мужик и стал допытываться: «Мне бы батюшку у вас такого найти – ну, он, говорят, святой у вас!» Оказалось, что он искал именно отца Диму. Кличка так и прилипла, отец Дима сам смеялся, смущался, но от клички не отказывался. Фамилия у него была самая удачная – Молитвин.

Он меня всегда дружески поддерживал, помогал, если была такая нужда. Ничем особым не отличался, просто был хорошим парнем.

Для собора он был слишком порядочным и честным, поэтому через год отца Диму тоже спровадили из собора, отправили служить в самый крупный в нашей епархии женский монастырь. Там он немного выл от монахинь, но супруга ему попалась деловая, наладила пошив крестильных рубашечек и прочего святого барахлишка, так что они в монастыре не скучали. Вроде бы он до сих пор там.

Второй отец Дмитрий тоже был со мной дружелюбен, но гораздо прохладнее. Он был младше меня по возрасту, но карьеру сделал быстро: заочно учился в духовной академии, а после того, как через год я свалил с поста своего настоятеля и благочинного, благочинным сделали его, хотя он прослужил всего лишь два года и ни дня не был сам настоятелем. Но в благочинные его пропихнул ключарь собора, отец Никита, которому было легко контролировать благочинного, бывшего его подчиненным клириком.

Он был компанейским парнем, выпивал со всеми дьяконами и иподьяконами, был свой человек в соборе. Как и все отцы, был равнодушен к людям, зато использовал любую возможность зашибить копеечку. Пробыв несколько лет клириком собора и благочинным, он наконец получил настоятельство в большом храме, где до сих пор благополучно пребывает.

Благочинным он был никаким, ни плохим, ни хорошим, ни зла не чинил, ни добра. За 10 лет благочинства он ни разу даже не заехал ко мне на приход, хотя ехать до меня ему было минут 10. Все его благочинство заключалось в сборе с нас денег и бумажек для отчета. Поэтому я его называл про себя

«секретаршей». Но на фоне предыдущего благочинного, вернее, злочинного, отца Петра, такой вариант начальника меня вполне устраивал.

Этот, второй, отец Дмитрий – характерный пример молодого приткого карьерного попа, который твердо знает, как вести себя с правильными людьми, как находить подход, но при этом умеющий не портить отношения и с подчиненными, благодаря чему ни у кого не возникало желания или необходимости его подсадить или пожаловаться на него. Такой священник никогда не проиграет, потому что не имеет ни собственного мнения, ни строптивного характера – он просто часть системы: гладкая, отшлифованная, полезная, но сама по себе ничего не представляющая, одним словом – духовный подшипник.

Отец Ваня

Со мной вместе проходил сорокоуст отец Иоанн, выпускник Московской семинарии (очного отделения). Он сорокоустничал уже священником, а я с ним – дьяконом, поэтому у нас были приветливые, партнерские отношения, хотя трудно было представить себе более непохожих людей. Отец Ваня (как я звал его про себя) был крупным белобрысым детиной, которому впору пахать грузчиком на барже, а не священником.

Он порой рассказывал истории из своей семинарской жизни. Например, о том, что в конце учебы в семинарии большинство будущих пастырей на вопрос знакомых «что ты собираешься делать после выпуска?» отвечали, не задумываясь: «Несколько лет, как минимум, в храм – ни ногой!» Это к тому, что студенты семинарии были замучены бесконечным участием в богослужениях и послушаниях. Многие после семинарии вообще уходили из Церкви, нахлебавшись полным лаптем.

Но отец Иоанн был упорен, он попом хотел быть. Он сначала понравился мне своим отношением к службе, когда однажды после литургии признался, что когда он возносит Хлеб на евхаристическом каноне, у него от волнения и благоговения потеют руки:

— Но ведь так и должно быть? – искал он подтверждения своим мыслям у меня. – А как станешь все это делать с холодным сердцем – то и каюк тебе, так меня один батя учил.

Правда, уже через две-три недели его благоговение поутихло настолько, что не раз он выходил на вечернюю службу, включая акафист в присутствии архиерея, очень хорошо поднабравшись водочки в поповской комнате, еле

ворочая языком. Но странно, что владыка не замечал, как отец Ваня читал акафист, заикаясь и покачиваясь.

Впрочем, батя и меня избавил от впадения в молитвенную прелесть. После хиротонии я решил уж молиться, так молиться. И начал читать правило ко причастию, как положено, по каноннику, со всеми поповскими наворотами: в такой-то день прибавляется такой канон плюс такой акафист, в другой день – другой канон с акафистом, полунощница, малое повечерие... Длилось все это по 2.5-3 часа. К счастью, однажды в поповку зашел утром отец Ваня, удивился моим поклонам. Потом, спросив, скептически покачал головой:

— Ты что – спятил? Владыка всех отцов благословил читать обычное, мирянское, правило ко причастию плюс священническую молитву Амвросия Медиоланского! Прекращай эту ерунду, а то в прелесть вступишь!

Я ему был благодарен, потому что уже начинал чувствовать себя подвижником и молитвенником, которому мало по 5-6 часов ежедневного богослужения для ощущения себя святым.

К сожалению, с отцом Ваней мы все больше расходились: он примкнул к компании выпивающих отцов, дьяконов и иподьяконов, которые не любили меня, а я их. Так же, как и прочие, стал освящать золотишко прямо во время литургии, обижаясь на меня за то, что я относился к этому с презрением – считал меня гордым. Что ж, это, в принципе, так и было, но некоторые рамки я не мог переступить, хотя другие рамки порой переступал, и куда более серьезные.

После сорокоуста отец Ваня получил в настоятельство крохотную часовню, жил он с женой и ребенком в общежитии. Поэтому еще довольно долго, несколько лет он регулярно подрабатывал в соборе на заменах и требах.

Но потом он получил приход в районном центре. Думаю, он доволен жизнью.

ФЕДЯ

Очень трудно описать, каким был Федя. Потому что внешне выглядело все не так, как было внутренне. А внутреннее практически не видно окружающим.

Федя и собор – это то, что нельзя представить друг без друга.

Отец Федора, протоиерей Аристарх, был настоятелем собора в советское время на протяжении 15-ти лет, так что Федя с детства был при соборе.

Трудно определить, какого возраста был Федор в начале 2000-х, скорее, между 30 и 40 годами. Выглядел он своеобразно, если не сказать – безобразно. Массивная фигура с копной всклокоченных кудрявых серых волос, нелепая нечесаная борода, сильная сутулость, даже сгорбленность, при этом с солидным животом. Лицо скошено набок, глаза навывкате, с крайне плохим зрением – он носил уродливые очки с толстенными стеклами. Глуповатая ухмылка. Ходил Федя обычно в грязноватом подряснике, заляпанном маслом и воском, если снимал его, то оставался в каком-то старье: брюки, слишком короткие для него, рубашка советского образца, сандалии.

В общем, Квазимодо. Федя к тому же всячески поддерживал такое впечатление своим поведением: ходил вперевалочку, наклонив голову вперед и набок, будто собираясь бодать кого-то. Когда общался с кем-то, то наклонялся к лицу собеседника, выпячивал глаза и губы.

Общался Федя с людьми тоже странно. Большинство людей и даже попов собора были уверены, что Федя – дебил, дурачок и вообще недоразвитый урод. Говорил он невнятно, брызгая слюнями, на вопросы часто отвечал невпопад или какой-то глупой шуточкой, мог тупить, делая наивные бараньи глаза, когда от него что-то пытались добиться.

В алтаре и пономарке он был на каждой службе, по крайней мере, в те времена, когда я был на сорокоусте, да и потом, когда регулярно приезжал в собор за просфорами, Федя был в храме или на территории. Он не считался старшим пономарем, но на нем было все: чистота, вовремя поданное кадило, вовремя принесенные записки, наличие облачения нужного к празднику цвета и все прочее. Разумеется, в алтаре часто помогали мальчики, обучить которых тоже должен был Федя.

Еще в соборе постоянно появлялись родные Феди: мать и сестра – некрасивые, бедно одетые женщины. Сестра пела на будних службах, часто одна или с кем-то из любительского хора (пела, надо сказать, плохо). А мать помогала на ежедневных молебнах, которые служились в соборе в обязательном порядке после каждой литургии.

Молебны, кстати, были нелепые: люди подавали записки, например, «с акафистом Николаю Чудотворцу» или «Пантелеимону», или какой-нибудь иконе Богородицы. Матушка раскладывала все эти записки и, в соответствии с заказом, начинала читать маленькие кусочки из этих акафистов: по икосу и кондаку обычно. В это время священник заканчивал свои дела в алтаре после литургии, а она минут сорок или час тарыхтела эти мини-акафистики.

Разумеется, всем членам семьи платили за их работу сущие гроши, но при этом они все были улыбчивы и приветливы. Матушка, кстати, очень чтит память своего почившего мужа: каждый год, в день его кончины заказывала так называемую «царскую» литургию – такую, во время которой поминать на проскомидии следовало только его. Один раз они просили меня отслужить такую странную службу на моем приходе, настаивая именно на таком, особом, чине. Я сначала пытался спорить, но потом смирился и просто помянул и других, как обычно, молча, у жертвенника.

Большинство клира собора относились к Феде полупрезрительно, как к шелудивому псу, но признавали его полезность, поэтому гоняли с поручениями и заданиями туда-сюда. Федя смиренно все выполнял, кривя ухмылочку. На самом деле, было видно, что ему горько и обидно, он переживал, покачивая головой, но обычно молча, только порой смотрел грустно в сторону обидчика.

Почему-то меня Федя выделил, наверно, понял, что я к нему отношусь тепло и приветливо. Оказалось, что с теми людьми, кто к нему хорошо относится, Федя открывается иной стороной. Он был похож на большого доброго ребенка, ценящего ласку и возвращающего ее сторицей. Когда мы встречались с ним потом, после сорокоуста, он всегда улыбался добродушно и радостно, пихал меня в живот кулаком:

— Ну что, батя: как оно? Протоеврея еще не получил? – и ухмылялся, довольный своей остротой.

Вообще, Федя был большой шутник, часто во время службы мог или кадило подать не вовремя, чтобы развлечься самому и посмотреть на ужас сорокоустника, или строил какие-нибудь страшные рожи за спиной ключаря или архиерея, а отцы еле сдерживались, чтобы не заржать.

Кстати, он никогда не целовал руку священнику, когда подавал или забирал кадило. Обычно или просто вешал кадило на крючок на аналое около престола, или дурашливо чмокал издалека губами, посылая воздушный поцелуй.

Однажды ему повезло: кто-то помог деньгами, и он смог сделать операцию на глазах – они уже не так страшно выпячивались, даже зрение вроде улучшилось.

У Феде была мечта, он поделился ею со мной, когда мы однажды вместе были в алтаре:

— Дьяконом хочу стать... Я ж всю службу знаю наизусть, от и до, все тонкости. Но меня не рукоположат... — он печально вздыхал, кривя толстые губы. У Федей были большие проблемы с дикцией, он пытался заниматься с логопедом, но практически безуспешно. Судьба уготовала ему только одно место: в пономарке.

Федя очень любил детей. Всегда расцветал, когда сестра приводила в храм сына лет трех:

— Мой племянничек! – гордо басил Федя, умиляясь. Пономарей-мальчишек в алтаре тоже любил, но скрывал это за показной суровостью, покрикивал на ребят, хмурил брови, тарасил глаза, но никто его не боялся – доброту было не скрыть никакими бровями.

С Федей была связана история, которая навсегда врезалась в мою память.

При соборе было много хозяйственных помещений: покои архиерея, разные комнаты, бухгалтерия, склады, гараж, подсобки. В одной такой грязной подсобке, среди всяких баков, инструмента доживал на вонючем матрасе последние дни один мужичок (у него был рак). Кем он был до этого – я не знаю. Знаю лишь, что при храме работала жена этого мужичка, полусумасшедшая женщина, постоянно рассказывающая о своих видениях и явлениях, загадочно при этом улыбающаяся. Она была в разводе с мужем, но, видимо, он пришел к ней умирать, а она смогла договориться, чтобы он доживал в той подсобке.

Однажды ночью, когда я спал в поповской комнате (на дьяконском сорокоусте), эта женщина пришла ко мне в печали: ночью умер ее муж, она хотела сообщить об этом родственникам, живущим в паре кварталов от собора, но ей страшно было идти ночью одной, поэтому она попросила меня сходить вместе с ней.

Пока мы шли, она все умилялась, что ее неверующий муж напоследок все же исповедовался и причастился:

— Да, вчера вечером пришел отец Дмитрий и причастил его, а через несколько часов муж умер.

Более подробно эту историю рассказал мне на следующий день этот самый отец Дмитрий, который «Святой», рассказал, сам изумляясь случившемуся: «Ты знаешь: к этому мужичку не раз звали отца Никанора, чтобы он того исповедовал и причастил, но Балабан отказался – сказал, что там грязно, воняет и вообще он не пойдет. А вчера вечером ко мне перед службой подошел Федя и сказал: «Бери Дары – пойдём». Я сначала начал

отказываться, мол, у меня служба – куда идти? Так Федя чуть ли не за шкурку меня взял и говорит:

— Надо! Пойдем! — тогда я понял, что надо послушаться, надел епитрахиль, взял Дары и пошел. Человек тот уже был на последнем издыхании, но успел исповедоваться и даже проглотить крошку причастия. Если бы не Федя – так бы и умер».

Но суть этой истории не в настойчивости Феде, а в том, что он не ходил к тому мужику в тот день. Откуда он узнал, что именно сейчас надо взять батю за шиворот и притащить туда – только Бог знает.

Я рад, что сорокоуст проходил в соборе, потому что страшный Квазимодо Федя был самым теплым и добрым Божьим даром там. Порой мне кажется, что он был сердцем этого собора, невидимым, но горячим.

По всей видимости, Федя до сих пор в соборе, хотя почти весь клир поменялся.

Да и куда ему идти? Он – вечный пономарь.

ЕПАРХИАЛЬНЫЕ МОНАХИ

До революции в нашем городе был мужской монастырь. В советское время на этом месте находились казармы, но владыка Георгий сумел выбить для монастыря одно большое здание, где стал располагаться монастырь (буквально несколько келий на двух этажах), жил сам архиерей, была его приемная, крестилка, редакция епархиальной газеты, богословский факультет, актовый зал и, наконец, большой храм на месте спортзала. Храм сразу же стал приходским, открытым для всех. Позже владыка выбил еще здание под епархиальный склад, регентское отделение, общежитие для студентов. Там же стала располагаться его приемная, бухгалтерия и т.п.

Буквально года три-четыре назад военные отдали последние казармы, стоящие квадратом вокруг огромной площади. От казарм остались только стены, полы и потолки, все, что можно, военные отодрали и увезли, поэтому в эти здания стали собирать миллионы, для их восстановления. Правда, непонятно, для чего: монахов не становится больше, студентов православного института становится все меньше. Мало того, сам православный институт буквально недавно приказал долго жить: решением Синода его переделали в «курсы подготовки специалистов» — в православное ПТУ.

Одним из первых монахов, которых я узнал, был иеромонах Виктор. По сути, он был чуть ли не первым священнослужителем, которого я встретил в жизни и с которым пообщался, и на которого потом много лет равнялся.

Отец Виктор имел высшее гуманитарное образование, был разносторонне одаренным: играл на гитаре, сочинял духовные песни и даже детские (у нас было несколько кассет с его записями). Он обладал хорошим слогом – епархиальная газета однажды несколько номеров посвятила дневникам отца Виктора, в которых рассказывалось о первых годах жизни епархии, о людях, которые были вокруг архиепископа Георгия. Отец Виктор довольно смело описывал, как рукополагали в то время людей, научившихся лишь держать кадило и читать 50-й псалом. По сути, эти записки за много лет существования газеты были самым интересным, что в ней когда-либо было. Жаль, но вряд ли эти записки существуют в электронном виде.

Отец Виктор руководил воскресной школой при монастыре, которая с годами разрослась до педагогического сообщества, там вокруг него собралось много духовных чад. Но главным его делом в течение нескольких лет было проведение огласительных бесед при монастыре. В то время (конец девяностых) монастырь был чуть ли не единственным местом в городе, где проводились оглашения на регулярной основе.

Каждый желающий креститься в монастыре должен был прийти минимум на три беседы, которые проводила пожилая женщина Наталья – поистине светлый, добрый человек (я дружил с ней все годы священства, очень любил ее и люблю до сих пор). Огласительные беседы в ее исполнении не представляли собой что-то сверхумное, она не сыпала цитатами, не блистала ораторским вдохновением, но когда она что-то говорила тихим голосом, сидя рядом с тобой на стуле, бок о бок, сложив руки на коленях, то чувствовалось, что каждое сказанное слово она продумывает, пропускает через сердце и относится к этому серьезно и благоговейно. Интонации ее голоса убеждали куда сильнее, чем слова. Она давала книжки из библиотеки крестилки, никогда не требуя записи, веря на слово, позволяя держать книги столько, сколько нужно: «Мы же ради этого их и держим – чтобы польза была! Читайте, читайте!»

Но важны были не только проникновенные интонации ее голоса – главное, она любила каждого проходящего, была искренне ласкова, дружелюбна.

Через несколько лет она сама стала тещей священника: ее дочь несколько лет мечтала о монашестве, даже ездила в паломничество в Иерусалим, надеясь принять там решение. Обрато она возвращалась на самолете,

вместе с ней летел и епископ Новосибирский Сергей (Соколов) (один из того знаменитого семейства). Девушка подошла к нему благословиться на монашество. Он удивился:

— Какое монашество?! Замуж выйдешь, детей нарожаешь, да еще матушкой станешь!

Она вернулась в недоумении, но через некоторое время встретила будущего мужа, который стал священником, родила двух деток. Муж у нее настоятель большого городского храма – хороший парень, образованный, честный, порядочный.

Кроме бесед с Натальей, будущий христианин должен был посетить две беседы с отцом Виктором – тот приходил два раза в неделю. Беседы (вернее, это был монолог, размышления вслух) отца Виктора были глубокими, умными и настоящими. Он садился на стул посреди крестилки, смотрел куда-то в пространство близорукими глазами (зрение у него было очень плохое, но очков он не носил, отшучивался, что монаху полезно не видеть соблазнов мира) и начинал рассуждать, в чем же смысл крещения. Доказывая какую-то мысль, он ребром одной ладони рубил по раскрытой ладони другой руки, как бы отсекая все лишнее и суетное. Часто добродушно шутил, рассказывал случаи из практики. Все приходящие слушали его, затаив дыхание.

Когда человек проходил все положенные беседы, его спрашивали: не передумал ли он креститься, все ли осознает. Нередко люди отказывались принимать крещение, говоря, что поняли, как это серьезно, что они еще не готовы жить христианской жизнью. Те же, кто крестились у отца Виктора, часто становились прихожанами монастырского храма.

Да, разумеется, крещение нисколько не стоило – был в уголочке ящичек для пожертвований на нужды крестилки, куда можно было бросить что-то, по желанию.

Параллельно отец Виктор был и епархиальным духовником – наверное, одним из лучших. Это он направил меня к отцу Петру, он осторожно благословил на рукоположение, высказав опасение, что мои взаимоотношения с начальниками могут не довести меня до добра. Но впоследствии я бросил ходить к нему на исповедь: с годами я растерял духовность, веру в духовников да и вообще покаянный и моральный настрой.

Однажды, через несколько лет, я встретил Наталью, которая ушла из крестилки, стала работать в монастырской лавке, — она была печальна. Что-

то произошло с отцом Виктором: он стал обижать своих преданных духовных чад, которые заботились о нем многие годы, стал разгонять всех. Наталью он тоже обидел, а надо было очень постараться, чтобы обидеть такую кроткую душу. Она плакала:

— Как же так, я столько лет была рядом, помогала, а он так жестоко поступил со мной, так обидел...

В последние несколько лет игумен Виктор получил настоятельство в городском храме, в тот приход перебрались и его чада из воскресной школы. Что именно в нем изменилось – я не знаю. Возможно, то был монашеский подвиг избавления от зависимостей, к которым приводили тесные взаимоотношения с духовными чадами и помощниками, возможно, что-то иное. Но если и был человек, которого я уважал по-настоящему, то это был он.

Кстати, когда делили епархию, и владыка перебирал всех игуменов с целью предложить им епископский сан, отец Виктор отказался, хотя по хиротонии и образованию, а также по уважению и статусу епархиального духовника, он был бы первым кандидатом.

Самым колоритным монахом в монастыре был игумен Варлаам. У него был подходящий вид грозного старца (хотя он был средних лет), который он тщательно разыгрывал, явно в душе прикалываясь над людьми, верящими в это: длинная седящая борода, темные густые брови, пронзительные глаза, взглядом которых он любил пугать людей, худоба и импозантная сильная хромота, тоже добавляющая ему ореол терпеливо страдающего подвижника.

Он был благочинным монастыря, но многие прихожане были уверены, что он настоятель, самый главный тут, судя по его поведению, хотя настоятелем считался сам владыка. На исповеди к Варлааму всегда выстраивались очереди – духовника он тоже играл очень строгого, резко отчитывал людей, попавших к нему на исповедь, давал почувствовать себя маленькими засранцами, которые вечно шкodyт и которых надо в угол на горox.

Но в жизни, где не было прихожан, игумен вел себя по-другому: любил шутить, часто приходил на регентское отделение поболтать с девчонками, хотя по возрасту годился им в отцы.

Он был довольно деловой, организовал при монастыре студию видео и звукозаписи, там записывали кучу дисков на православную тематику, даже

кое-что снимали сами. Многое из выпускаемого было довольно-таки правой тематики, с уклоном в особое почитание царя Николая, фильмы Юрия Воробьевского и подобное. Впрочем, Кураева и профессора Осипова они копировали и распространяли тоже.

Много лет Варлаам командовал в монастыре, но потом чем-то провинился перед владыкой и был сослан рулить в скит, в деревню.

Особенностью монастыря было то, что за годы там постригалось и рукополагалось немало монахов, но мало кто задерживался надолго. В середине девяностых нередко были целибатные рукоположения молоденьких мальчиков, в возрасте около 20 лет. Через несколько лет им всем было велено принять монашеский постриг. Часть из этих иеродьяконов и иеромонахов растворилась в неизвестности: кто-то уехал из епархии, кто-то женился, кто-то ушел за штат по болезни. Вообще, среди служащих монахов нередко случаи ухода за штат по болезни – домой, к маме, что показывает малую привлекательность монастыря для больного монаха, а по облегчении болезни многие из них стремились на приход, но не обратно в монастырь.

Одно время в монастыре был известен иеромонах Филипп, который ездил в Чечню во время военного конфликта, фотографировался там с солдатами, был легко ранен, за что получил медаль, а один скульптор даже слепил из иеромонаха статую. Но после подвигов иеромонах заскучал и исчез из монастыря навсегда.

Самым знаменитым монахом монастыря в конце девяностых был иеродиакон Флор. Знаменит он был своим великолепным голосом и тем, что создал потрясающий мужской хор, в котором пели и студенты-богословы, и монахи, и иеромонахи. С их богослужений не хотелось уходить: византийское пение, соло Флора и глубокий басовитый исон хора – это было нечто.

Но вскоре отец Флор куда-то пропал, много лет я о нем не слышал. Не так давно узнал, что он живет в другом городе с женой, ребенком, занимается спортом, небольшим бизнесом и продолжает петь в храме вместе со своим братом Лавром, разведенным священником. Судя по фото Вконтакте, братья по-прежнему поддерживают дружбу с иеромонахами монастыря, встречаются на байкерских тусовках, в общем, живут счастливо.

Самым знаменитым счастливым иеромонахом в епархии был некий Митрофан, который организовал в большом областном городе самый

крупный приход, всех держал в кулаке, все у него жили по благословию, вставали в пять утра на послушания, трудились за гроши, а он над всеми властвовал и учил духовности.

Правда, потом одна из послушниц, монашка, забеременела. У иеромонаха случилась лейкемия, в которой ревностные прихожане увидели Божью кару за его грехи. Он вышел за штат, женился на своей монашке, еще родились дети. Как рассказывали отцы, он не слишком парился насчет своего статуса – приходил на службы и хотел сослужить вместе с отцами. Когда ему не разрешил настоятель, отец Митрофан обиделся:

— Ты что – меня не знаешь?

— Тебя знаю. И тещу твою тоже знаю.

Про одного игумена тоже ходили (по всей видимости, небезосновательные слухи), что у него была тайная жена и ребенок. Владыка даже вызывал его к себе на прием и требовал положить крест, но игумен открестился, мол, никакой жены, никакого ребенка – все наговор. Но его все равно сняли с настоятельства крупного городского прихода и отправили настоятелем в далекий монастырь в области. Потом этому же игумену владыка предлагал стать епископом, но в Патриархии почему-то его кандидатура не прошла.

Большинство иеромонахов всеми правдами и неправдами стремились попасть на приход, причем почти все они становились настоятелями приходов: кто-то – кладбищенского, кто-то – крупного городского. Все они жили на квартирах (про одного рассказывали, как он купил белый кожаный диван и очень беспокоился, когда кто-то на него садился).

Еще один молодой игумен тоже славился в нашем городе. Закончив православный институт, он ходил по всем девушкам, студенткам регентского, и предлагал им руку, сердце и крест – хотел рукоположения. Но когда никто не согласился, пошел и попросил постриг.

Он быстро продвинулся, стал настоятелем крупного храма, который был переделан из Дома Культуры. Раньше там был настоятелем упоминаемый мною в повести «Третье лицо епархии» отец Леонид, ревизор епархии, которого сняли за наглое воровство.

ДК как раз реставрировал известный у нас православный бизнесмен, одно время бывший и.о. главы города. Молодой игумен развернулся там, на руководящие посты поставил своих родственников. Стал устраивать всякие модные нововведения старины: служить Преждеосвященную литургию по вечерам, литургию апостола Иакова, регулярно выступать на епсобраниях,

чем быстро привлек внимание архиерея, получив назначение в руководители одного из епархиальных отделов.

Когда началось разделение епархии, ему тоже владыка предлагал стать епископом, но тот наотрез отказался: толстый голубь в руке (приход) был ему слаще, чем орел под ногами. Митрополит рассердился и снял его с настоятельства, отправив в строящийся монастырь, но вскоре секретарша Оля зашла к владыке и накатила на него:

— Владыка, верните отца обратно на приход и в руководители отдела! Он приносил деньги всегда, отдел существовал на деньги его спонсоров – а сейчас денег нет! Верните обратно!

И владыка вернул.

В области было три мужских монастыря, но монахов там было – пальцев одной руки достаточно. Основным контингентом таких монастырей были послушники, трудники да тетеньки: на кухне, на уборке и т.д. Но если бы всех иеромонахов собрать с приходов, то монастыри были бы забиты под завязку, но таким аэромонахам легче снять сан и жениться, чем вернуться обратно в монастырь. И дело, думаю, не в том, что их там гнобят, унижают или заставляют трудиться с утра до ночи – скорее, им просто скучно там, нет свободной жизни, со свободными деньгами, временем и разными невинными удовольствиями.

Хотя, разумеется, есть и иной тип монахов в священном сане. Например, на одном городском приходе много лет служил архимандрит, который, как мне кажется (но могу и ошибаться), был воплощением скромности и нормального монашеского духа. Несмотря на то, что в городе он был единственный архимандрит (плюс духовник епархии), он ходил в бедном подряснике, ездил по городу на общественном транспорте, бегал по тремам и жил в келье на приходе. Никаких забубонов, старчества или высокомерия от него не было видно или слышно. Служил тщательно, спокойно, к людям был доброжелателен, говорил тихо, приветливо.

Впрочем, еще одного иеромонаха я знал лично, классный парень, учился со мной в одном вузе и на одном факультете, только немного раньше. Он очень сильно похож на настоящего монаха. Наверно, именно поэтому он уехал из нашего города и спасается теперь в маленьком греческом монастыре. Уверен, он счастливый человек.

О таком же существе, как просто монах, без сана, мы практически не знали, не встречались они в природе. Если на всю епархию и было три-пять

монахов, то их было не видно. Но одного настоящего монаха я все же встречал – в том же самом городском монастыре.

Много лет прихожанином храма при монастыре был один старичок, тихий, благоговейный, приветливый. Потом он стал помогать при храме, а позже его постригли. И с тех пор на воротах монастыря сидел счастливый сияющий монах: маленький, сухонький, в самом затрапезном подрясничке, но радость и доброта были постоянным выражением его лица. Он всегда быстренько семенил на помощь, пытался всем услужить, низко кланялся, смотрел нежно на каждого проходящего и уходящего. Он постоянно перебирал четки, но не прикидывался молитвенником, а зорко посматривал: где он нужен, кому бы еще помочь да и просто кого бы поприветствовать и сказать что-то хорошее. Надеюсь, он навсегда таким и остался. Если уже не помер.

НАТУРАЛЬНЫЙ СТАРЕЦ

Когда я был молодым неофитом, то в одной из книжек прочитал о чуде, благодаря которому была «выиграна» Великая Отечественная война: о том, как митрополит Гор Ливанских Илия (Карам) молился в 1941 году за Россию, ему явилась Божья Матерь и велела передать Сталину, что для победы надо открыть семинарии, храмы, освободить из заключения священников, облететь с иконами города, мол, тогда враг не одолеет. Илия якобы передал это Сталину, и Сталин резво побежал все исполнять. После войны Илия приезжал в Москву, Сталин ему вручал премию имени себя, а тот, мол, отказывался, да еще сам якобы привез 200 тысяч долларов для сирот.

Я, конечно, поверил в этот бред: ведь в православной книжке написано! Да еще автор — старец, который был свидетелем приезда Илии!

Была, кажется, весна 2000 года, я ходил в приходской храм, около которого жил. Однажды ко мне подскочил тамошний пономарь:

— Алексей, хочешь посмотреть на настоящего старца?!

Конечно, я хотел, кто ж в неофитский период не хочет старца пощупать?

Оказалось, что в наш город с проповедью и соборованием приезжает знаменитый старец — протоиерей Василий Швец, тот самый автор истории про Илию Карам. Сначала мне показалось странным, что старец приезжает не в храм, а на чью-то квартиру, но пономарь, делая таинственно-духовные глаза, сообщил мне, что так надо: старец хочет общаться только с теми, кто готов услышать его проповедь покаяния и принять очищающее соборование,

поэтому попасть туда можно только по чьему-то приглашению. Мы с женой были избраны — я был благодарен за такую честь к нам, убогим.

В назначенный день мы пришли к какой-то стандартной хрущевке, поднялись в квартиру. Там уже собралась группа спасающихся: какие-то явно не православные тетки, девушки, дети, мужчин практически не было, может, пара человек. Все волновались, перешептывались.

Ждали долго. Наконец дверь открылась, вошел СТАРЕЦ — согбенный, старенький (в то время ему было 87), весь белый, глаза, горящие духом, — в общем, ужасно натуральный. Его сопровождала молодая красивая монашка с суровым взглядом и поджатыми губами (может, конечно, она была не монашка, но одета во все черное). Как оказалось, она что-то вроде персонального секретаря старца, решает все вопросы, возит его на машине. Вместе с ними появился и пономарь Вадим, тоже в подряснике, борода лопатой, сияющий от счастья быть рядом со старцем.

Началось действие, которое продолжалось много часов — не помню точно, но минимум 5-6. Помню, что устал смертельно, ужасно хотелось сбежать до ветру, но уйти было нельзя.

Чтобы описать дальнейшее, нужно обладать особенным даром слова, которого, к сожалению, не имею.

Старец с ходу начал проповедовать, объяснил, что приехать к нам ему велела Ксения Петербургская:

— Ксеньюшка явилась мне, убогому, и сказала: «Езжай, Василий! Ты там нужен, надо готовить людей к покаянию — последние времена близки!» Как я мог, убогий, саму Ксению Петербургскую не послушать!

Потом он долго и пафосно тоненьким старческим голосом что-то внушал нам, потрясая кулаками в апокалипсическом задоре. Проповедь он перемежал какими-то анекдотами, рассказами из своей длинной жизни, главной сутью которых, как я понял лишь много позже, была похвальба. Когда-то в молодости он был якобы силачом, поэтому нам хвалился, что он сильный до сих пор: подзывал к себе пономаря, они становились спиной к спине, старец подхватывал Вадима под локти и вскидывал себе на согнутую старческую спину. Вадим был счастлив, старец горд.

Эта проповедь сопровождалась обличениями наших страшных грехов, в которых мы все должны срочно покаяться, а то судный день будет если не завтра, то послезавтра точно. Все пугались, прятались друг за друга, но старец грозил скрюченным пальцем у каждого перед носом. Потом опять

отмачивал какой-нибудь анекдот, хихикая радостно. Длилось все это очень долго.

Потом началось соборование, которое постоянно прерывалось проповедями, обличениями, или рассуждениями о том, кто из святых и сколько раз ему явился. Читать последование соборования помогала монашка, на которую старец постоянно сердито кричал, что она читает что-нибудь не то, та сурово смотрела на него, терпеливо возражала, как маленькому недотепе. Помогать с кадилом старец поручил Вадиму:

— Ты же будущий священник — тебе можно!

Вадим воссиял, получив такое пророчество. Правда, жизнь показала фигу всем пророчествам старца: Вадим так жаждал хиротонии, что даже поехал в соседнюю епархию, где его посветили в иподьяконы. Он стал самовольно носить в своем храме на службе орарь крест-накрест поверх стихаря, как носят иподьяконы, за что получил по шеям. Через некоторое время он развелся, сбрил бороду, отстриг длиннющий хвост, перестал пономарить, стал где-то подрабатывать.

Когда старец начал помазывать людей маслицем после первого прочтения Евангелия, случился скандал: к нему подошла девица с приклеенными ресницами и длиннющими, тоже наклеенными ногтями. Боже, какой крик поднял старец: он схватил испуганную девицу за руки и стал тыкать ей в лицо ее же ногтями:

— Ты! Ты, бессовестная дрянь! Господь ради тебя, шлюхи, распялся, а ты этими ногтями Его тело раздираешь!! Да тебе надо все ногти содрать до костей, чтоб ты знала, чтоб понимала! Ах ты, свинья такая! Вон отсюда, вон! Чтобы я не видел тебя и твоих мерзостных когтей!!

Перепугалась не только девица, но и все присутствующие: старец визжал, брызгая слюнями, глаза налились красным, он топал ногами, задыхаясь от kloкочущей злобы и ненависти. Девица, рыдая, судорожно пыталась отрывать накладные ногти, но руки тряслись, мамаша вывела ее в коридор и принялась помогать, но ничего не вышло, и они сбежали из квартиры. Я слышал до прихода старца, что девушка чем-то серьезно болела, и глупая мамаша притащила ее на исцеление.

Когда я подходил к старцу, он смотрел на меня с подозрением, три раза подряд спросил:

— Куришь, а?

Я не курил ни до, ни после, но старцу, конечно, виднее. Может, он видел мою душу, дымившую смрадом и копотью.

После бесконечного соборования началась агапа: старцу притащили несколько буханок белого хлеба, которые он разрывал руками, огромные крошащиеся куски макал в плохонькое вино и в масло, запихивал каждому подходящему в рот эту клейкую гадость, проповедуя разгоряченно о важности в эти последние времена совместной агапы, которая чуть ли не равна причастию.

Наконец все закончилось, старец покинул нас. В комнату вернулась монашка, стала ходить перед каждым с раскрытым конвертом, холодно цедя сквозь зубы:

— Пожертвование старцу. 50 рублей!

Все тут же скидывались. А старец поехал на следующую квартиру.

После встречи со старцем у меня осталось одно только недоумение. Но тогда я еще мало знал, чтобы сделать выводы.

В середине-конце 2000-х я не раз слышал, что старец Василий вновь катается по нашей области, собирая людей на квартирные соборования. Один смелый священник дерзнул поднять этот вопрос на епархиальном собрании:

— Владыка! Вот объясните: отец Василий Швец мотается по нашим приходам, люди собираются к нему на соборования, он им проповедует какую-то галиматью, все потом ходят напуганные, с дурными идеями в голове. Почему-то с нами, священниками, он не хочет служить: только по частным квартирам шатается. Что вы на это скажете? Вы благословляли ему такое?

Митрополит как-то равнодушно пожал плечами:

— Ну, я не знаю... Отец Василий старенький уже, головка слабенькая. Наверно, ему денег не хватает, вот он таким образом и подрабатывает. Я не благословлял — вы сами скажите прихожанам, чтоб не ходили к нему — и все.

Но такой уклончивый ответ ничего не дал священникам, и отец Василий разъезжал с соборованиями и проповедями чуть ли не до смерти. Умер он в 2011 году в возрасте 98 лет.

ПО БЛАГОСЛОВЕНИЮ

В нашем городе служит протоиерей Андрей Белоглазов. В начале 2000-х он был сорокалетним представительным мужчиной духовно-интеллигентного вида, с элегантной бородкой. Он практически с самого своего рукоположения, с 95 года, был на одном приходе, который сам строил с нуля.

Его приход был (и есть) одним из самых активных в городе: строился огромный храм, на большой территории прихода (из-за которой отец Андрей несколько лет судился с бизнесменами, претендующими на тот же лакомый кусочек) были устроены конюшни, разводились какие-то элитные кони, козы, гуси, утки — и это все посреди мегаполиса.

Многочисленные прихожане были заняты на куче послушаний, помимо скотного двора на приходе работала швейная мастерская, где шилось отличное облачение (я там купил свою первую фелонь, и она прожила у меня 10 лет без ущерба, перешла к следующему настоятелю).

В общем, издалека все выглядело отлично: большая крепкая община православных тружеников, собравшихся вокруг хозяйственного батюшки. Но на деле все было не так благостно. Я слышал много историй про этот приход, но в их верности убедился, приехав туда два раза: сначала заказывать облачение, потом — забирать его. Я увидел, что все трудятся, но никто не улыбается, головы опущены, никто не здоровается с молодым священником, не берет благословения. Швея тоже встретила сухо, на любой мой вопрос отвечая: «Батюшка не благословляет этого, без благословения батюшки никак нельзя...» Судя по всему, на этом приходе даже дышать можно было только по благословению.

Я служил на приходе у отца Петра, благочинного, когда к нам в пономари попал Вячеслав (назовем его так): высокий симпатичный парень с кудрявой шевелюрой, сообразительный, талантливый — хорошо читал, пел, играл на саксофоне. На службы приходила и его жена с маленьким сыном: жена — хоть сейчас на обложку «Прихожанки» — невысокая, тоненькая, красивая, хотя и скромно одетая, юбочка в пол, волосы в косу, никакой косметики.

Вячеслав был горячим парнем, я упоминал его в истории моего конфликта с отцом Петром: именно он отказался вычитывать праздничную утреню по желанию настоятеля, пошел на конфликт, в результате чего (в том числе) вскоре покинул приход.

Однажды я был дежурным в храме. Увидел Вячеслава, который сидел, уставившись взглядом в пол, то сжимая, то разжимая кулаки.

— Ты чего? — поинтересовался я.

Он посмотрел на меня тяжело:

— Отец, скажи, как думаешь: можно ли набить морду священнику?.. Вроде по-православному это грешно, но если поп того заслужил? А?..

Он рассказал мне свою печальную историю. Вячеслав был прихожанином у отца Андрея, а все прихожане отца Андрея одновременно являются его духовными чадами — по-другому просто невозможно. Нельзя ходить к нему в храм и исповедоваться в другом, нельзя иметь духовником другого священника, вообще ничего нельзя без благословения батюшки — кто этого не соблюдает, того мгновенно выкидывают с прихода, другим прихожанам запрещается общаться с таким отступником. Потом на проповеди отец Андрей грозно объясняет преступления ушедшего, намекая, что так будет с каждым, кто пойдет против его воли.

Вячеслав был духовным чадом, он очень хотел стать священником, и настоятель был благосклонен к этому. Но невесты у Вячеслава не было, сам он был стеснительным парнем.

Вопрос был решен просто: отец Андрей подозвал к себе скромную девушку-красавицу и сказал:

— Благословляю вас обоих на брак!

Девушка тоже была из послушных чад, для нее слова батюшки было намного выше слова Бога, поэтому оба молодых смиренно поженились. Но прошло некоторое время, и Вячеслав понял, что не любит жену — да, она хорошая, добрая, милая, красивая, все при ней, никаких изъянов — но любви нет. Его сердце стало возмущаться, он стал осознавать, что поступил необдуманно, послушавшись настоятеля.

Он рискнул поговорить об этом с отцом Андреем. Результат не заставил себя ждать: молодую семью с проклятиями вышвырнули из прихода, пообещав вслед, что никогда такому строптивцу не видать хиротонии.

Поэтому на приходе у отца Петра Вячеслав сделал новую попытку пробиться к хиротонии, но безуспешно, отец Андрей слов на ветер не бросал: он поговорил с владыкой насчет непослушного юноши.

После одной из архиерейских служб на приходе отца Петра Вячеслав дерзнул подойти к митрополиту Георгию и прямо спросить, есть ли надежда, что его прошение на рукоположение будет подписано или ему следует пытаться счастья в другой епархии? Владыка холодно пожал плечами:

— Езжай, куда хочешь, твое дело.

Вячеслав уехал в Сибирь. Через пару-тройку лет у него выпала оказия: ему предложили сан в соседней области. Он переехал туда, стал священником. Каковы их взаимоотношения с женой — я не знаю, наверное, стерпелось-слюбилось, тем более, его жена была хорошим человеком.

Но про отца Андрея я за годы службы слышал регулярно, все слухи были одного порядка — он отказывал в требах всем, кто не были его прихожанами: не освящал квартиру, не венчал, не отпевал. Но это ладно, другое дело, что он постоянно отказывал в исповеди, соборовании, причастии умирающим, всегда жестко отвечая: «Этот человек не был прихожанином нашего храма? Я не буду его исповедовать!»

Об этом я слышал из разных источников, а также от нашего безотказного отца Макара, который кипел, рассказывая, как люди находили его и слезно умоляли прийти к умирающему:

— Я не понимаю, как так можно?! Я все бросил и помчался на такси к человеку — еле успел исповедовать и причастить, как он умер! И это уже не первый раз такая история! Как он может отказывать?!

Отец Андрей построил большой красивый храм, регулярно получает все награды за выслугу лет. Он по-прежнему красив, благообразен. Приход у него крепкий.

КЛАДБИЩЕНСКОЕ ПРАВОСЛАВИЕ

Я понимаю, что любая моя история — частная, в других епархиях или даже в разных местах одной епархии может быть совсем не так, но в то же время, уверен, во многих местах — как раз именно так. Возможно, того, о чем рассказывается, уже нет, но знать о том, что было, все равно нужно.

В середине двухтысячных в нашем городе-миллионнике (мелкие города и деревни не беру, там ситуация практически всегда неизменна) была полная неразбериха с отпеваниями покойников. Основной причиной этой неразберихи были погребальные конторы, которые грызлись между собой за клиентов. Разумеется, духовную составляющую они тоже хотели подгрести под себя: торговали погребальными православными комплектами (саван + разрешительная молитва), гробовыми иконочками, свечами, чем сильно досаждали епархии, перебивая клиентов.

Но также похоронщики стремились обеспечить полный погребальный сервис «в одном окне» — человек приходил оформлять захоронение, а ему заодно с местом на кладбище, гробом, всеми ритуальными наборами еще и подсовывали сразу батюшку для отпевания. Людям было удобно: не ходить по храмам — сразу все услуги тут.

Делалось это так: контора договаривалась с каким-нибудь попом, который в мгновение ока появлялся по их вызову на квартиру или в дом, где был покойник, и отпевал. Или прямо в морге. Среди таких ушлых отцов стали регулярно появляться левые люди: или бывшие в запрете, отлученные, лишённые сана, а то и какой-нибудь альтернативной юрисдикции — разумеется, похоронщикам было плевать на статус.

Люди часто жаловались на таких попов: то они приходили пьяными, то без кадила, без епитрахили, служили какие-то нелепые чины.

Разумеется, такой подход похоронщиков был костью в горле епархии. И тогда за дело взялся епархиальный погребальный босс — известный уже нам (см. в главке «Секретари епархии») отец Владислав Жмурин, который крутил свой бизнес на похоронах. Он протолкнул через владыку идею, чтобы все отпевания служились только в кладбищенских «храмах» (в кавычках, потому что большинство таких храмов в реальности были обычными вагончиками-бытовками с крестом сверху или куполочком, существующими только ради отпеваний).

Через эту идею пытались якобы отсечь недобросовестных отпевальщиков, появляющихся из ниоткуда, но это ударило мощно по финансам остальных приходов: теперь люди должны были обращаться насчет отпевания не в свой ближний приход, даже если они сами были там прихожанами, а только в кладбищенский храм. Разумеется, это было крайне выгодно Владиславу и тем, кто отвечал за кладбищенские храмы.

Владыка выпустил соответствующий указ, несмотря на недовольство большинства отцов города. Первые пару-тройку лет за исполнением указа довольно бдительно следили благочинные и кладбищенские попы — за несанкционированное отпевание можно было ощутимо получить по башке.

Как раз в это время и случилась со мной история, одна из тех, герои которой не забываются до смерти.

Я еще был на священническом сорокоусте в соборе. В один из дней в собор пришла печальная интеллигентная женщина, чтобы пригласить священника в больницу на соборование. Я не помню, кто в тот день был дежурным, но

он отказался ехать в больницу без предоставления ему такси туда и обратно и приличной суммы за требу. Потом он предложил съездить мне: мол, ты молодой, делать тебе нечего, а он лучше в поповке полежит, пивка глотнет.

Я поехал с той женщиной, как обычно ездил всегда в последующие 11 лет, — на трамвае.

Больная, к которой меня пригласили, была исхудавшей симпатичной женщиной лет 35-40. Как оказалось, она сама была врачом этой же больницы, поэтому отношение к ней со стороны персонала было внимательным. Ольга, так ее звали. У нее был рак, но она не желала сдаваться, искала любые пути спасения.

Позвать священника ей посоветовали, кто-то сказал, что есть такая целительная процедура у церковников — соборование (чаще всего именно так в народе произносят).

— Батюшка, — честно призналась она, — я не очень-то во все это верю, но мне сказали, что это помогает. А я очень хочу выздороветь... Что вы мне скажете? Имею ли я право на это, если у меня нет настоящей веры?

Думаю, священники знают, как редко встречаются люди, способные вот так честно признаться в маловерии и которые стесняются чего-то требовать. Мы поговорили, я ей объяснил все про смысл соборования, исповеди, причастия. Она внимательно слушала.

— Значит, я еще не готова... — задумчиво сказала Ольга. — Я должна о грехах своих подумать, а потом только собороваться — я правильно поняла?

Я предложил ей начать с молебна о здравии. Она слушала, то и дело останавливала меня:

— А это что значит? А вот это вы что прочитали?

Евангелие я читал ей по-русски. До этого Евангелия она не читала никогда. После молебна она тихо попросила:

— А вы придете еще?.. Приходите, мне так интересно стало, я хочу, чтобы все было всерьез, по-настоящему...

Я приходил к ней в больницу регулярно, может, раз в неделю. Мы беседовали подолгу, она исповедовалась, причастилась, пособоровалась. Все то, что читалось, она обязательно просила объяснять. Читала книги, которые я приносил, Евангелие. Евангелие лежало у нее все в закладках,

на закладках — множество пометок. Через три-четыре месяца ей стало намного лучше, она выписалась — и исчезла.

Прошло года три. Я уже служил в собственном приходе по соседству, регулярно посещал эту больницу. Однажды в храм пришла женщина со смутно знакомым грустным лицом:

— Батюшка, помните меня?.. Я сестра Ольги, я вас приводила к ней в больницу. Ну вот... — и она расплакалась. — Все плохо.

Ольгу я вновь увидел в той же палате, только у другой стены. Дело было и впрямь плохо: она была вся темно-желтого цвета, исхудавшая до костей, кожа на лице натянута, проступили очертания черепа.

— Здравствуйте, батюшка... — тихий шепот. — Простите, я виновата... Вот и опять я тут...

После лечения три года назад ей стало резко лучше, практически выздоровела. Вновь стала работать, полюбила, ездила с любимым за границу, каталась на горных лыжах, была счастлива. И вдруг — ухудшение, настолько стремительное, что сама поняла — надежды нет.

— Я виновата — забыла Бога, забыла все, о чем мы тогда разговаривали... А теперь я хочу умереть, как положено. Вы поможете мне?..

Я приходил к ней несколько раз, она причащалась. Молиться по книгам уже не могла, глаза отказывали — я принес ей четки, она обрадовалась, потихоньку перебирала их, лежа с закрытыми глазами.

Последний раз я причащал ее, зная, что — последний. Она с трудом очнулась от забытья, четки обмотаны вокруг запястья, взгляд, уже почти нездешний, попытка улыбнуться — виноватая попытка. Крошечку причастия она долго держала на языке, не могла сглотнуть, сознание уплывало.

Рубашка соскользнула с костлявого плеча, обнажив иссохшую грудь, глаза закрылись. Я поправил рубашку, погладил ее по голову, вышел в коридор.

Сестра стояла, головой упершись в стену, кусая губы.

— Вы же отпоеете ее, батюшка? Обязательно вы, хорошо? Я позвоню вам, когда...

Ольга умерла через пару часов после моего ухода. Сестра (почему я забыл имя сестры? Галина, кажется) позвонила мне, сообщила, когда и на каком кладбище похороны. Когда я услышал название кладбища, понял, что будут проблемы.

На кладбище этого района стоял храм, там служил один немолодой протоиерей, Валентин Рудаков, многодетный отец, маленький, худощавый. Его трепетали все отцы местного благочиния — Валентин как коршун следил за тем, чтобы никто, кроме него, не посмел отпеть на дому или в своем храме покойника — тут же узнавал об этом через связи у похоронщиков, бежал к благочинному, к владыке, жаловался, стучал, попросту говоря. Отцам прилетал втык, при виде Рудакова все плевались вслед.

Я поехал на кладбище, даже взял с собой певчую, договорились, что покойную привезут в храм, а там разберемся.

Около храма я встретил отца Валентина — он в рубашечке рысцей бежал с очередного отпевания (отпеваний на кладбище ежедневно бывает несколько).

— Отец Валентин, — начал я, — так и так, позвольте мне в вашем храме отпеть очень близкого мне человека, можно сказать, родного, духовное чадо. Мне это очень важно, родным важно, они очень просили...

— Нет-нет-нет! — замахал руками он. — Вы знаете, кладбище скоро будут закрывать, отпеваний будет все меньше, нет-нет, нельзя!

— Отец Валентин, — попытался втолковать ему я, — мне денег не надо — родные пускай вам заплатят, я только отпеть хочу.

Он посмотрел на меня, как на коварного шпиона, недоверчиво ухмыляясь, мол, ага, так я и поверил.

— Нет-нет, ни в коем случае! Если хотите — можете петь, тем более вы с певчей!

В это время подъехал катафалк, вылезли злые погребальщики, кинулись к отцу Валентину: че за дела, время — деньги! Он их успокоил: «Все будет нормально, успеем».

Я только смог шепнуть сестре покойной, что отпевать мне не дают. В это время гроб поставили посреди храма. Отец Валентин залетел в алтарь, через секунду вылетел оттуда, на ходу накидывая рясу прямо на рубашку-безрукавку, сверху — епитрахиль, в кадило закинул быстроразжигаемый уголь, кусочек ладана, завопил тоненьким голосом:

— Благословен Бог наш! — потом вприпрыжку побежал — я не вру, не приукрашаю ради литературы — побежал вокруг гроба, крутя кадилом и выкрикивая ектенью. Он строчил в таком немыслимом темпе, при этом

показывая нам с певчей: ну, подпевайте, что ж вы. Но мы стояли в ступоре: разве можно было подпевать пулемету, который выплевывал слова на бегу?

Отпевание длилось 12 минут. 12 МИНУТ. Даже самое укороченное отпевание служитя полчаса, но это было просто надругательство. Отец Валентин выкрикивал какие-то несвязанные куски из чина погребения, заглатывая слова, не заботясь ни о смысле, ни вообще о возможности что-либо услышать. После отпевания он подскочил к сестре покойной, протянул руку за деньгами. Потом снисходительно махнул мне:

— Если хотите, можете на кладбище проводить, а то у меня скоро еще отпевание!

У могилы я начал служить литию. Могильщики подсунулись ко мне, недовольные:

— Отец, у нас время, уже ведь отпели...

Мои нервы были на пределе. Я повернулся и громко сказал, глядя им в глаза:

— Еще — слово — вякнете — отпою заодно и вас!

Они струхнули и отстали.

Очень редко мне доводилось испытывать такое отвращение к живому человеку и горечь по отношению к мертвому, над которым надругались подобной «молитвой».

Таких, как Валентин Рудаков, я, к сожалению, встречал часто, и продолжаю встречать до сих пор.

Людей же, которые умирали бы так внимательно, вдумчиво, серьезно и человечно, я за всю мою священническую практику встречал максимум 4-5 раз. Самое удивительное, что практически все они были при жизни или далеки от Церкви, или заходили в храм время от времени.

А такие, как Ольга, оставляют в душе не только след — они оставляют свет.

ДОБРЫЙ БАТЮШКА

Мне часто говорят, что я только ругаю, критикую, не вижу доброго в Церкви и обществе. На самом деле, вижу, но писать про это не умею. Ругать легко: выявляешь безобразия, ошибки, дурь, делаешь разбор, анализируешь, иронизируешь. А как описать хорошее, доброе? Набором возвышенных эпитетов? Придыханием «ахах»? Чтобы писать о хорошем, надо обладать

особым талантом и детской непосредственной душой. Но даже и в таком случае не всегда получается, часто выходит нечто миленькое, слюнявенькое и розоводушешипательное. Недаром лучшие книги всегда о страстях и хулиганах (Карлсонах и Раскольниковых).

Поэтому мне было нетрудно написать «Третье лицо епархии». А вот написать маленький рассказ про доброго батюшку – трудно. Но я попробую, а вы будьте снисходительны.

Познакомился я с будущим отцом Борисом (а тогда еще – Борисом Ивановичем) в том приходе, где я начинал свой путь к поповству, под настоятельством отца Петра – «третьего лица епархии». Борис Иванович, мужчина под 60, часто пономарил под моим руководством.

Когда-то он был военным летчиком, испытателем. В одном из полетов потерпел катастрофу, сильно повредив спину. Из армии он ушел в чине подполковника. Ушел инвалидом, который с трудом мог передвигаться. По его словам, он потратил много сил, времени на лечение, сменил множество врачей, массажистов, мануальщиков, которые проводили над ним бесчисленные и очень болезненные процедуры, от которых было мало толка. Измученный врачами, он сам решил выучиться премудростям работы со спиной, закончил медучилище, научился сам вправлять другим спины (в основном по методу доктора Бобровского).

Как и когда он пришел к вере, я не спрашивал, но пономарить с Борисом Ивановичем было одно удовольствие. Как бывший военный, он всегда стремился к четкости, не раздумывая, выполнял все, что требовалось делать в алтаре, спокойно подчинялся человеку, который годится ему в сыновья, но который поставлен старшим и обладает большими знаниями. При этом он был близко знаком с нашим архиереем, который уважал Бориса Ивановича и сам предлагал ему хиротонию.

Борис Иванович хотел стать священником, но стеснялся того, что мало знает, мало умеет, считал себя слишком старым. Он пытался читать, изучать службу, устав и прочее, но ему всё давалось с большим трудом. Даже став священником и прослужив несколько лет, он с запинками читал по-церковнославянски, не знал элементарных вещей, касающихся службы, хотя всегда живо интересовался, регулярно спрашивая у меня советы.

Уже с первых дней знакомства с ним было видно, что он человек добрейшей души. Всегда с ласковой улыбкой, открытым взглядом, всегда готовый протянуть руку помощи (да и просто руку, чтобы пожать руку другому,

приобнять). Если что-то надо было сделать – первым вызывался он, если кому-то требовалась помощь – первым будет Борис Иванович.

Рукоположили его через год после меня, как раз в престольный праздник прихода. А через несколько месяцев произошла та история, о которой я рассказывал в «Третьем лице епархии»: именно отец Борис не побоялся вступить за меня перед архиереем, когда благочинный оклеветал меня. Ни на секунду он не задумался пойти вместе со мной к владыке и вновь поддержать меня, смело возражая тому и спокойно объясняя ситуацию.

Когда благочинного сняли, и на приход назначили нового настоятеля, отец Борис стал там клириком. Но и тут он поступил необычно: зная, что не сможет в полную силу нести обязанности рядового священника, по своим болезням, он попросился в сверхштатные. То есть на деле он служил, требничал и всячески заменял других отцов в храме, делая это порой чаще и больше, чем если бы был в штате, но не получал за это ни копейки.

Вообще, к деньгам он был совершенно равнодушен. По его словам, ему вполне хватало военной пенсии, квартира с женой у них была, дети взрослые, поэтому денег за требы он ни с кого не брал. Мало того, как только слышал, что у кого-то была нужда, мог тут же отдать свои или найти людей, которые могут помочь. Так, он неоднократно собирал какие-то средства в помощь ремонту моего храма-вагончика, страшно радовался, когда у него была возможность кому-то помочь.

Свои познания мануальщика он тоже не оставлял втуне: помогал вправлять спины, шеи всем прихожанам, которые к нему обращались, многочисленным отцам, которые слышали об его умениях. Я ходил вправлять к нему спину лет 6-7, почти каждый месяц-два.

Перед вправлением отец Борис поворачивался к иконе и вслух простодушно читал «Отче наш», заканчивая молитву словами «и помоги, Господи, рабу Твоему имярек, выздороветь».

Талант его проявлялся в том, что он видел проблемы человека даже сквозь одежду: никогда не надо было снимать футболку – он смотрел на спину, иногда проводя пальцами по ней, и перечислял органы, за которыми «надо бы присмотреть»: «Так, тебя почка не беспокоит? Ты бы приглядел за ней. А то-то не болит? Ты бы попил...» — и он начинал давать какой-нибудь народный рецепт травки или синей глины, о чудесных свойствах которых он прочитал. В этих советах часто проступала его наивность и излишнее доверие к «ЗОЖ» или липовым «профессорам», но на точности его диагнозов эта вера

никак не сказывалась. Он вправлял спину, шею, поправлял вывихи рук, делал массаж – и все абсолютно бесплатно, по-детски радуясь, что смог облегчить кому-то жизнь.

Такое же отношение у него было ко всем: любой человек мог подойти к нему и рассказать о своих нуждах, а он внимательно слушал, улыбался отечески (скорее, как добрый дедушка внукам), искал пути помощи, или хотя бы просто приобнимал человека, гладил по голове, целовал в лоб и приглашал прямо сейчас пойти вместе, встать перед иконой и «от души помолиться». И люди уходили успокоенные и утешенные.

Даже встречая алкашей, отец Борис был к ним снисходителен, добродушно выслушивал, давал советы, похлопывал по плечу, и алкаш, расчувствовавшись, уходил. Никогда и ни на кого отец Борис не кричал, не ругал, даже не хмурился, максимум, мог серьезно сказать свое мнение или печально вздохнуть и помолиться за человека.

Нельзя сказать, что отец Борис был идеален. Нет, у него было достаточно недостатков именно как у пастыря. Он любил долго и благостно рассуждать, собирая вокруг себя прихожан, которые смотрели ему в рот, хотя порой он нес страшную чепуху, прочитанную в книжках про старчиков. Сам он тоже долго посещал одного старчика, которого считал святым, но который, скорее, был старым маразматиком. Но отец Борис при этом был чуток к критике: если ему аргументированно объясняли, что та книжка лжива или тот старчик – сумасшедший или мошенник, то он раскаивался в своей вере и переставал почитать обманщиков. Правда, потом начинал почитать другого обманщика, искренне веря, что люди не могут лгать, а в книжках написана святая правда.

Отец Борис чтит начальство, но мог и возмутиться несправедливостью. Как это было, например, в том случае с клеветой благочинного. Часто мы обсуждали церковные нестроения, бюрократизм, очковтирательство, и отец Борис недоумевал:

— Ну как же так можно? Почему такой хаос, почему сверху спускают нелепые приказы, почему никого не интересует реальная жизнь реальных людей, а только отчетность?!

Он сердился, но, как истинный военный, продолжал служить и выполнять приказы.

Служит он и сейчас, хотя ему уже почти 70 лет, и он часто болеет. И я опять не смог ничего вразумительного сказать про доброго батюшку – не доброго пастыря, а именно доброго батюшку, если читатель понимает разницу.

Главное тут слово «добрый» — человек, с которым тепло, которому можно доверять, и который всегда не только готов откликнуться, но сам стремится предугадать, как помочь человеку, и сам предлагает эту помощь. Это тот, который никого не судит, а всегда ищет оправдание человеку. Тот, который молится Богу за других не ради благочестия или собственной праведности, а ради самих людей, ради доброты и любви к ним.

Таких людей я почти не встречал. Отец Борис – редкий динозавр.

ПОП И ПОДРЯСНИК

Прихожане привыкли видеть попа в черном платье (или как дети говорили: «Ой, дяденька в халатике/в юбочке!»), но не все задумывались, откуда берутся эти «облачения». Кстати сказать, большинство прихожан даже не знают отличия подрясника от рясы, часто первый называют рясой.

Не буду углубляться в историю поповского одеяния, скажу лишь, что теоретически считается, что подрясник – это вроде нижней рубахи или домашнего одеяния священнослужителя, а на улицу он должен выходить только в надетой на подрясник рясе, которая как бы и считается настоящей одеждой священника.

Я немало слышал историй из других епархий, где строго гоняют отцов за ношение рясы, особенно в присутствии архиерея. (Помню, пять лет назад была информация из Московской епархии, где специально собирали священников, и архиепископ Арсений ходил и проверял, как одеты священники, правильные ли на них рясы – крайне унижительное зрелище было.) Говорят, когда-то и наш архиерей ворчал на попов, мол, «что ты ко мне на прием в исподнем пришел!» Хотя в мое время отцы, конечно, старались на глаза архиерею попадаться в рясе, особенно в храме, но на прием некоторые (и я в том числе) рисковали приходить в подряснике – и ничего, даже сам владыка часто вел прием в простом подряснике и мятой скуфеечке.

Некоторые попы, с повышенной хитрозадостью, делали просто: они приезжали в епархию по-простому, в штанах и рубашке (с коротким рукавом летом), а потом сверху накидывали рясу, чтобы в случае встречи с архиереем не попасть под горячую руку. Выглядело это довольно нелепо, особенно когда священник поднимал руку, и из широкого рукава виднелась голая до плеча рука.

Когда я работал в храме перед рукоположением, я ужасно мечтал носить подрясник, скуфью, считал это высшим даром – право надеть все это. И когда мне объявили, что скоро хиротония, то встал вопрос о собственном подряснике и рясе.

В епархии в то время купить подрясник было нельзя, не привозили. Стали привозить на несколько лет позднее, но или под заказ без примерки, или рассчитанные на солидного бату выше среднего роста и с большим аналогом спереди.

Мне повезло: один священник посоветовал швею, которая обшивала многих попов города и даже епархии. Так я познакомился с чудесной женщиной и ее дочкой, жившими вдвоем в маленькой комнатке в коммуналке (только много лет спустя они смогли купить более приличную комнату в двушке). Эта женщина (назовем ее Маша) была кротким болезненным существом, худенькая, приветливая.

Ее историю я знал вкратце от нее самой: когда-то она пыталась подвизаться в одном из женских монастырей епархии, постриг вроде бы не успела принять, зато случилась негаданная любовь, результатом которой стала дочка (копия мамы). Из монастыря пришлось уйти, начать трудную жизнь добывания хлеба.

У нее я сшил свой первый подрясник. К сожалению, я не спросил ее совета по поводу ткани, поэтому когда я принес ей отрез шерстяной материи, она сочувственно покачала головой:

— А вы уверены?..

Но делать было нечего: время поджимало, лишних денег не было. Подрясник был сшит.

Рукоположили меня в середине июня. На сорокоусте, т.е. на ежедневных утренних и вечерних богослужениях я находился до конца сентября... Город южный, средняя температура летом — 35-40 С...

Но вы думаете, дурака это вразумило? Ха: он пошел и сшил рясу. Да, теперь он был умный, шерстяную шить не стал, а решил (без совета швеи) купить синтетический материал, немнущийся (что важно для имеющего только одно одеяние – на сорокоусте я жил при соборе, в поповской комнатке, постирать и погладить рясу и подрясник не имел возможности).

Ткань называлась «Титаник». Немного засомневался, когда нес материал швее: руку прилично оттягивало... Швее тоже с сомнением повзвешивала ткань в руке, но спорить не стала: смиренно сшила мне русскую рясу.

Для тех, кто не в теме: есть два основных вида подрясников и ряс: греческие и русские. Греческий подрясник – это рубаха, надеваемая через голову, обычно с рядом пуговиц сверху донизу. Греческая ряса – типа плаща с широченными рукавами, который застегивается только у горла, а впереди распахнут.

Русский подрясник и русская ряса – это халат, который запахивается с большим запасом на сторону, закрепляясь на пуговицу или на завязки сбоку, и у горла. Разумеется, ряса отличается широкими рукавами, подрясник – узкими. В греческой рясе карманов нет, в русской – обычно есть. Как шутили отцы в соборе: в подряснике или рясе карман должен быть такой глубины и ширины, чтобы помещалось пару бутылок водки и хорошая закуска.

Когда я впервые надел рясу на подрясник, я почувствовал себя рыцарем в латах, которому надо сражаться с сарацинами в Аравийской пустыне. Ряса была невероятно тяжелой. Но я был горд и молод, благодать так и перла из всех щелей, поэтому я мужественно надевал рясу по поводу и без, а в подряснике вообще старался ходить везде, особенно во время сорокоуста (через годик я практически перестал надевать рясу, кроме как по большим праздникам и во время сослужения архиерею, но в подряснике старался всегда ходить в храм и обратно, на требы). Когда я спал в поповской комнате в соборе, я накрывался рясой вместо одеяла.

Уже после швее посоветовала мне приобрести практичный синтетический материал — габардин — недорого, и не мнется. Именно габардиновые подрясники я и носил до конца поповства. Рясу тоже потом сшил легонькую. Некоторые отцы, которые побогаче, шили себе летние хлопчатобумажные (льняные) подрясники и оставляли их в храме: пришел, переоделся и служишь в удобном подряснике. Ходить же по улицам и ездить в общественном транспорте в таком подряснике невозможно – будешь выглядеть, будто тебя пожевал бегемот и выплюнул.

Со швеей мы встречались нечасто, несколько раз в год, по мере возникающей потребности сшить какое-нибудь облачение для службы (фелонь, епитрахиль и т.п.) или для престола и жертвенника, или новые подрясники, хотя за 11 лет я сшил их буквально три или четыре. Веселая Маша, обмеряя меня перед шитьем нового подрясника (раз в три-четыре

года), заносила цифры в потрепанный блокнотик, где были собраны данные на сотню других отцов, и шутила:

— О, отче, благодать-то в талии опять выросла! На пять сантиметров! Ну ничего, — хихикала она в утешение, — я всем батюшкам так и говорю: батюшки не толстеют – они добреют! Хорошего батюшки должно быть много!

Она же рассказала мне анекдот, бывший у нее с одним игуменом, тощим неприятным типом. Когда она сшила ему подрясник, тот присмотрелся и с обидой заметил:

— А что это вы мне пуговицы пришили на женскую сторону?

Маша прикинулась дурочкой и невинно спросила:

— А разве вы мужчина, отче?..

Тот закипел:

— А кто же я, по-вашему?

— Ну, я думала, вы – ангельского чина!

Помимо подрясников и ряс священники носят еще и скуфью.

Так до конца и не понятно: то ли скуфья – это обычная шапка для попа, то ли это первая награда, выдаваемая архиереем, поэтому вроде как носить ее до официального получения не следует. Но как бы то ни было, скуфьи я тоже любил, сшил себе несколько. Даже во время увлечения греческой модой сшил себе летнюю светлую скуфью не в виде остроконечной шапочки с крестообразным верхом, а в виде круглой тубетейки с плоским верхом. Мало того, носил я ее, сдвинув на затылок, чем, в купе с пышным чубом, напоминал казака. Один раз в маршрутке водитель с сомнением долго косился на меня (я сидел рядом с ним), потом рискнул спросить:

— А вы кто: батюшка?

Я показал крест:

— Конечно, а что?

— Шапка у вас какая-то... странная, на кубанку похожа...

Еще одной модной фишкой был пояс (по свидетельству отца Сергия Желудкова из его книги «Литургические заметки», такие пояса стали модными в послевоенное время). Мне от одного умершего протоиерея советского времени (отца того пономаря Федя из кафедрального собора)

достался красивый широкий пояс, черный, расшитый золотыми нитками – узор был в виде колосьев. Первый год я носил этот пояс постоянно. Потом стало потихоньку вываливаться пузцо, поэтому пояс стал тесноват.

Тогда появилась новая мода: шнурок, толщиной в палец, красиво сплетенный в косичку. Отец Макар, второй священник нашего прихода, умел плести такие. Вот с таким поясом я красовался несколько лет.

Еще одна модная деталь: жилетка. Некоторые отцы носили ее поверх подрясника. Кстати, удобная штука: чтобы крест не болтался во все стороны, когда наклоняешься, можно его запрятать под жилетку. У меня тоже была одно время.

Но в последние годы всякий модный интерес пропал полностью: накинул подрясник и пошел. Ряса пылилась в шкафу, пояс валялся там же, подрясник удерживался пузом (или наоборот?), скуфья тоже перестала использоваться.

Но к Маше я продолжал обращаться регулярно. Я знал, что они с дочкой живут бедно, поэтому изыскивал всякую возможность подкинуть ей заказ, советовал другим отцам общиваться у нее. Девочка почему-то питала ко мне особую привязанность и часто говорила маме: «А когда придет самый добрый батюшка?..» Приходишь, а на пороге к тебе на шею кидается маленькая худенькая малышка с пушистыми светлыми вихрами, сначала обнимает радостно, а потом чинно берет благословение, шаловливо улыбаясь и подпрыгивая.

Я не был самым добрым – просто всегда любил (и люблю) маленьких девочек, а она выросла на моих глазах, из крошки превратилась в почти подростка. Я иногда дарил ей приятные мелочи, даже записал для нее на диск свои аудиосказки.

Я скучаю по ним, двум кротким созданиям, которые живут тихо-тихо, никому не предъявляя претензий, не ропща, а улыбаясь и радуясь добрым батюшкам.

Но эта история не про них, а про подрясник.

ПОП И МОЛИТВА

Когда я был неофитом, то был уверен, что батюшка на службе весь трепещет, воспаряет духом и пребывает в непрерывной молитве. Поэтому, придя однажды в храм, я был потрясен и возмущен поведением одного игумена, вышедшего на литию. Он стоял посреди храма, ожидая, когда хор допоет

положенное. В это время он со скучающим видом глазел в потолок, потом достал платок, тщательно просморкался, после этого стал небрежно разматывать поручь и перематывать шнурок более тщательно. И все это на виду у прихожан, посреди храма! Мое пылкое сердце негодовало от такого неподобающего поведения иерея – мне казалось, что во время богослужения священник бдителен к веянию Духа, как пограничник на заставе, и соплей у него в принципе не бывает.

Пылкие духовности быстро развеиваются, как только такой ревнитель попадает в алтарь в качестве пономаря. Я перед хиротонией провел в алтаре больше полугода. Оказалось, что богослужение для многих священников — это не мистерия духа, не восхождение на небо по облакам фимиама, а просто определенный набор последовательных, ритуальных действий, которые он выполняет так же, как, например, рабочий на конвейере.

Когда я сам стал священником, я был уверен, что уж я-то буду молиться на службе, я-то правильно понимаю, как надо, не то что эти зажавшиеся толстопузы... Но жизнь все расставила на свои места.

Когда тебя рукополагают, то ты готов молиться, вот только ход богослужения ты знаешь еще плохо. Вернее, теоретически ты службу знаешь на пять, видел ее, как пономарь, сотню раз, но когда ты сам начинаешь служить, то первое время занимаешься не молитвой, а неврозом – ты боишься сделать что-то не так, сказать не то, выйти не через ту дверь. Помню, как один молодой священник во время сорокоуста так разволновался, что не мог вспомнить возглас после «Отче наш», хотя до этого несколько лет прослужил дьяконом.

Начинающий священник как начинающий кулинар: постоянно смотрит в книгу, только не в поваренную, а в служебник, а также в очень полезную книжку «Богослужебные указания на такой-то год», где расписаны последования служб на каждый день года. Каждая служба – это совмещение неизменяемых песнопений и действий (из служебника) и изменяемых, которые меняются каждый день: совместить их – большое искусство. Поэтому «Богослужебные указания» — шпаргалка для приходского священника, которому некогда самому составлять каждый день последование.

Кроме служебника и «Указаний» священник должен еще заложить закладку в богослужебное Евангелие: на литургии читается иногда один кусочек (зачало) евангельского текста, а иногда два или даже три. Каждый раз священник напрягает мозг, перед тем, как начать читать на литургии Евангелие, пытаясь вспомнить: «Сначала Иоанна, потом Марка, а потом уже

опять Иоанна... Или два Иоанна и Марк?» Опытный отец запоминает не по зачалам, а по расположению закладок: «Третья, первая, вторая» или в другом порядке.

Кроме книг, у священника много всяких действий, которые выполняются в определенной последовательности. Эти действия (всякие выходы-входы, поднятия-опускания рук, каждение) чаще всего не зафиксированы в Служебнике, поэтому опытные отцы учат молодых подрисовывать в Служебнике, где кадить (рисуешь маленькое кадило), где выходить и т.д. У нервного молодого священника Служебник обычно весь исчеркан пометками и рисунками.

Руки у батюшки трясутся во время первых служб: был свидетелем, когда батюшка-сорокоустник с перепуга выронил кадило в алтаре, в ковре была большая дыра потом.

Страшнее всего, конечно, для начинающего священника выносить на Великий вход и на причастие Чашу и дискос (на причастие – только Чашу): вот тут реально начинается тремор рук, особенно, если служишь в соборе на сорокоусте – там потир огромен, минимум на три литра, а на дискос батюшки-помощники могут столько навалить вынутых частиц, что чувствуешь себя жонглером, неся все это.

Но кроме книг и действий есть еще и те, с кем ты вместе совершаешь службу: пономарь (или пономари), дьякон, сослужащие священники и, не дай Бог, архиерей: тут вообще страх и трепет, хотя, впрочем, на архиерейской службе сорокоустник – самый маленький человек, и действий у него – кот наплакал. Но страха от этого не меньше. До тебя может дойти какой-нибудь возглас, что-то архиерей даст выносить на великий вход, а еще тебе читать заамвонную молитву.

Но архиерей – это страшно, а реальная проблема – это пономари. Если пономарь опытный, но со склонностью подшутить над начинающим батюшкой, то тут могут быть разные коллизии. Или кадило подаст слишком рано, и дверь откроет дьяконскую: иди, мол, на вход. Или ладана не положит, и выйдешь махать перед носом архиерея пеплом и углями, без фимиама, за что легко можешь схлопотать оплеуху.

Неопытный пономарь – еще проблематичней: ты постоянно должен держать во внимании, когда тому парнишке в стихаре кивнуть и сделать легкий покачивающийся жест рукой: мол, неси кадило. Но юный балбес может принести кадило слишком рано, и будет стоять около престола, теребя его,

воняя углем и подкладывая ладан, раздражая священника. А может и слишком поздно принести – тогда будет тягостная пауза: хор будет ждать возгласа священника, священник будет яростно смотреть в сторону пономарки, рыча про себя (а чаще вслух) эпитеты в адрес идиота-тормоза, пономарь будет спешить, забудет сдуть пепел из кадила – священник махнет кадилом, и весь пепел, радостно порхая, осядет на парчовое облачение престола и на фелонь священника.

Видели бы вы те взгляды, которые кидает настоятель влево, получив такое кадило... Слышали бы вы те громы и молнии, которые потом летят в голову несчастного кадилоразжигателя...

Ах да: есть же еще хор, который тоже может тупить, опаздывать или слишком рано вступать, а то и вообще ошибиться и спеть не то.

И вот когда и как тут молиться молодому пылкому подвижнику? Совсем никак.

Думаете, став опытным, все выучив назубок, вышколив пономарей, через 10 лет священник может себе позволить спокойно помолиться на службе?

Вы помните себя через 10 лет чтения молитвенного правила утром и вечером? Когда каждое слово знакомо до боли, когда язык быстро и уверенно тархтит свое, а ты в это время думаешь о начальнике на работе и о том, что на улице мороз, а ботинки у тебя тонкие?.. А чем священник отличается? Сколько раз ловил себя на том, что бодро произношу слова службы, а ум тщательно и в деталях обдумывает ремонт храма, епархиальные взносы и какой благочинный всё-таки козел. Очнувшись, вдруг осознаешь, что потерял место, которое только что бодро возглашал, забыл самое простое величание или возглас.

Да и если честно: просто становится скучно. Десятый, сотый, тысячный раз ты произносишь эти слова, и как бы возвышенны они ни были, но на тысяча первый – от них тошнит. Знаете, как бесили великопостные богослужения, когда в стопятысотый раз за вечер повторяется «Трисвятое по Отче наш», «Господи, помилуй (50 раз)», «Паки и паки, попа задрали собаки...»

Я спасался от скуки тем, что выходил на клирос (благо, клирос был в шаге от алтаря) и участвовал в чтении и пении вместе с хором. Там надо было следить за текстом, попадать в ноты, не отставать от регента – в общем, было чем развлечься.

Поверьте, большинство священников, которых я встречал, откровенно скучают на службе, находят любую возможность занять себя чем-нибудь:

поболтать, подремать в кресле, уйти в пономарку и давать указания пономарям, выковыривать частицы для завтрашней литургии (вечером), посчитать ворон за окном...

Некоторые батюшки очень любят праздничные вечерние службы, когда совершается лития, на которой благословляются хлебцы и вино. Вот тогда после этого благословения им есть чем заняться: можно удобно расположиться в пономарке и вкушать хлебушек, запивая винцом: одну чашечку, да другую, а еще и третьей отлакировать. Конец службы уже не так скучен, появляется блеск в глазах и бодрость в голосе.

Конечно, есть и молитвенники, но я рассказываю о том, что видел. И сначала я тоже возмущался немолитвенниками и искал молитвенников, и сам хотел быть молитвенником. А с годами понял: с немолитвенниками как-то проще, они больше на людей похожи. А вот молитвенники чаще всего были или «старцами», разрушающими чужие судьбы, или фанатиками с безумными глазами, которые замаливали себя до психдиагноза. Или юными дурачками, которых потом исправляла жизнь.

P.S. И, кстати, про сопли: меня рукоположили в 25, в 27 ко мне вернулась аллергия, да так накрывала в период с апреля по октябрь, что страшно сказать (лекарства почти не помогали). Чаще всего мои службы летом проходили так:

— Паки и паки (сморк-сморк-смооооооорк) миромгосподупомолимся!
(сморксморксморксморк!!!)

И в таком духе – все два-три часа. Особенно весело было на длиннющих страстных службах, когда стоишь в середине храма по часу, весь такой важный, свеча в одной руке, платок размером с парус – в другой. Читаешь трогательные страстные 12 Евангелий, перемежая каждую строчку трубным гласом всадника Апокалипсиса...

Прихожане у меня были смиренные и добрые, они жалели сопливого батюшку.

ЧАСТЬ II. ПРИХОДСКИЕ АНЕКДОТЫ

Эти забавные (и не очень) случаи произошли на самом деле. Я сам был свидетелем большинства этих анекдотов. Даю честное слово, что ничего не приукрасил для «эффекта».

НЕ ОБВОРУЙ, НЕ ОБРУГАЙ И... НЕ ОБЕССУДЬ!

Приходит однажды в храм дедушка, не вполне трезвенький. И говорит, хитро прищуриваясь:

— Я, брат ты мой, конечно, неверующий, но Христа уважаю! Да... И заповеди Его соблюдаю! Все одиннадцать! Щас я их вспомню... Мне их рассказывал энкэвэдэшник, когда я в лагере сидел. Я их на всю жизнь запомнил! И исполняю! Ну, вот, значит, заповеди: э-э, «не обворуй», «не обругай» и, это... а! — «не обессудь»!

Приходит в храм женщина.

— Мне нужно елейное масло!

— Простите, — отвечаю, — но «елей» и значит — масло. Это тавтология: «масло масляное».

Вижу: губы у дамы задержались.

— Ну, ладно! Так есть «оно» у вас?

На свою голову задаю ещё один (безобиднейший!) вопрос:

— А зачем оно вам?

Дама задохнулась от злости, развернулась и одним прыжком отскочила к порогу, распахнула дверь и, стоя на крыльце, выкрикнула:

— То им... «масло масляное»! То — «зачем»! Да пошли вы!!!

Похожий случай. Заходит одна мадам.

— Мне десять свечей с собой!

А я-то знаю, что свечи «с собой» у таких людей обычно значит — к «бабке». Спрашиваю:

— А для чего они вам?

Реакция была схожей: мадам в гневе развернулась и опять с крыльца (боится, что ли, что бить буду?) выпалила:

— Вас тут посадили не вопросы задавать, а делать то, что вам сказано!

На ту же тему. Приходят две старухи:

— Нам это — чёрных свечей надо!

— Каких?!

— Ну, нам «бабушка» сказала принести. Нет чёрных? Ну, тёмных, что ли, дайте, вот эти вроде потемней... И ещё этот, как его, «молитослов» она сказала принести.

— Вам какой — потолще, потоньше? — иронизирую.

Одна старушка, удивлённо:

— Его что — ещё и читать надо?!

На одной иконке для автомобиля есть образ архангела Михаила, а под стеклом — кусочек ладана. Одна прихожанка спрашивает про этот кусочек: «Это что?» Не моргнув глазом, отвечаю: «Мощи Архангела Михаила, с Афона!» Она, в простоте душевной: «Да что вы?! Как интересно...»

А вот продолжение этой истории (рассказ одной из участниц форума диакона Андрея Кураева):

«В храме есть чтимый резной образ св. Николая, деревянный, XVI века.

Так вот, в воскресенье пьем чай в трапезной после похода. Старшие дети, диакон и несколько мамочек. Вдруг Маша Спаси души наша говорит: «Я сегодня хотела сфотографировать мощи святителя Николая, но мне не дали. Наверное, потому что на мощи фотоаппарат действует разрушительно!»

Один алтарник:

— Где, в Бари?

— В каком баре!!! В нашем храме!

Я говорю:

— Маш, так это же не мощи св. Николая. (И вдруг, вспоминая эту историю, решаю продолжить): Это мощи Михаила Архангела!

— Ой, простите. Я не знала.

Самое интересное, что Маша считается очень образованной и подкованной в Православии девушкой.

Отец диакон стал говорить, что в католическом мире довольно распространены такие артефакты, как перья из крыла Михаила Архангела.

Мамочки всё слушают на полном серьезе. Я не выдержала: «Да просто в интернете прочла анекдот, рассказанный одним священником», — и пересказываю. Мамы молчат. Наконец-то одна из них расхохоталась: «А-а! Она думала, что это мощи, а там всего лишь ладан!»

Пришли раз люди за «земелькой».

— Мы собаку хороним, нам бы её земле предать. Она хорошая была собака, умная очень!

— Гм! А она что, — спрашиваю, — крещёная у вас была?

Граждане пугаются:

— Нет, а что — надо было? Без этого нельзя?

— Нет, — говорю им вполне серьезным голосом, — только верующих можно, тех, что в храм ходили. Так что ваша собачка не подходит.

— А что ж нам теперь делать? Как её земле предать-то?

— Да как: поезжайте в поле и закопайте.

— И ничего больше не надо? И крест ставить не нужно?

— Нет, не нужно!

На приёме у предполагаемого спонсора. Тот ораторствует перед своими подчинёнными:

— Я хочу, чтобы рядом с нашим заводом стоял храм, высотой 100 метров, шириной — 48! Я такой видел!

Со мной был парень, начинающий архитектор, он возьми да и ляпни задумчиво:

— Да-а... А Вавилонская башня была высотой 91 метр...

Один товарищ (немного зацикленный на проблеме, что Бог ему жену не даёт) спрашивает у меня:

— Нет, ну я одного не пойму – вот Христос: Он же – сверхсущество, самый могущественный волшебник! Он ведь всё может! Почему же Он своему лучшему другу Иоанну Крестителю не мог дать такую малость – жену?! Почему тот должен был жить один, в пустыне, голодный, холодный – почему?!

Случай в Богоявленском приходе на праздник Крещения.

Один прихожанин другому говорит:

— Ты представляешь, в этом году Богоявление и Крещение совпали!

Разговор в церковной лавке. Прихожанка:

— Так сколько нужно пожертвовать за сорокоуст?

— Ну, знаете ли, надо пожертвовать так, чтобы и совесть не укоряла, и душа чтоб была спокойна...

Из интервью одного протоиерея:

— Выходных у меня почти не бывает, а когда и бывают, то чувствую себя неуютно: сразу хочется сделать что-нибудь богоугодное...

Приходит женщина, приносит продукты на канун.

— Где тут у вас стол для жертвоприношений?

Заходит в храм женщина, трижды широко крестится на меня:

— Я, — говорит, — в храм нечасто хожу, но мне надо помолиться за сына, чтоб он экзамен сдал. Кому тут помолиться?

— Богу!

— КАКОМУ Богу?! Иконе какой свечку поставить?..

Из рубрики «Что посоветуете, батюшка?».

Иду по улице. Навстречу бомж лет 60, навеселе, грязный, небритый, оборванный:

— Батюшка! Стой! Ты мне вот посоветуй – как жить дальше?!

— Ну как – пить брось, например.

— Да я и так не пью! Почти. Нет, ты мне посоветуй, как жить: с девушками у меня ничего не получается!..

Настоятель спрашивает у библиотекаря:

— Что, прихожане берут журнал «Фома»?

— Нет, они смотрят, написано: «для сомневающихся» — и не берут.

В храм заходит дедуля лет 70.

— Скажи-ка, батюшка, дедушке – когда у нас Пасочка-то?

— 27 апреля.

— Ага, поздняя, значит! Это хорошо – успеем рыбки засушить и самогону наготовить! Да ещё и две пенсии получить! Пойду остальным сообщу: чтоб начинали готовиться!

Разговор двух прихожанок. Пожилая жалуется на проблемы с детьми и внуками. Вторая даёт ей профессиональный совет:

— А вы читайте в молитвослове «Молитву о детях».

Пожилая:

— Да, но «о внуках»-то нет молитвы!

9 мая 2008 г., традиционный крестный ход на Мамаев курган (Волгоград). Идём, слышим из толпы:

— Идут: олигархи с бородами...

— Ишь, бедными прикинулись, да ещё о Боге поют!..

ЗАВЕЛИ ТУТ ЧТО-ТО НЕПОНЯТНОЕ: «ЕВАНГЕЛИЕ», «ХРИСТОС» — КАК БАПТИСТ КАКОЙ-ТО!

Батюшка из соседнего прихода рассказывал:

— Прихожу на отпевание, стоит стакан с водой и хлебом. Начал объяснять ненужность всего этого. Народ стоит, скучает: мол, что ж, работа у попа такая... Мне надоело, рассердился и говорю:

— Да и вообще: у них там с туалетами проблема!

Он же:

— Отпеваю я у себя в храме. Всё, как положено: отпел, земельку благословил. По обычаю начал говорить проповедь. Когда упомянул слово «Евангелие» — народ, чувствую, напрягся... Говорю дальше. Произнёс слово «Христос»... Тут народ совсем заволновался, один говорит:

— Батюшка, а вы вообще-то православный?!

Я занервничал, соображаю на ходу: так, епитрахиль вроде не забыл надеть... Может, то, что хвостик на затылке подстриг, смущает?..

— А что такое? — спрашиваю.

— Не, вы точно православный? Мы, конечно, деньги вам заплатим, но лучше ещё раз сходим в собор, повторим для надёжности.

— Да что случилось-то?!

— Вы, батюшка, если православный, так и ведите себя ПО-ПРАВОСЛАВНОМУ!! Кадилом там помашите, что ли, а то завели тут что-то непонятное: «Евангелие», «Христос» — как баптист какой-то!!

На одной записке перечислены имена нескольких женщин, а внизу приписано: «с их детьми и мужьями».

На другой, после имен: «и всея родня».

Еще варианты: «и всех по плоти хретян», «всех православных сородичей».

Люди подадут записку: «о здравии А.»:

— Мы имя не знаем, только первую букву, ну да Бог разберётся!

Мальчик семи лет в воскресной школе открыл тропарь Пасхи, читает:
««Христос воскрес из мертвых...» — ой, мертвых! Ужас! — «Смертию смерть поправ» — ой, опять про смерть... — «И сущим во гробех живот даровав» —
опять гробы, кошмар!

Закрыл книжку:

— Нет, страшная песня какая-то!

Звонок мне:

— Мы всей семьёй хотели бы пройти, ну эти, как их, процедуры причастия, соборования...

Приходит в храм раба Божья:

— Мне сегодня приснились Путин и Чубаев (Чубайс) — как их звать-то, я им за здравие свечку поставлю...

У неё же освящаю квартиру, везде побрызгал, она открывает маленькую дверку, которой прикрыт электросчётчик, и таинственным шёпотом просит:

— И сюда помолитесь немножко, а то у нас тут бес живёт...

Из проповеди одного батюшки:

— Владимирскую икону Богоматери написал апостол Лука, а сохранилась она до наших дней благодаря стараниям сотрудников Третьяковской галереи!..

Мужчина зашёл в храм, хочет оберег купить. Ему предложили икону «Прибавление ума». Он обиделся: «На себя посмотрите!»

Зашел как-то я в детскую поликлинику в подрыснике. Увидел меня мальчишка лет шести-семи и воскликнул громко:

— О-о! Крёстный отец!!

Я в ответ:

— Если я — «крёстный отец», то ты кто — гангстер?

Он засмутился:

— Не, я — Ваня...

После службы подходит к девочке-регенту приходская вся из себя бабулька и строго отчитывает:

— Ты знаешь, не надо петь «аллилуйя», надо петь «аллилу-И-А», так как «Иа» — это ИМЯ БОЖЬЕ!

Попалась брошюра: «Чин исповеди», 2008 г., по благословию архиепископа Амвросия (Щурова). В ней стандартный набор грехов (по Брянчанинову и св. отцам), но есть и добавление: «Исповедь в грехах, наиболее распространённых в наше время» (некоторые выдержки с сохранением орфографии):

- *Согрешил: уподоблением себя твари безсловесной, предаваясь постоянному употреблению жевательной резины (гортанобесием).*
- *Согрешил: употреблением сленга (различных жаргонов), специально выдуманных слов.*
- *Согрешил: созданием культа собственного тела: всё свободное время посвящал физическим упражнениям, чтобы сделать себя «совершенным», подобным любимым видео- и киногероям.*
- *Согрешил: невоздержанным увлечением современной (антихристианской, демонической, рок- и пр.) музыкой, безвременным прослушиванием записей, в том числе, используя плеер.*
- *Согрешил: в поведении и внешнем виде уподобляясь музыкальным (теле-, видео- и рок-) кумирам, носил безнравственную, не подобающую христианину одежду (в цепях, заклёпках, заплатках, с изображением демонов или кумиров).*
- *Согрешил: просмотриванием фильмов-ужасов, фильмов-катастроф.*

Крестный ход на Мамаев Курган, 9 мая 2009 г. Идут священники в облачениях, голос из толпы: «Надо же, и среди попов есть симпатичные!..»

Когда поднялись наверх к храму Всех Святых, одна девочка лет пяти в восхищении пролепетала: «Мама! И я хочу такой наряд!»

И ЛАДАНКУ В ТАЙНОЕ МЕСТО СПРЯТАТЬ!..

Перлы епсайтов (с сохранением орфографии)

«Со мной произошло чудо»

«Вечером (22 августа) я исповедалась, а на утро (23 числа) мне нужно было идти на причастие. Но, встав утром, я почувствовала боль в сердце, в голове, стала вся красной, тошнило. Замерила давление, оно было 170 на 100, потом оно поднимается ещё выше. Мне не хотелось пить таблетки, т.к. после этого уже не желательно причащаться. Я прилегла и вдруг мне кто-то как бы говорит: «Возьми водички от «Воздвижения честного и животворящего Креста Господня» и помажь водицей этой голову и область сердца». 27 сентября крест выносят в храме на середину и служат чин «Воздвижения Креста», поливая его водицей розовой, затем раздают её понемногу прихожанам. И эта вода у меня хранилась года два и вдруг такое наставление! Как только я это сделала, буквально через 5-7 минут давление снизилось до 135\85, голова перестала болеть. Я быстро оделась и пошла в храм, где и причастилась Святых Христовых Тайн. Целый день я чувствовала себя отлично. Вот и решила написать в православную газету, чтобы прихожане всех наших церквей ценили всё освящённое в церкви: воду, масло, мел, песок и т.д. Слава Господу за всё.

Л. М., 73 года. г. Урюпинск».

«Как говорит Спаситель: «<...> бодрствуйте, потому что не знаете, в который час Господь ваш приидет» (Мф. 25. 42) — так и визит правящего Архиерея для настоятеля был весьма неожидан, но в тоже время очень радостен».

«Актуальность работы дискуссионного клуба определена 1025 летней годовщиной Крещения Руси, что создает предпосылки к реструктуризации общественного сознания, в осмыслении цивилизационного значения принятия Христианства славянскими племенами с последующим оформлением уникальной модели государственности — самодержавной и христианской. Оформление новой модели произошло в период татаро-

монгольского ига – особого вида патронажной государственности нехристианской направленности.

...Создание клуба вызвано потребностью молодых людей в выработке определенной мировоззренческой позиции относительно места Церкви в истории России. Именно средствами дискуссии возможно достичь таких целей, как умение вести беседу и умение аргументировано отстаивать свою позицию».

«Храм Никиты-мученика, расположенный в поселке Дубовый Овраг Светлоярского района, стал местом паломничества верующих со всей страны. Служители церкви стали свидетелями настоящего феномена – мироточения керамической плитки, которой выложен пол. Прихожане рассказывают, что в обычные дни мира не слишком много, а вот в праздники это действительно стоит видеть».

«В храме-часовне Святого Праведного адмирала Феодора Ушакова служащими храма произведены работы по демонтажу и реконструкции главного паникадила храма. Используя семиметровую лестницу и иные подручные средства (поддоны), Кобышев П.И. добрался до купола храма, и с помощью прихожан храма – Елфимова А.А., Караваева В.И., Ребрикова А.А. демонтировал грязное, запыленное и покрытое копотью паникадило.

Благодаря пытливому уму и умелым рукам служащих храма и по совместительству лиц, осуществляющих его охрану — Кобышева П.И. и Кобышева И.И. разработана и воплощена в жизнь схема переоборудования: были выточены необходимые детали и слажены все механизмы, заменены тросы, лампочки, добавлен механизм подъема.

Золотые руки прихожанок Елфимовой Т.В., Зазаровой Т.И., Васильевой Р.К., Зотовой Т.В. с любовью отскоблили и начистили паникадило, после чего оно засияло как новое.

Обновленное паникадило водрузили на прежнее место к радости всех прихожан и настоятеля храма.

Слава тебе Господи, слава тебе Господи, слава тебе Господи!»

Из поповских отчетов

«Акция имеет прикладной характер, поэтому каждый настоятель к 10 ноября будет обязан представить письменный отчет о проделанной работе. В отчете будет указано время произнесения проповеди, тема и результаты проделанной работы, а именно:

число задействованной молодежи в акции;

количество распространенных листовок-проповедей;

число пришедших людей в настоятельский день для бесед о православной вере;

число людей, *изменивших в лучшую сторону свое отношение к православной вере и ставшими прихожанами прихода».*

«Чудовище студенистое с рёбрами»

Попалась мне в руки чудесная брошюрка, которую хотели пожертвовать в нашу приходскую библиотеку. Брошюрка старая, 96-го года, издана в Донецке братством князя Владимира.

Называется опус «Лекарство от греха», в ней на 64 страницах приводится подробнейший список грехов от лица женщины. При этом читатели всячески призываются приступить к подобной исповеди, а если за раз не получится, то «исповедоваться постепенно одному священнику по 20-40 грехов в один приём, распределив все свои грехи». Приводится 4 примера «действенности такого исповедания»: у одной после часа исповеди бес возопил её устами, мол, я всю жизнь собирал её грехи, а тут всё обломалось. У второй вышло после исповеди «чудовище студенистое с рёбрами». У третьей ее бес возопил, отказавшись перепечатывать на машинке этот список грехов, а у четвертой «просветлел ум».

Некоторые перлы:

две страницы половых грехов, вплоть до лесбиянства и «при случаях животных имела худые желания и мысли».

- *«Обнажалась при других: купалась и загорала в людных местах, занималась физкультурой в неприличном костюме.*
- *Расслабляла свою душу долгою беседою с молодыми людьми другого пола.*
- *Носила вызывающе модные причёски.*
- *Носила на голове чужие волосы (парики), посещала «салон красоты».*
- *Смотрела в окно во время молитвы.*

- *Смотрела по сторонам, когда вкушала пищу.*
- *Любила пить крепкие чай и кофе.*
- *Хватала пищу, когда её ещё готовили.*
- *Использовала в пищу приправу.*
- *В храме смотрела на часы.*
- *Ленилась целовать иконы.*
- *Не посылала подарки обидевшим меня.*
- *Ходила в воскресный день в лес за ягодами и грибами.*
- *Ходила на свадьбу без церковного венчания.*
- *Называла бессловесную скотину именами святых угодников: «Васька», «Машка».*
- *На кладбище рвала сирень и приносила домой.*
- *В детстве дёргала девочек за косы.*
- *Читала переписанные с ошибками акафисты.*
- *Форсила.*
- *Выбалтывала церковные дела.*
- *Портила воду, когда купалась в реке, из которой пьют.*
- *Пользовалась душистым мылом, кремом, пудрой.*
- *Носила обувь с крестом на подошве.*
- *Грозил кулаком.*
- *Не всегда отсекала свою волю перед старцем.*
- *Идя по городу, смотрела по сторонам.*
- *Нежила плоть душем и ванной.*
- *Позволяла себе льготы и утешения.*
- *Иногда назойливо звонила, чтобы скорее открыли.*
- *Сморкалась в храме.*
- *Напоказ носила очки в золотой оправе, золотые коронки, часто открывала рот, чтобы показать их.*
- *Говорила голосом неестественным и пользовалась артистическими приёмами.*
- *Чрезмерно часто стирала бельё, тратила на это время без нужды.*
- *Люблю часто мыться.*
- *Кушала рыбу без чешуи и ела жареную кровь.*
- *Дерзко поднимала глаза.*
- *Бесцельно бродила по базару и по улице.*
- *Ценила писателей, артистов за их талант, а того, что они богоотступники, не хотела понять!*
- *Клала ногу на ногу на людях.*

- Любила без меры пить соки, газированную воду.
- Ковыряла в носу.
- Работала парикмахершей.
- Обьедалась на поминках.
- Много времени уделяла убранству комнат.
- Играла в лото, шашки, шахматы, рюхи, салки, палочки, размышляла над ребусом, играла в кубик Рубика.
- Тратила деньги на спектакли, футбол, хоккей, цирк, гуляния в парке.
- Каталась на легковой машине, велосипеде, катере, моторной лодке для удовольствия.
- Разбирала ближних по «косточкам».
- Устраивала свидания на кладбище.
- Пугала прохожих, приставала к ним».

В церковной лавке

Был в храме у благочинного, зашел в лавку. Девица волоокая спрашивает у лавочницы:

— Аа чёооо бы мне от сглааазууу?..

Та мгновенно реагирует:

— Как что: конечно же, крест надо носить, не снимая. И ладанку в тайное место спрятать!..

Зашли в наш храм две дамы со стеклянными глазами, хорошенько датые. Типа помолиться, свечки поставить. Видно, мать и дочь. Мамаша спрашивает:

— А есть у вас икона тут, как её... — НЕДОПИТАЯ ЧАША?..

В храм две женщины пришли (меня не было). Спросили попа, мол, земелька им нужна. Когда с ними завели разговор насчёт отпевания, они отмахнулись: отпевать не собираются, только землю надоть. На робкие попытки свечницы что-то объяснить презрительно фыркнули и пошли, по дороге обсуждая:

— Я поэтому и не хожу в эту церковь: знаю порядки этого попа — у него тут всё по-научному!

В лавке женщина спрашивает:

— А какую лучше икону выбрать при низком гемоглобине?..

Понравилась ей икона «Взыскание погибших», но напугало название, в итоге купила «Скоропослушницу».

Заходит как-то в наш больничный храм бабуся и начинает молиться вслух:

— Господи! Ну попроси Ты Матрону, чтобы она помогла мне!!!

Из разговора в храме:

— Я верую только в Матронушку! Мне этого достаточно! Я маслицем от неё мажусь три раза в день, водичку пью — и мне хорошо!..

Разговор в церковной лавке накануне Преображения. Прихожанин:

— А какие плоды можно приносить 19-го на освящение?

Свечница:

— Те, которые вы ещё не вкушали!

В больничный храм пришел дедушка лет 90, попросил разрешения помолиться. Он подходил к каждой иконе по очереди, целовал их и вслух молился:

— Господи, сделай так, чтобы мне присвоили звание Героя Советского Союза!

БАТЮШКА, А КТО ТАКИЕ «ЕЖИКИ В КУБЕ»?

Поп и народ

Заходит в храм бабуля лет под 80, встречаем радушно. Она:

— Мне свечек! Которые подешевше у вас тут?.. Нее, 10 рублей — это дорого...

Я, с сарказмом:

— Бабуля, а вам свечки для чего: Богу дорого или вы их в торт втыкать будете?

— Нет, — говорит старушка, — не Богу. У меня соседка — ведьма, устала я от неё. Вот это от неё свечи.

Я, с ещё большим сарказмом:

— И в какое место, простите, этой ведьме вы собираетесь воткнуть эти свечки?

— А я их шаману отвезу, который меня лечит, это он мне велел свечей привезти!

Я аж поперхнулся:

— Бабусь! А вам не кажется, что это как-то несовместимо: Бог и шаман?..

А в ответ услышал:

— А МЕНЯ ВАШ БОГ НЕ ИНТЕРЕСУЕТ!! Я б тока купила свечек да пошла за порог!

— !? Ну тогда, бабуся, вот вам дверь и порог, топайте отсюда!..

И бабуля нас покинула.

Перед молебном подходит ко мне пожилая мадам, с причёской, крашеными губами:

— Можно медальон освятить? Я носила сама, а теперь хочу дочке подарить.

— Можно, — говорю, — только после молебна, а то сейчас уже начинаем.

На молебен мадам не осталась, явилась после. Протягивает мне что-то, луплю глаза, пытаюсь понять, что это: в золотом круге какие-то два хлопца. «Флор и Лавр? Косьма и Дамиан?..» Говорю:

— Это кто?

— Ну как кто: это ж Близнецы!

Я аж поперхнулся. Не сдержался, говорю:

— Простите, вы, что, охренели совсем?

— А что такое?

— Ну, съёте мне эти языческие фиговины.

— А что — нельзя? Ну тогда крестик хоть освятите!

Молодая женщина привела на беседу перед крещением мужа, «который лютеранин, но хочет сменить веру на православную», по её словам. Разговариваю с ним:

— Вы какой веры?

Он:

— Католик!

— ?..

К его жене поворачиваюсь:

— Вы же сказали «лютеранин»?

— Ну да! — радостно кивают оба. — Это ведь одно и то же!

Причащал на дому старушку, глухую колхозницу.

— Батюшка! А это не ты ль меня два года назад причащал, ась?

— Да я, бабуля, я.

— Нее, — бабуся с сомнением окидывает меня с ног до головы, — тот помоложе был!

У одной старушки умер недавно муж. И стал ей являться регулярно, не во сне, а в реале. «Приходит и стоит. А то какие-то мужики и бабы по дому ходят и ходят». Бабуся и батюшку звала, и свечи возжигала, и водой кропила — ничего не помогает. Пока одна добрая соседка не научила: «Ты, когда они приходят, матом их посылай!»

Теперь бабуся, как услышит скрип половиц в другой комнате, грозит бадиком и кричит: «А ну, пошли на... Чтоб вас вашу...!»

Иду, навстречу алкаш с папироской в правой руке. Он на меня перекрестился. Папироской.

На рынке подваливает ко мне мужик молодой, забулдыжка с бодуна.

— Слышь, батя, скажи мне: чё это у меня за фигня такая, как называется? — и показывает мне на веревочке на шее маленький образок Семистрельной иконы. А рядом болтается «образок», на котором какая-то макака или мартышка по веткам скачет.

Отвечаю:

— Это икона Богородицы, а вот носить её рядом с обезьяной не надо, уж что-нибудь одно выбирай.

Мужик:

— А чё так? Почему нельзя?

— Ну понимаешь, как говорят в таких случаях: ты или крестними, или трусы надень...

Мужик аж руками замахал:

— Нет-нет, ты что! Я трусы не ношу!.. ОЙ!! ОЙ! то есть крест, я хотел сказать!..

Все вокруг заржали, а он продолжает в смущении:

— Обезьяна — это мой знак, поэтому и ношу...

— Ну, — говорю, — если ты хочешь этим сказать, что ты — обезьяна...

Мужик, под хохот окружающих, махнул рукой и поспешил ретироваться.

Проводил после всенощной оглашение. Как обычно, докапываюсь к родителям, зачем они собираются крестить ребёнка, чтобы попытались сформулировать свои неясные интуитивные флюиды. Мамочка молодая говорит:

— Ну как же! Чтобы Бог видел нашего ребёнка!

— То есть Бог некрещёного ребёнка не видит? Он что — слепой?

Та пожимает плечами:

— Ну, наверно, так!

(Интересно, может, они веруют в одного из богов викингов — Хёда?..)

Задаю им ещё наводящие вопросы, что они думаете о том-то. Они переглядываются:

— Прямо кроссворд какой-то!

Ехал в маршрутке в подряснике, подсел ко мне цыганчик лет двадцати: «Бать, у меня сынок трёхмесячный уже третий раз в больницу попал! Ухо вроде болит, всё плакает и плакает! Ты сделай там в церкви чего-нибудь, прочитай, чтоб не болело. Сына зовут... Медведь! Ну, как президента бывшего! Не забудешь?»

— Не, — говорю, — такое не забудешь!

После службы одна милая старушка пожертвовала мне на помин дедушки... большой пузырь одеколна «Нептун».

На исповеди от одной старушки с палочкой узнал причину, почему она очень редко ходит в храм:

— Так я прочитала в «Домострое», что в церковь нельзя с клюшкой ходить! И сидеть нельзя, только стоять прямо!

Один мужик про свою жену:

— Она у меня верующая, но не так, чтобы прямо совсем, а так — процентов на 80!

Пришли в храм славная женщина с девочкой. Они сами из хутора, рассказывают с теплотой о своём батюшке: «Он нас даже в крестовые походы возит! Ну, в эти — паломничества!»

Что говорят старушки-иеговистки, когда пристают к попу на улице:

— Кто сейчас правит миром?..

Что говорит шофёруга под пивом, когда встречает попу на улице:

— Ну почему в стране такой бардак?!

Прихожанин спрашивает меня:

— Батюшка, а скажите: кто такие «ёжики в кубе» — мне в Писании попало?

У попа зазвонил телефон

Позвонила пожилая цыганка из больницы:

— Как к вам записаться на приём по поводу улучшения здоровья?..

Звонок мне в 8 утра (редкий день для отсыпа). В трубке деловито-строгий голос дамы:

— Алло! Мы хотим машину освятить! ВАША ЦЕРКОВЬ ВЫПОЛНЯЕТ ТАКИЕ ФУНКЦИИ ИЛИ НАМ ИСКАТЬ ДРУГИЕ ВАРИАНТЫ?..

Звонит женщина:

— Алло, батюшка, подскажите: у меня вот умер муж год назад, я сначала думала не выходить замуж, а тут парень понравился, он работает в супермаркете, я тоже решила туда устроиться работать. А тут я два дня подряд видела в магазине двух попов — я сразу решила, что это знак мне свыше. Скажите: не грех ли это — хотеть вновь выйти замуж?..

Звонок в 9 утра. Бодрый голос молодой женщины:

— Алло, батюшка, здравствуйте! Вы меня помните?..

— Ммм...

— Ну, вы ещё меня исповедовали год назад в больнице! Помните?

— Эээ, я вообще-то не умею угадывать людей по голосу... Хоть представьтесь.

— Екатерина! Вы ещё мне советовали бросить курить тогда — вот я бросила!

— Ну хорошо, а вы что-то хотели от меня?

— Не, я просто сказать, что курить бросила!

Через некоторое время пришла смска: «Батюшка, я опять закурила. Других грехов нет».

У людей сороковины по бабушке, завтра поминки:

— Алло, бабушка! Скажите, а можно рыбой завтра поминать? Ой, а мы хотели пюре с сёмгой — а это не жирно? Ой, а может, горбушу взять? А нам говорят — минтай возьмите... Не, минтай — это что-то совсем уж... Так можно сёмгу?.. Ой, а суп можно с рыбой или лучше грибной?.. Ой, а вино какое можно — кагор? Красное, да, слабенькое?.. Ой, а нам сказали, надо бабушку провожать: узелок собрать, свечечку, покушать ей?.. Надо — нет?..

Звонит дама с томным голосом:

— А вы можете освятить помещение?

— Какое помещение?

— Ну, релакс-центр...

— ???

— Не, вы не подумайте ничего: там просто фитнес, массаж, всё такое...

— И зачем вам его освящать?

— Вы понимаете, финансовые проблемы... Уже все способы перепробовали

— ничего не помогает!

Поп и дети

Иду по парку в центре города в подряснике, впереди бабушка с дедушкой ведут за руки двух красавиц, лет четырех-пяти каждая. Одна оборачивается на меня, глаза тарачит изумлённо:

— О-о-о, дяденька в платице!!!

Другая повернулась, флегматично бросила:

— А, да это ж бог!

Зашёл в парикмахерскую (в цивильном), передо мной стригся мужчина, а его маленький сынишка сидел на стуле и болтал весело ногами. Я присел подождать, а хлопчик поворачивается ко мне и громко говорит:

— Привет, пацан!

Я ошалел, говорю:

— Это ты мне?!

Он:

— Ага! — и лыбится довольно.

Я говорю:

— Если я — пацан, то ты кто?

Мальчишка чуть застеснялся:

— А я — Иван Алексеич Иванов!

Иду по улице в подрыснике. Навстречу семья: мама с двумя детками, мальчик и девочка, лет четырех-пяти каждый. Видно, они начали разговор обо мне чуть раньше, но я услышал лишь конец. Мальчик, удивлённо:

— И что: он меня крестить будет, что ль?!

Девочка, укоризненно-снисходительно:

— Ты стё? ПЛЯТИТЬ НАДО!

ЧАСТЬ III. ИРОНИЧЕСКИЕ СКАЗКИ

КАК СТАТЬ ЗНАМЕНЫТЫМ ПРАВОСЛАВНЫМ ПИСАТЕЛЕМ

(Пособие для начинающих)

Итак, мой юный друг (милая выпускница филфака, бывший инженер на пенсии, маститый протоиерей, монахиня-кандидат любых наук – нужное добавить), ты решил стать знаменитым! Точнее, знаменитым православным писателем, книги которого возжаждут напечатать самые лучшие церковные издательства. Похвальное стремление! Кто желает славы Ивана Шмелёва (а также Юлии Вознесенской и прот. Николая Агафонова) – доброго желает!..

Но если ты, преисполненный сим благим намерением, пока ещё не решил, каким именно шедевром ты восхитишь заждавшуюся публику (пардон! – братьев и сестёр по вере) – предлагаю тебе в помощь это скромное, но надёжное (и запатентованное) пособие, на основании которого десятки жалких графоманов во мгновение ока превратились в известнейших и почитаемых (читают их, однако) ПРАВОСЛАВНЫХ ПИСАТЕЛЕЙ. Поверь – ты будешь среди них, если в точности исполнишь данные рекомендации! Начнём же, в путь!..

Для начала запомни – у тебя есть главное: ты православный! Поэтому половина задачи уже выполнена. Писателем быть ты легко научишься, а чему научить читателя – ты уже знаешь (после вечерних педагогических курсов при местном монастыре миссионерской направленности).

Начиная сочинять рассказ (повесть, роман, сказку), ты нуждаешься в сюжете. Бери в руки перо («клаву», «мышку»), устанавливай пошире интервалы между строк (кстати, не забудь узнать в редакции: там платят построчно, постранично, за «печатный лист» или «по-православному»: «скажи спасибо и за то, что напечатали?»), и записывай вслед за мной:

В некоем провинциальном городке (Москве, заброшенной деревне, около восстанавливаемого монастыря) жил да был парень (девушка, мужчина средних лет и такого же ума, старая дева, учительница музыки). Был наш главный герой (как должно оказаться по ходу действия – не такой уж главный в благодатном отношении) обычным человеком конца XX — начала XXI века: не монстр, не киллер, не святой, а так себе, с грешками, «как у всех»: ну, пара разводов (жена довела, муж был алкаш), в соседнем подъезде любовница (Верка, бывшая одноклассница, глупая, но стильная крашенная деваха), пытался зашибать деньгу (сделать карьеру в спорте, удачно выйти замуж), любил «оттянуться» (баловался водочкой, девочками, иногда травку пробовал), жил лишь ради себя, – ничего особенного, в общем.

И тут (совершенно неожиданно, но непременно по Промыслу Божьему, прабабушкиным молитвам и нашим рекомендациям) с главным героем повествования случается НЕЧТО: он заболевает (этот поворот сюжета лучше всего действует на впечатлительных читателей). Желательные болезни – рак и туберкулёз. Они хороши внезапностью появления и долгим сроком последующего развития, что даёт повод и время к духовным размышлениям о своей горькой судьбинушке. Также можно героя лишит семьи, работы, посадить ненадолго в тюрьму по облыжному обвинению.

Но, всё-таки, ракообразный туберкулёз у двадцатилетнего юноши, студента-спортсмена (девушки – успешной красивой журналистки модного глянцевого издания) – самый подходящий вариант. Держа в руках листок с диагнозом-приговором, твой персонаж обводит цветущий мир замутнённым взором, в котором отражается вся брэнность земных суетных устремлений, и понимает: всё кончено... Смерть неминуема, он никому не нужен, ничего больше его не обрадует, остаётся одно: уйти с гордо поднятой головой и вернуть «билет в рай» судьбе. Но...

Теперь, мой будущий знаменитый член будущего Союза православных писателей, когда ты накалил сюжетную линию до пика шекспировских трагедий, тут по нашему плану в судьбу героя врывается катарсисообразное состояние, совершается метанойя, нисходит одухотворение. На своём пути бедолага встречает «ангела-хранителя»: батюшку, бегущего мимо скамейки, на которой в последний раз расположился раковый суицидник, и успевающего схватить руку с занесённым кинжалом (девушку Машу, с русыми косами и нотами знаменного распева под мышкой, подрабатывающую ночной нянечкой в больнице, а днём изучающую богословие и пение в православном университете имени Ивана Ильина (тут даётся сноска на полстраницы о роли этого философа в становлении современного православного мировоззрения); если больна девушка, то, естественно, мимо пробежал навещавший прихожанку своего храма по благословию настоятеля Дима-семинарист с пробивающейся бородкой и думкой о постриге в далёкой северной пустыни, так как истинную матушку, верную подругу и помощницу на приходе, найти практически невозможно...).

Совершается ВСТРЕЧА. Погибающий грешник изумлённо видит перед собой начинающего праведника, впереди которого расстилается умиротворяющая любовь, а сзади подпирает благодать. Они начинают беседовать о смысле жизни, о спасении души, о грехах «юности твоя».

Кстати, мой дорогой православный писатель, запомни важную информацию, гарантирующую успех твоему шедевру: вся «соль» — в диалогах (особенно — в их длине). Диалоги должны быть таковы: грешник бомбардирует «ангела-хранителя» вечными вопросами «а ля Иван Карамазов», а тот ловко направляет их в русло полноводной святоотеческой реки, попутно на нескольких страницах объясняя основы литургики, догматики, аскетики, иконоведения, кураевологии, снабжая свою миссионерскую речь цитатами из Ветхого и Нового Заветов, с непременно указанием в скобках: Мф.,13-11, Сирах, 2-15. Конечно, для вящего эффекта эти диалоги нужно растянуть по всему произведению, не забывая, что «молочко» азбучных понятий постепенно требуется замещать «твёрдой пищей» в рамках паламитско-афонитской проблематики по мере духовного роста неофита.

Разумеется, эта встреча должна перевернуть весь внутренний мир грешника и указать ему направление к свету в конце тоннеля. Он (герой) вдруг вспоминает, что оказывается, в детстве посещал воскресную школу (видел Владимирскую икону Божией Матери в Третьяковке, фотографию царя Николая Второго, заложенную в книге любимого учителя истории). В памяти всплывают благостные образы: вот, он, трёхлетний, с крёстной тётей Нюрой

на первом причастии, белые голуби вьются под куполом храма; вот, лучистые глаза доктора Бориса Петровича, заведующего раковым отделением (как оказалось: тайного схимонаха); вот, маленькая иконка Николая Чудотворца, однажды спасшая героя от избиения толпой скинхедов...

Слёзы умиления омывают ланиты новообращённого, и он, отринув юдоль страстей, твёрдой поступью взбирается на лестницу добродетельной жизни. Конечно, Божий гнев тут же сменяется на милость: Борис Петрович, применив уникальную, позавчера изобретённую методику, вылечивает своего подопечного. Результат укрепляет соборование, совершённое больничным батюшкой (заказанный тайно влюблённой в героя Машей молебен с акафистом святому, покровителю болящего, и весь (молебен, то бишь) проплаканный ею на коленях).

Далее по сюжету, как ты уже догадался, мой сообразительный друг, должны последовать первый поход в храм, первая сознательная исповедь, благословение на женитьбу на той самой Маше (замужество за тем самым Димой), полученное в лице новообретённого духовного руководителя, 26-летнего иеромонаха Дорофея, пятого на многоштатном приходе, но первого по тайным подвигам, бывшего наркомана, а ныне начинающего старца, ещё неприметного для настоятеля и собратьев, но уже согревающего своих чад лучами благодатного окормления. (Не забудь походя пояснить суть терминов «окормление» и «старчество» в одной из бесед начинающего христианина и опытного пономаря Петра Петровича, прошедшего ГУЛАГ и выдавшего многих старцев. Обязательно дай ему нежными руками Маши почитать «Отца Арсения» — пусть будет «потрясён».)

Сюжет следует разнообразить ненавязчивым проработыванием животрепещущих внутрицерковных проблем, преображённых твоим художественным словом: стоит сказать о вредоносности неообновленчества, о пагубности либерализма, о возрождении Святой Руси и самодержавия, о заблуждениях сектантки медсестры Ирины Сергеевны, всюду сующей «Сторожевую башню», но при этом брезгующей выносить «утку» и поручающей это неблагодарное дело русоволосой и кроткой Машеньке.

Выбор тут богатый, не бойся повториться: в Православии повторение только приветствуется. Мало ли, что Солженицын написал «Раковый корпус», а Чехов с Ремарком просто «измучили» тему туберкулёзников! Они ведь не сделали из своих героев православных, не спасли их души, не вдохновили

читателей на покаянную жизнь, а значит, зря бумагу марали, да ещё и гонорары брать не стеснялись.

Свой шедевр надо завершить лёгкой печальной, но светлой нотой (не советуем заканчивать хеппи-эндом: это не по-нашему, отдаёт американизмом и протестантизмом): на путь спасения наш раскольников встал, но Маша сама заболела раком, и Диме пришлось-таки стать иеромонахом...

Если герой – молодой, но энергичный священник (а ты сам – провинциальный протоиерей: это вообще убойный вариант – готовьтесь к переизданиям!), то его нужно послать в глушь, в такую деревню, которую не только на карте, но и на реальном месте за бугром не заметишь. Там осталось лишь три покосившиеся избышки со старушками, да алкаш Василий, который будет у бабушки истопником и активным участником сюжета (в промежутках между запоями). Наш отец-подвижник должен восстановить храм, собрать приют из детей местных забулдыг, сделать Васю монахом Вассианом; все свершения должны происходить, невзирая на холод, непонимание со стороны прихожан, на происки баптистов, председателя колхоза, распродавшего остатки сельхозтехники, воров, уже пятый раз ограбивших ризницу (благо, в этот раз местные братки разыскали негодяев и вернули последнюю икону письма сельского богомаза шестидесятых годов XX века). При этом книгу следует назвать: «Рассказы старого священника», «Приходские были», «Непридуманные истории» — и сочинять напропалую, вспоминая все пономарские и семинарские анекдоты, сдобряя текст юродивым Гришей, молитвенницей бабой Глашей, прочими прихожанами, выделяющимися на фоне общей серости своими тайными подвигами и мудрыми изречениями в духе «Добротолубия»...

Сказки сочинять ещё легче. Ты ведь читал «Хроники Нарнии» Льюиса? Нет, не пугайся, так «толсто» писать не нужно, надо лишь уметь правильно конспектировать, держа в памяти вечную студенческую истину: списывание с одной книги – это плагиат, списывание с двух книг – это компиляция, списывание с трёх книг – докторская диссертация, списывание с четырёх книг – пятая книга. Да и кто ж их, книги-то эти, считает? Их читают...

Главное – православный подход и глубокая мораль, заставляющая юных читателей и их родителей отправиться в следующее паломничество вместе с Ёжиком и Ланселотом. Помни: в книге не должно быть колдовства – только волшебство (а лучше – чудотворения)! Злых колдунов следует окропить крещенской водой, вразумить промыслительным явлением святого

угодника, победить крестным знаменем и усиленной молитвой, развеять по ветру богатырским наскоком отрока Илюши купно с его друзьями из корпуса юных казаков-суворовцев-лейб-гвардейцев. Дружба батюшки Иоанна с местной феей только приветствуется, особенно, если фея — чья-нибудь крёстная. Идеи, которые нужно донести до чад, таковы: зло — плохо, добро — прекрасно, наши сильнее, потому что православные, патриоты и наши. Аминь, аллилуйя, Гарри Поттеру капут, ждите продолжения.

Подвизаться на почве духовной поэзии проще простого, но, к сожалению, на этом большой популярности не заработаешь, вряд ли братия с сестрами кинутся в магазин за твоим сборником стихотворений (хотя, если ты известный игумен или затворник с гитарой, да ещё знаком с Жанной Бичевской, то шанс имеется). Но регулярно публиковаться в епархиальной газете, соперничая во славе с А. К. Толстым, К. Р. (великим князем Константином Романовым), Пастернаком и епископом Питиримом Волочковым тебе, мой стихоплёт, вполне по силам. Заучи лишь (или запиши в блокнотик) основные духовные рифмы: «Бога-дорога, Отец-Творец, Христа-Креста, Мати-благодати-подати, страданья-злодеянья-воздаянья-покаянья, спаси-помоги-прости-заступи-вразуми, херувим-серафим, молиться-поститься, Спас-глас-нас-вас, внемлите-вонмите-смирите-поймите». Если не будет хватать на поэму, то помни, что хорошо рифмуются глаголы: пришёл-нашёл-ушёл-зашёл-в-мир-иной-отошёл и местоимения: тебя-меня, моя-твоя-своя-я, ты-вы-мы-иже-херувимы.

Знаешь, что такое пазлы?.. Вставляешь рифму в нужное место, а остальное пространство заполняешь всем слёзовыжимательным и одухотворённопрославлятельным о Святой Руси, любимом Старце, Царской фамилии, молитвенно-покаянном шествии против пьянства гаишников, твоей последней исповеди, первом причастии внучки — да мало ли ещё тем, слабоорифмованных твоими предшественниками?! Можешь составить годовой цикл на все праздники, многотомное стихотворное переложение житий Димитрия Ростовского, духовный венок на могилу... фу! букет на именины дорогого настоятеля с перечислением всех его заслуг и наград, а также многочисленного семейства, типа: «наш батюшка с матушкой и восемью чадушками сидят в трапезной рядышком...»

Жанров много, умей лишь правильно вливать в них духовность. У нас не то, что в міру: наша литература спасительна, вдохновительна и умирительна, а их Анна Каренина — сами знаете, где свою грешную жизнь окончила. И живём мы под девизом: коль православным стать успел, талант иметь ты не обязан!

Запомнил, друг мой, наши рекомендации? Будешь в зените славы – передавай привет всем православным писателям, и пусть великодушно простят, если что не так...

КОНЬ ВО СПАСЕНИЕ

— Чады! — вскричал старец, широко раскинув руки, будто отгоняя мрак.

— Беда пришла на Святолюбово! За грехи наши сия кара Господня!

— За грехи! За грехи! — заскулили покаянно чады: толпа старух, тетушек, обмотанных платками до глаз, монахинь, похожих на страх Божий. Тут же покаянно и яростно пыхтели несколько крупногабаритных казаков с седыми брадами. Среди основного контингента чад попадались и разночинцы: молодые девушки, без пяти минут послушницы, пара юношей, со взором горящим, щеками впалыми и прыщавыми.

— Сначала паспорта взяли, потом ИНН, потом штрих-коды на лбы себе наложили, а теперь на члены резинки натягивать будете?! — прогремел старец, ткнув узловатым пальцем в толпу. Чады поежились, втянули головы в плечи, стали озиаться: каждый пытался выгледеть не натягивающим резинку ни на что. Монахиням было легче, а казаки запыхтели еще яростней и убедительней, стали сурово озиаться на двух прыщавых парней.

Те округлили глаза, открыли рты, но слова оправдания застряли в глотке: они вспомнили, что старец учил их никогда не оправдываться, а всегда считать себя виноватыми во всех грехах, даже в чужих.

Но старец продолжал:

— Зло, зло адское, бесовское пришло на наше боголюбие! Земля наша будет производить не ладан, не просфоры, не иконы, а — только подумайте!

— презервативы! Которые расползутся по нашей земле, аки аспиды ядовитые, а на упаковках будет написано: «Святолюбово»!!! Исчезнет Святая Русь от такого греха, ибо каждый кончающий в презерватив — проклят есть от Бога!

— Не допустим! Протестуем! Это мужской аборт! Святость из Святолюбово — долой грех! Покончим с этим! — завопили дружно чады, взмахивая руками и хоругвями, иконами и шашками.

— Не допустим? — взревел старец. — Уже допустили: завод уже построен, рабочих набирают! Божьим попущением стало сие возможно, зло восторжествовало! Но мы победим зло! Молитвой, постом, бдением!

Но не только, — старец покачал головой и опять ткнул пальцем в толпу: — Вы сами должны пойти в крестовый поход на зло и уничтожить его изнутри! Такова Божья воля!

Казачи тут же приосанились и крепче сжали шашки в руках:

— Ты только прикажи, батюшка! Мы мигом им бошки поотрубам за Святую Русь!

— Нет, — отверг предложение старец, — бошки рубить рано: мы перехитрим дьявола — сказано в писании: «Ложь — конь во спасение»!

— А что это значит, отченька? — пискнула одна бойкая старушка.

— А это история такая поучительная, из Священного Предания: однажды в развращенном Вавилоне зло и секс достигли такого предела, что решил Бог уничтожить блудницу Вавилонскую. Приказал Бог монахам монастыря, который располагался неподалеку в пустыне, соорудить огромного коня деревянного, вроде как идола, и поставить перед воротами Вавилона. Жадные и блудливые вавилоняне, увидев коня, обрадовались и затащили его к себе в город, а ночью монахи выскочили из коня и подожгли город с разных сторон. Так погиб Вавилон, великая блудница, так и появилось понятие «ложь — конь во спасение».

Чады озабоченно зашептались, потом та же бойкая старушка дерзнула спросить:

— Отченька, а кто коня-то сделает? Плотники нужны!

Старец плюнул:

— Не нужен нам конь! Вы будете и конями, и монахами: вы устроитесь на завод работать!

Так и случилось: чады нанялись работать на завод. Монахини переоделись в мирское и устроились на конвейер, казаки спрятали шашки и временно сбрили бороды, превратившись в грузчиков, бабки стали кладовщицами, уборщицами и вахтершами, юноши со взорами горящими и щеками прыщавыми стали ответственными за логистику, а юные девы, будущие послушницы, стали контроллерами продукции.

Днем все выглядело чинно, работа кипела, презервативы штамповались, упаковка тоже заготовливалась. Но в ночную смену чады выполняли святой долг крестоносцев: одни булавами протыкали каждый презерватив, другие смазывали презервативы изнутри освященным маслицем с мощей святого

Импотенция, чтобы в ответственный момент греха резинка соскочила с орудия этого самого греха, и чтобы Святая Русь не исчезла, а умножилась, даже и без желания грешника. Третьи на внутренней стороне упаковки писали молитву святому Импотенцию и обертывали презерватив ладанкой.

Старец же поехал за границу по приглашению компании, производящей презервативы. Там он получил свои проценты за предоставленный персонал для завода, открыл счет в банке, а потом отправился помолиться и отдохнуть в симпатичный отель на Ривьере.

Старец был мудр, поэтому сам никогда не пользовался святолюбовскими презервативами, у него всегда с собой был свой, годами проверенный, сделанный из цельного куска верблюжьей кожи. Кстати, никто из девушек на Ривьере никогда не жаловался. А простирнуть тоже было не проблемой.

ИСПОВЕДЬ БАТЮШКИ-ВОРА

Отец Петр позвонил мне сам – сначала я не понял, кто это поднял меня в час ночи с постели.

— Привет, друг! Это Петр Надюк – узнал? Мы с тобой сорокоуст же вместе проходили, ты мне давал служебник со своими пометками! А я еще путался, начал на ектинии священнические молитвы тайные вслух читать! Ну?

— Ну, да, конечно... Но как ты телефон мой узнал? Столько лет прошло... Знаешь, я уже и не служу, уехал на Урал...

Отец Петр засмеялся густым басом:

— Да я все знаю – в наше время ничего не укроешь! Я, кстати, сейчас тоже с тобой рядом, в соседней области. Слушай, а приезжай! Посидим, поговорим, старое вспомним, новое расскажем. Ты, я слышал, пишешь всякое: вот я тебе и того — исповедуюсь.

С отцом Петром мы не виделись 13 лет. Тогда он был бодреньким толстячком — бывший милиционер из деревни, трое детей, веселый нрав и бестолковость в службе. Почему бы и нет? Я взял билет на поезд, и в назначенный день отец Петр встречал меня на вокзале.

Он не изменился, только прибавил килограммов 20, поседел, лицо покраснело.

— Привет, друг! Я рад! – он заботливо усадил меня в огромный танк-джип, сияющий отполированной чистотой.

— Ого, — сказал я, утопая в удобном сиденье, — откуда такая благодать?

— Украл, — пожал плечами отец Петр.

Я посмеялся. Мы выехали за город, с полчаса неслись по шоссе, потом свернули в симпатичный коттеджный поселок, обрамленный с трех сторон лесом, горами, невдалеке виднелось озеро. Подкатились к особняку, стоявшему на краю поселка, вплотную к сосновому бору. На огромном участке красиво располагались постройки: бревенчатая шикарная баня, огромный гараж на несколько машин, бассейн – все это напоминало кадры из фильма об олигархах.

— Где мы? – удивился я. – У твоего спонсора, что ли? Я думал, мы с тобой вдвоем посидим, я как-то не люблю компании...

— Да нет, какой спонсор – это все мое, — спокойно ответил батюшка, вылезая вместе со мной из джипа в гараже. Там стояли еще две машины: спорткар и мерседес бизнес-класса.

— Да ладно, — опять засмеялся я шутке, — на какие ж шишы?

— Украл.

Я уже не засмеялся. Шутка, которая повторяется, не смешна.

Мы подошли к дому, в вольере рядом с домом бегали три собаки, весело лая, — бернские зенненхунды, красавцы.

Внутри нас встретили еще две смешные собаки, приветливо виляющие хвостами, — корги.

— Это моей жены, — кивнул на коротконожек отец Петр.

— А сама матушка где? – я вспомнил, что жена у отца Петра была сельской библиотекарем.

— В Лондоне, у старшего сына гостит, — ответил он.

В доме никого из семейных не было. Как объяснил отец Петр, с тех пор детей у него стало пятеро, но старшие уже жили за границей, кто-то учился в Оксфорде, кто-то занимался бизнесом, а двое младших, подростки, учились в элитном закрытом заведении, куда принимали только самых-самых.

В доме мы встретили лишь симпатичную горничную, а во дворе возился опрятный мужичок – садовник, пояснил мне старый приятель.

Потом мы сидели в баньке, распаренные, пили чай.

— Спрашиваешь, откуда? — сам завел разговор отец Петр, шумно дую на чай.
— Украл, я ж тебе говорю. И не улыбайся, я тебя ради этого и позвал.

И отец Петр начал свою исповедь.

После сорокоуста он года три служил вторым священником в райцентре, получал гроши:

— Ездил на Запорожце — прихожане подарили. Так я еле влезал туда, а когда, кряхтя, вылезал — коровы ржали.

Выручала пасека, без нее совсем бы загнулись. Но матушка была недовольна такой жизнью: она часто приносила домой из библиотеки глянцевые журналы о светской жизни, листала, многозначительно вздыхала. Дети подрастали, матушка опять понесла — надо было что-то решать.

— И тогда я пошел к архиерею на прием, — вспоминает отец Петр. — Ну как пошел: не с пустыми же руками, а с горшочком, как Винни-Пух, только мед я донес, вернее, довез — угостил владыку медком. Полцентнера, да... Он меня и перевел в город, дал пустырь: строй, мол, храм.

— Я сначала обиделся за пустырь, — продолжил он рассказ, — а потом вижу, что это не пустырь, а неиспользованная возможность. Сначала сдал его под автостоянку, только кусочек оставил под вагончик, где службы вели. Потом пол-участка сдал в долгосрочную аренду, там магазин построили дагестанцы. Деньги появились. Но я их не тратил, а вкладывал в один бизнес, тоже через тех дагестанцев. Правда, потом их бизнес накрылся, оказалось, и наркотиками торговали, и девочками, но я вовремя вывел свои деньги плюс проценты.

А потом пришел один спонсор: «Я храм хочу построить! Только чтоб назвали его в честь моей жены: храм святой Галины!»

Галины так Галины — дела пошли. Спонсор попался богатый да лоховатый, не слишком деловой, доверчивый. Ой, брат, знал бы ты, сколько я кирпича, цемента и прочего продал на сторону... Хватило бы три храма построить. Да и этот строили: снаружи красиво, не придерешься, но экономили на всем: арки гипсокартонные, купол под «медь», а медь я продал.

В общем, стал я протоиереем быстро, потом благочинным. Храм освятили, спонсору медаль — он счастлив, баба его счастлива, да и мне неплохо. Купили мы домик, машину мне, машину — жене, старший поехал учиться за границу.

А тут владыку нашего перевели к вам на Урал, он меня с собой и позвал — да и как не позвать: я ему регулярно конвертик заносил «на нужды епархии» — и в каждом конвертике то по 50 тыщ, то по 100.

Я перебиваю его:

— По сто тыщ рублей конвертик – ничего себе!

Отец Петр посмотрел на меня укоризненно:

— Ага, рублей... Наивная душа.

Потом продолжил рассказ:

— А тут владыка меня поставил отвечать за строительство кафедрального собора, а то позор, никак достроить не могли. Ну, я достроил. За три года – представляешь? И вот этот дом себе тоже построил, детей пристроил.

Нам, например, в собор один спонсор подарил престол из какого-то редкого мрамора, за 500 тыщ уе. Так я его перепродал другому спонсору за 600 тысяч, а он подарил тот престол в соседнюю епархию: там как раз патриарх приезжал собор освящать. Тамашний владыка был очень благодарен. Наш тоже был мне благодарен: поделился я – напополам. А наши местные мастера сделали престол из пластика, точь-в-точь как тот мраморный, никто и не заметил.

На иконостасе я тоже сэкономил: денег собрали на писанные иконы, вроде как афонского письма, а сейчас техника до того дошла: напечатали на фанере – любо-дорого, не отличишь! Два миллиона деревянных как с куста. Ну и опять – половину владыченьке. А сколько такой экономии было, эх...

Отец Петр задумчиво вздохнул, глотнул чаю:

— А теперь у меня проблема: не знаю, куда еще дальше воровать. Денег на три жизни, дети обеспечены, жену почти не вижу – ей в лондонах да римах больше нравится, чем с толстым мужем, которого простатит замучил...

Смысла в жизни не вижу, понимаешь?

— Понимаю, — ответил я. — То есть ты меня позвал, потому что исповедаться по-дружески хотел, да? Чтоб я тебе помог?.. — доброжелательно начал я.

Отец Петр в недоумении посмотрел на меня, потом взгляд его прояснился:

— Ах да, конечно! Неудобно это говорить, но ты меня не раз выручал, подсказывал выход: видел ту горничную в доме?

— Видел, — подтвердил я.

— Ну вот, — отец Петр виновато заулыбался, — я к ней, ну, ты понимаешь... — ну ты понимаешь! В общем, неравнодушен, да. Только проблема у меня с ней: нет, простатит я лечу, конечно, гм, хотя бывают сложности.

Но она у меня романтическая такая — ей даже денег не надо, за границу не хочет... Знаешь, чего хочет? — Стихов. О любви: ночь, луна, скамейка, фонарь, аптека — что-то такое. Но только чтоб я сам сочинил — сказала, мол, обязательно в этот — угол какой-то, черт его дери, забудет потом, проверит, чтоб не слямзил откуда! Представляешь, зараза?

Он поскреб лысеющую макушку, вздохнул:

— Поможешь, а?..

ТРИ СВЯТИТЕЛЯ

1

«УКАЗ №116

от 12 февраля сего года. Канцелярия митрополита.

Иерею Григорию Старовойтову,
настоятелю Свято-Троицкого прихода села Карабашка.
(копия благочинному II округа).

Настоящим Вы уведомляете, что за нарушение канонической верности Матери-Церкви, за досаждение архиерею, а также за нарушение супружеской верности и оставление семьи, Вы, иерей Григорий Старовойтов, запрещаетесь в священнослужении с лишением права ношения наперсного креста и священнических одежд.

В виду Вашего упорного нераскаяния, несмотря на многочисленные призывы церковного суда и архипастыря, дело о лишении Вас священного сана будет передано в Патриархию. О результатах Вы будете уведомлены дополнительно».

Митрополит перечитал указ, подсунутый ему склонившимся секретарем, размашисто подписал своим элегантным почерком.

Дел у митрополита было еще много, запрет скандального попа, не желавшего платить возросший в три раза епархиальный взнос и оплачивать взятый со склада товар, был лишь одним малозначительным элементом сегодняшней рутины. Дурак поп Гришка — сам на себя навлек беду: знает

ведь: кто платит – тот живет. Это закон, и он соблюдался всегда. А тут всякая мелкая сошка артачиться будет, гонор показывать, нос воротить. А в указе же не напишешь: запретили за отказ платить взнос. Поэтому семейный вопрос удачно оказался к месту.

«У попа была собака, он ее любил. Она взносы не платила, он ее...» — промурлыкал под нос митрополит, подмигнув секретарю. Секретарь, игумен Василий, сделал понимающее лицо, широко улыбнулся и по привычке опять низко наклонился. «Метрдотель ты наш, — в очередной раз подумал владыка, глядя в отражение стекла большой иконы Спасителя на массивную фигуру седого секретаря, склонившуюся по правую руку («или по левую? вечно путаюсь с отражением»), — кланяешься, лижешь, улыбаешься – а что там у тебя внутри – хрен разберет. Доверяешь, доверяешь, а потом такой метрдотель вместо тебя за этот стол сядет... Мда».

— Что там у нас следующее? – митрополит откинулся на спинку удобного стула.

Отец Василий убрал указ в папочку, из другой достал пачку бумаг:

— Владыченько, снова из архитектуры прислали: надо одобрить новое решение проекта...

Митрополит сердито сдвинул брови:

— Опять? Сколько можно мурыжить?! Снова мне звонить губернатору?!

Секретарь сколько возможно обреченно и покаянно развел пухлые руки в стороны. Проект Храма-на-Горе уже год не давал покоя никому: место самое лучшее, самое дорогое, но вот только Дом детского творчества, поселившийся там еще в советское время (а сама ветхая постройка была конца XIX века), мешал решению проблемы.

Владыка вздохнул и поднял трубку.

— Чаю пока мне принеси, — приказал он сухо секретарю.

2

— И у тебя есть кто-то на примете? – спросил владыка.

— Да, да, — отец секретарь наклонился над сидящим архиереем и протянул ему папочку: — Вот его личное дело.

Чем дальше читал архиепископ, тем больше хмурился. Потом бросил папку на стол и откинулся на удобном кожаном стуле.

— И? — он брезгливо ткнул пальцем в сторону папки. — Он мне дьяконом в соборе надоел, рожу его видеть не могу: чертяга носатая. И когда благословение берет — вид такой, будто сейчас за руку укусит или плюнет на руку! Я б его вообще пинком и за ворота! А еще эти разговоры про пропажи из церковной кружки — я же правильно помню, в чью сторону ветер дует?

Иеромонах потер пухлые зябкие руки, улыбнулся застенчиво и опять согнулся:

— Вы все правильно помните, владыченько. Но вот и пора его убрать из собора, а Карабашка — отличное место как раз для такого прощельяги. Там ему и кружка вряд ли понадобится — такая дыра: жителей человек 300, храма нет, строить надо. Вот и пусть он — больше некому ведь, владыченько.

И правда: с людьми в епархии было все еще плоховато, а те, которые были, походили в основном на гранитные камни: так вцеплялись за свои места, что сдвинуть их можно было только подперев кайлом. Но сдвигаться никто все равно не хотел: все отстегивали, все приносили конверты — поэтому послать в Карабашку такого гранитного, значит, рискнуть не одним, а многими конвертами — испугаются, начнут между собой перетирать, на архиепископа пальцем показывать, как уже бывало в этой епархии... И хоть говнецо был этот дьякон, но за 10 лет это говнецо провоняло уже весь собор до верхушки колокольни. Пора была тому в свободное плавание. В прорубь.

Архиепископ ухмыльнулся этой мысли. Секретарь тут же поспешил улыбнуться:

— Да и анамнез у него подходящий: в случае чего — можно будет напомнить ему...

Владыка хмыкнул, глядя на своего секретаря, покачал головой:

— А-нам-нез! Слова какие ученые, мля, знаешь! А, монах! — и владыка легонько пхнул секретаря в бок, тот радостно искривился, принимая ласку архипастыря.

— Ладно, — подвел итог архиепископ, — пиши указ на хиротонию, будем из говна конфетку делать.

3

Этот парнишка давно крутился в алтаре собора. Как только собор передали епархии, и правящим архиереем назначили его, так он и заметил пацанчика. Тому было лет 13, когда он позвал его в алтарь: пацан был счастлив, быстро всему научился. Вскоре епископ сделал его своим

иподьяконом – в 14 лет, шутка ли. Чернявенький тощий мальчишка теперь стал неотъемлемой частью богослужения: где владыка, там и юный иподьякон. Да и не только богослужения – парень был и тут и там, помогал и в этом и в том.

Уже в 18 парень получил должность инспектора Духовного училища, хотя сам только поступил туда. В 19 ему доверено было проводить ревизии – и он отлично их проводил: отцы-настоятели выли, рычали, но денег в казну епархии стало поступать намного больше. Парень был полезен, хоть и чересчур нагловат, ходил гоголем, свысока поглядывал даже на протоиереев советской закалки. Он много знал, много видел.

«Ох, много», — подумал епископ и откинулся на спинку мягкого стула, который на днях откуда-то притащил все тот же юный иподьякон: «Благословите, владыко! Вам пожертвовали на мебельной фабрике!» Сиденье было приятное, кожаное, владыка специально поерзал, устраивая поудобнее свои нежные ягодицы. Потом подумал о чем-то совсем личном, задумчиво улыбнулся, потянулся. В дверь постучали.

— Войдите! – недовольно рявкнул архиерей, принимая сурово-внушительную позу. – А это ты, — он опять расслабился. В кабинет вошел иеродьякон, засеменил к столу целовать «ручку»:

— Благословите, владыченько, — он низко склонился над мягкой рукой начальника, преданно задержал ее в своих руках, поцеловал мокрыми губами.

— Сходил на исповедь? – спросил епископ, незаметно вытирая тыльную сторону ладони о рясу.

— Дада, владыченько, и прошение написал – как велели.

— Хорошо. Тогда сразу вас обоих, чтоб два раза не вставать и три раза не ложиться, — хохотнул архипастырь.

Монах угодливо поклонился, понимающе улыбнулся:

— Значит, всё-таки... целибатом?

— Ты что-то имеешь против? – поднял одну бровь епископ.

— Что Вы, что Вы, владыко! – испугался монах. – Я просто так спросил, уточнить...

— Не твое дело уточнять, твое дело за личными делами доглядывать да вовремя докладывать.

— Конечно, конечно! Благословите! — и монах снова потянулся за рукой владыки. Тот отмахнулся:

— Иди, и парню скажи, чтоб сегодня вечером на исповедь, забери у него прошение — мне занесешь завтра.

Секретарь ушел, владыка встал и побродил по кабинету туда-сюда. За окном было бело, чисто: весь день шел снег, да и сейчас еще идет. Цельная красота. Голые деревья, прикрытые только девственным снегом. А когда снег становится горячим — он тает, и голые деревья расцветают...

Владыка любил поэзию.

Хиротония обоих ставленников была назначена на день трех святителей, 12 февраля.

ПАСХАЛЬНЫЙ КУЛИЧИК

Жили-были дед и бабка. Однажды говорит дед бабке:

— Испеки-ка ты мне, старая, колобок! Хочу!

А бабка ему и отвечает:

— Что ж, ты, старый дурень, не знаешь, что нонеча Пасха будет?! Испеку-ка я тебе не колобок постный, а куличик пасхальный, утром разговеться!

На том и порешили. Испекла бабка куличик, вышел Куличик на загляденье: важный, поджаристый, на голове пышная шапка гоголя-моголя, из изюминок глаза, из цукатов — нос, из фиг бабка рот ему выложила. Поставила бабка его студиться на окошко.

Утром проснулся дед, взял ножик и к окошку, чтоб разговеться куличиком. Глядь, а куличика и след простыл.

А дело было так: рано утром мимо пробежала курица и рассказала Куличику, что бывает с теми, кем разговляются:

— Вот взяли у меня яички, сварили, выкрасив их в луковой кожуре, теперь собираются катать их, бить, чистить, есть!! И с тобой то же будет.

Испугался Куличик, спрыгнул с окошка и был таков. Идёт он по лесу крестным ходом и поёт канон пасхальный во всю глотку на радостях. Тут ему навстречу Заяц:

— Колобок, колобок, я тебя съем!

А Куличик ему в ответ:

— Скотина ты неправославная, Заяц! Не знаешь, что я не Постный Колобок, а Пасхальный Куличик?

— Неа, — удивился Заяц, — первый раз вижу такого.

— И не знаешь, как правильно на Пасху надо приветствовать встречного-поперечного? — важно спросил Куличик.

— Неее... — открыл рот от удивления и необразованности Заяц.

— Грешник! — сказал ему презрительно Куличик и потопал дальше, распевая хвалитные стихиры на весь лес.

Тут ему навстречу Лиса подгребает с улыбочкой скоромной:

— Христос воскрес, Куличик!

— Хм, — говорит Куличик, — это ты верно заметила, лисонька, но сможешь ли ты пропеть мне ипакои Пасхи «Предварившия утро яже о Марии...» без запинки?..

— Эээ, мм, ааа... — ошарашенно завращала глазами Лиса, а Куличик ухмыльнулся краем рта из фиг и слинял по-быстрому.

Топает он дальше по дубраве и что есть мочи распевает пасхальные часы. Тут ему Волк выскакивает навстречу и сходу начинает частить:

— Предварившия утро яже о Марии и обретшия камень отвален от гроба... — и дальше по тексту. Это Волк, оказывается, подслушал разговор Куличика с Лисой, сбегал срочно в приходскую библиотеку в деревенский храм, спросил Триодь Цветную, нашёл нужное, вызубрил и прибежал, надеясь разговестись Куличиком.

Удивился Куличик, выслушал, благостно покачивая гоголем-моголем:

— Это пять, но сможешь ли ты пропеть знаменно все ирмоса Пасхального канона, серый?

Пока Волк раскрывал глаза и пасть, чтоб удивиться, Куличика уже и след простыл.

Идёт Куличик дальше и читает наизусть вслух «Поучительное слово Иоанна Златоустого» для вразумления сорок и белок, сидящих на ветках и глазеющих на святого Куличика, забредшего в их грешные края. Тут ему встречается пенёк, а на пеньке сидит Медведь. Встает Куличик перед Медведем в позу миссионера среди папуасов Гвинеи и спрашивает:

— Медведь, Медведь, а сможешь ли ты объяснить нам, в чём смысл смены облачений всех цветов во время Пасхальной службы?..

А Медведь посмотрел задумчиво на Куличика и сказал лишь:

— Вот как славно! Гам! — и проглотил Куличика.

— Так нечестно!! — заорал возмущённый Куличик из утробы медведевой. — Ты мне не пропел ещё тропарь с кондаком!!

— Неа, — сытно гмыкнул Медведь, — скотина я неправославная, неграмошная, но спечён ты славно, спору нет!

— Я протестую! — ещё громче завопил Куличик из тьмы адово-желудочной. — Ты просто кощунствуешь над святыней! Я ведь Пасхальный Куличик, значит, свят по определению!

— Да заткнись ты, — благодушно заметил Медведь. И Куличик заткнулся навечно.

А медведь пошёл доедать малиновое варенье, ибо малина ещё весной не поспевает.

А дедушка очень расстроился, не найдя Куличика на окошке, но бабушка его утешила: пошла, купила бутылку самогону, достала шмат сала да палку сервелата — вот дедушка и разговелся, аж щёки у него порозовели, как положено на праздничек. А бабуля напекла пышек, плюшек, ватрушек и прочих пирожков, а вечером с дедулей чайку-то и попили всласть.

А Заяц, Лиса и Волк записались в приходскую библиотеку, начали посещать воскресную школу и, на всякий случай, школу звонарей, чтобы, значит, в следующем году не оплошать и разговеться по-православному, по-правильному.

А Медведь что — Медведь ничего, живёт себе, зимой спит, летом бродит по малиннику и в ус не дует, и катехизис не учит, ибо широка и легка дорога грешников, и трудна и сурова участь пасхальных праведников. Аминь.

ИСКУШЕНИЕ СТАРЦА ВИННИПУХИЯ

Поучительная история для чад воскресной школы

(Рекомендуется читать во время детской трапезы для тех чад, которые слишком много жрут! — пояснение руководительницы этих оболтусов.)

Итак, дорогие чады, присаживайтесь поудобнее... Тебя, Робинов Христофор, это тоже касается! Усади свою толстую задницу на стул и слушай, и не надо мне там про папу своего! Итак, деточки мои любезные, послушайте поучительную историю из одного древнего патерика:

В одном далёком лесу в убогой келье жил старец по имени Виннипухий. Старцем его называли не за возраст или седины, нет, старцем он прослыл за то, что любил прогуливаться, напевая псалмы собственного сочинения, бурчать под нос мудрые перлы и залезать порой на столп (в качестве столпа обычно был дуб с дуплом и ульем). Питался Виннипухий ещё круче и постче, чем сам Иоанн Предтеча: если тот вкушал акриды и мед дивий, то наш подвижник вполне себе обходился без акрид. Ещё у него был мудрый и нечёсанный вид, совсем как у натурального старца.

Неподалёку от келии старца в дупле вяза жил юродивый Пятакий. Жил он под вывеской «Посторонним в...». Почему под такой странной вывеской? Сначала наш юродивый жил на свиноферме, подвизался там среди простого народа. Но однажды он решил усугубить свои подвиги (да и жизнь такая свинская ему надоела). Он вырвался из своего загончика, сорвал половину вывески с кабинета директора и убежал в лес, отринув мирскую юдоль и смерть грядущую в виде колбасы на столе у этого же директора. Вот эту половинку вывески, как напоминание о прежней греховной жизни, он и повесил у себя над входом.

Почему Пятакий был юродивым? Ну, деточки, это очень просто: с таким пяточком вместо римского носа и неприличным закрученным хвостиком кто же тебя назовёт красавцем? «Урода» — так его все и звали. К тому же Пятакий взял на себя подвиг (хотя это не составило ему особого труда): он прикинулся придурком: постоянно твердил что-то о Слонопотамах, стучащих по ночам в его келью, о Тиграх, прыгающих по верхушкам деревьев нашего леса (в котором-то и о волках давно не слышали)... (NB: это, дети, на самом деле были бесы, искушающие Пятакия, желающие его погубить колбасной.)

В общем, все отворачивали нос от Пятакия, только старец Виннипухий любил своего духовного брата. Да и как было его не любить? Уродства Пятакия Виннипухий не замечал, ибо всегда смотрел себе под ноги, сочиняя всё новые и новые псалмы, или вверх, выискивая столп, на который он ещё не залазил на этой неделе... А Пятакий был верным слушателем псалмов старчих и послушником во всех делах его: то за зонтиком смотаться, то за горшочком — не самому же старцу бегать? (NB: послушание, дети,

выше поста и молитвы, запомните это! Кто не будет слушаться — пойдёт сейчас бить поклоны и мыть посуду!)

Так и жили они в мире и согласии день за днём, приближаясь к цели своих подвигов.

Ещё в лесу жил один отшельник — Иау́й. О нём мало что известно (отшельник ведь!). Он скрывался от взоров чужих в глухой чащобе чертополоха. Известно лишь, что Иау́й был борим бесом уныния и мечтательности: всё ему представлялось, как он отпразднует день рождения, получит кучу подарков, потом продаст их, а на вырученные средства построит себе дом, родит сына и вырастит дерево... Но Бог помогал ему успешно бороться с этим искушением, ибо никто и никогда не приходил к нему на день рождения, не приносил подарков, а поэтому не было и дома. С сыном тоже было сложно, да и деревья росли в лесу так густо, что некуда было и саженец воткнуть.

В общем, я рассказала вам, деточки, о нём для примера, чтобы вы понимали, до чего доводят бесплодные мечты — до всяких тайных грехов в кустах чертополоха! И трудно самому справиться с ними, Робинов! пока кто-то другой не наставит тебя, негодяя, на путь истинный! ((Про себя): как жаль, что настоятель не благословил розги!)

А ещё, чадушки мои любезные, жил в лесу один язычник, звали его Крол. Вот так коротко и просто, не Кролий и даже не Кролинофий, ибо не был он просвещён светом благодати, считал себя самым умным, носил очки, гордо шествуя по пути погибельному! Жил он в роскошной норе (типа как хоббит Бильбо), с шикарной мебелью и полными кладовыми всякой вкуснятины. Так обычно, дети, и бывает: богачи-безбожники жируют, а благочестивым людям приходится сидеть тут на зарплате в 1000 рублей в этой долбанной воскресной школе и читать этим детям всякую хрень! (NB: не пугайтесь, руководительница школы не сказала этого деткам, она всё это подумала про себя, да и вообще это была не она, а мимолётный бесовский прилог, который она мужемудренно отвергла.)

Итак, однажды старец Виннипухий и его духовный брат Пятакий прогуливались с молитвой и псалмами по окрестностям, выискивая старцу очередной столп для подвигов. Пятакий глазел вверх, нервно хихикая: не скачет ли по верхушкам очередной Тигра, а Виннипухий смотрел вниз, выискивая подходящее слово для рифмы нового псалма: «Мы с Пятакием бродим по этим дорогам, одни ведут в погибель, другие — к Богу. Но где же

та дорога, что ведёт меня... к мёду?» Рифма с трудом давалась старцу. И тут он наткнулся на нору.

— Странно, — задумчиво произнёс старец, — нора. Почему бы ей здесь быть? Может, это искушение бесовское, яма погибельная, вырытая врагом спасения, чтобы я споткнулся и ногу сломал? А может, это пещера неизвестного подвижника, которого надо братски лобзануть и преподать ему моё благословение (да и перекусить чем Бог послал)? Пятакий, хватит глазеть на своих Тигров — сейчас не сезон на них, глянь лучше сюда!

— Ой! — нервно хихикнул Пятакий. — Дырка в земле! Мож, туда камушек кинуть? (NB: это он, детки, съюродствовал опять, прикинулся придурком. А может, и не прикинулся...)

Виннипухий строго посмотрел на послушника, но ничего не сказал, ибо мудр был и знал, что без толку с дураком разговаривать, поэтому решил, помолившись, действовать сам.

— Молитвами отца нашего отшельника Иауя, кто там есть внизу, помилуй нас! — крикнул старец в дырку.

— Хм! Молитвами кого-кого помиловать? — раздался скептический голос из преисподней, то есть из дырки.

— Наш ты или из супостат наших?! — выкрикнул, дрожа, Пятакий.

— Ох, — вздохнул кто-то в темноте, — опять какие-то идиоты припёрлись... Чё надо-то?

— Мы пришли с миром! — поспешил уверить незнакомца старец. — Можно войти?

Из дырки выглянула ехидная морда в очках. (Гарри Поттер вылитый, прости, Господи!)

— Хм, — ещё раз хмыкнула морда в очках, — ну и рожи: где таких только выделывают... Ну ладно, если вы не хищники, то заходите, гостеприимство всё-таки, чтоб его...

Виннипухий и Пятакий осторожно протиснулись в узкую входную щель.

— Вау! — воскликнул придурок (т. е. юродивый). — Вот это шик!

И точно, шик вокруг был шикарный: чистота, уют, комп последней модели, несколько холодильников, персидские ковры, кресло-качалка, кальян в углу... Подвижники сглотнули жадную слюну, но виду не подали, хотя

хитрый язычник сразу смекнул, почему у этих двух остолопов такие вытаращенные зенки.

— Ну что ж, — сказал Крол, — по законам гостеприимства (будь им пусто) позвольте предложить вам трапезу?..

— Ага! — не задумываясь, выпалил Пятакий (при таких-то коврах, небось, и холодильник у него не спорыньей забит, подумал он).

— Мы со смирением принимаем Ваше приглашение, — поправился за товарища Виннипухий, строго посмотрев на Пятакия. — А, простите, откель у Вас такое богатство в доме, у нас вроде туго тут с торговыми центрами?..

Крол равнодушно пожал плечами:

— Да так, я тут помаленьку программист, у меня три фирмы в разных городах, а это всё выписываю по интернету. Так вам чего положить: сгущёнки или мёда?

— И того, и другого! — опять влез поперёк старца Пятакий.

— Благодарим покорно, — поправился вновь за друга старец, — можно без хлеба, пост всё-таки на дворе... — с лёгким осуждением в голосе произнёс Виннипухий.

— Лады, — ответил Крол. Он не стал спрашивать, какой-такой «пост» они оставили на дворе, а то вдруг ещё кого позовут. Он поставил тарелки, наполненные угощением, на стол, а сам сел с краю с баночкой пивка и чипсами.

— Вообще-то я пощусь... — протянул Виннипухий, отправляя в рот первую ложку сгущёнки.

— Да и время уже позднее... — сглотнул он шестую ложку...

«А это становится интересным!» — подумал заинтригованный Крол, наблюдая, как Виннипухий расправляется с тринадцатой тарелкой.

«Господи, спаси и помилуй нас!» — подумал Пятакий, завязывая покрепче себе рот полотенцем, прогоняя искушение, глядя, как Виннипухий давится восемнадцатой или девятнадцатой порцией сгущёнки...

— Спаси, Г-г-господи! — икнул Виннипухий, откидываясь от двадцать третьей тарелки. — Ну, как грится, чем Бог послал...

— Да, — весело протянул заблудший язычник Крол, рассматривая внутренность холодильника, — чем послал, того уже нету!

— Тогда мы пойдём, — Виннипухий грузно встал из-за стола, слегка покачиваясь. — Благословение моё на Вас! Мы ещё навестим Вас в удобное время, поговорим о Вашей заблудшей душе!

— Спасибо, конечно, — с сомнением возразил Крол, — но у меня тут завал работы года на три, так что вы особо не торопитесь!

Он вышел из норы, провожая гостей. Следующим пополз старец. Пополз-пополз-пополз...

— И-искушение! — выдохнул еле-еле старец, осознав, что путь его земной закончился на полдороге к свету, ибо ноги его во тьме норы ещё, а очи зрят пальцы на ногах Крола, и только тулово старцево застряло между мирами...

— Винни-Винни-Винни! — заверещал Пятакий в глубине. — У меня клаустрофобия!!!

— Клау-кто?.. — просипел Виннипухий.

— Неважно — кто, важно — где! — поправил значительно очки на носу Крол. — Ты застрял у меня в дверях, толстый обжора! Как теперь тебя выковыривать? Был бы я внутри, я бы по скайпу вызвал спасателей, а теперь там только этот дурень, который клавишу от винта не отличит!

— Не о-о-тличит, — подтвердил старец, попавший в искунительное положение. — Но у нас есть н-н-надежда: воззовём к молитвам отца нашего И-а-ауя! Давайте хором молиться, и ты т-тоже, дорогой Крол: «Отче наш Иауи, помилуй на-а-ас!»

«Сбрэндил окончательно», — подумал Крол. Ну да что не сделаешь ради того, чтобы вернуться домой.

— Ладно, — сказал Крол, — если молитвы твоего Иауя, или как там его, помогут, я так и быть — приду разок послушать твои псалмы, только где-нибудь на опушке, а не в помещении.

И они хором завопили: «Отче наш Иауи, помилуй нас!»

Не прошло и трёх часов вопяжа, как перед ними возник он — отшельник Иауи, печально помахивающий хвостом.

— Неудачный день, — с грустью произнёс отшельник, — впрочем, как и все прочие дни моей жизни... И чего вы разорались?

— Спаси на-ас, отче! — выдохнул Виннипухий. — Искуше-ение!

— Да, вижу, — подтвердил отшельник, — иначе меня здесь бы не было. Ну что ж, спасём заблудшие души!

Он протянул хвост, искусившийся старец схватился за него одной лапой, другой — за лапки Крола, а Пятакий стал пихать старца в неназываемое место.

«Плюх!» — сказал старец и вылетел, как пробка, из затруднительного положения.

— Ну вот, как и ожидалось: молитвами праведника, меня то есть, и стоит этот лес, — вздохнул отшельник и, печально помахивая хвостом, отправился обратно в чертополох на борьбу с помыслами.

— Урра! — вопил и подпрыгивал Пятакий, как и полагается юродивому.

— Клёво! — сказал Крол, отряхиваясь от пыли, в которую он шмякнулся после Плюха. — Ну что ж, я убедился на деле, что ваш отшельник Иауй — крутой парень! Так и быть: скачаю себе из интернета месяцеслов и выберу новое имя...

— Кролий или Акролиний подойдёт! — пискнул Пятакий, который за всю жизнь изучил только одну книгу: календарь с православными именами.

— Разберёмся! — уверил Крол. — И даже курить кальян брошу ради такого дела! И ждите меня в будущую пятницу на Опушке: послушаю ваши псалмы, а вам спою песню собственного сочинения!

«Ну вот, — подумал во умилении старец Виннипухий, — ещё одна душа, вставшая на путь спасения! Но через какие искушения пришлось мне пройти, чтобы такое стало возможным!»

И два духовных брата с пением псалмов побрели в сторону своего дома. Крол посмотрел им вслед, покрутил пальцем у виска и пошёл дёрнуть ещё пивка, успокоить нервы.

Виннипухий и Пятакий возвращались домой, утешаясь духовной беседой:

— Ну что, Пятакий любезный, — спросил старец, — а не пора ли нам подкрепиться?

Конец и Иаую нашему слава!

ЗЛОВЕЩЕЕ ПРЕСТУПЛЕНИЕ НА КРЫШЕ

(почти детективная история)

За окном игуменских покоев раздалось знакомое жужжание, и в келью на бреющем влетел довольный казначей — отец Карлсонофий, поигрывающий пятикопеечными монетками в кармане. Отец игумен Свантециан с трудом оторвался от монитора (он был занят важным делом: выбирал оригинальные фасоны архимандричьих мантий и посохов на сайте магазина облачений родной епархии, сравнивая с греческими вариантами: преимущество было явно не на стороне патриотизма). Недовольно буркнул:

— Опять ты, отец казначей, через окно влетаешь, как угорелый! Сколько раз говорил: входи в дверь, как порядочный монах, и не забывай молитву входа творить! И перестань звенеть медяками, сколько говорено тебе! Что ты их вечно в кармане носишь?

— Так с работниками надо ж расплачиваться! — пожал плечами отец Карлсонофий.

— Так ты чеки выписывай или на счет переводы: мы ведь не в девятнадцатом веке живем — слава Богу, интернет на дворе уже!

— А, пустяки, дело-то житейское, успокойся, Малыш! — беззаботно отвечивал казначей.

Отец Свантециан немного побурел: он не любил, когда его называли Малышом. Он, конечно, знал, что за глаза его так зовет вся братия монастыря, в шутку, любя: отец настоятель был ражий мужчина под метр девяносто, да и семью пудами веса Бог не обделил. Прозвище пустил его закадычный друг и школьный товарищ, что в данный момент стоял перед ним, широко улыбаясь и продолжая позвякивать монетками. Только он мог себе позволить поддразнивать старого друга школьным прозвищем — другие называли так его за глаза, ибо отец игумен был хоть и добр, но дюже скор на расправу, кулаками взмахивал не по-детски.

— Сколько раз я тебе... — опять начал в сердцах отец Свантециан, но в этот момент с грохотом распахнулась дверь его покоев и с воплем «Боже наш, помилуй нас!!», от которого сотряслась вся преисподняя, влетела келейница сестра Фрекиния Бокова и рухнула к ногам настоятеля.

— Ох-ох-ой!! — горланила в припадке сестра Фрекиния. — Ограбили, убили, батюшки-святые, матушки-игуменьиинии!! — обхватывала она колени отца настоятеля. — Бедовая моя головушка, совсем с ума сошла!!

«Какая досада...» — успел вставить мысль в поток воплей отец Свантециан. Да, сестра Фрекиния была незаменимым человеком в обители, она управлялась за полвзвода: была и келейницей игумена, и келарницей, и трапезарницей, и посудомойщицей, и уборщицей, и сортирочистильщицей... И много ещё всяких —цей висело у нее на поясе в виде связки ключей. Сестре Фрекинии было уже под 80, но ее энергия была под стать турбогенератору, а лучше сказать: перпетуумогенератору.

— Да что случилось-то? — тщетно вопрошал встревоженный отец игумен. — Кого ограбили — нас ограбили? Сейф вскрыли?! Ризницу обчистили?

Фрекиния помотала головой, продолжая рыдать и кусать подол рясы отца Свантециана.

— Да в норме сейф, отец, не волнуйся так! — поспешил вмешаться отец казначей.

— А что тогда? Фрекиния! Благословляю отвечать!

Это подействовало. Старушка приподняла опухшее лицо и возопила:

— ПЛЮШКИ!! Архиерейские плюшки с корицей — ПРОПАЛИ!!! Напекла, отнесла в кладовую на крыше остыть и... — и снова забилась в припадке.

Игумен, было привставший, рухнул обратно в кресло и побелел. «Лучше бы сейф», — промелькнуло в голове.

Проблема была нешуточная — она была вселенского масштаба. Дело в том, что архипастырем данной епархии был родной дядя отца наместника — преосвященный Юлиуаний, или по-простому, по-домашнему, дядюшка Юлиус, как его кликали между собой все попы, наместники и иподьяконы. Дядюшка Юлиус был стар и уже не раз довольно прозрачно намекал племянничку, что пора ему на покой, пора найти себе достойного преемника, и ласково при этом трепал отца игумена за коленку. И была у владыки маленькая слабость: он очень любил плюшки с корицей, которые пекла сестра Фрекиния, поэтому частенько наведывался в обитель помолиться. Зная об этой слабости, в других обителях отцы наместники тоже всячески пытались обкладывать владыку плюшками во время трапезы, но он воротил нос, ибо у сестры трапезарницы был свой секрет.

Вот и сегодня вечером дядюшка архипастырь должен был навестить любимую обитель и (по слухам, довольно точным от отца секретаря) поставить утром следующего дня отца игумена в архимандриты, а там... путь был ясно виден. Но теперь все осложнялось до крайности.

Отец Свантециан очнулся от тяжелых мутных мыслей, увидев перед носом настоечку, которую подпихивал ему отец казначей:

— Выпей, друг, что ж ты так! Спокойствие, только спокойствие! А то и до инфаркта не далеко, куды ж мы без тебя! – приговаривал школьный друг взволнованно.

— Искать! – выдохнул наместник. – Найти! Иначе... Кто же, кто же, кто же... — повторял он про себя, перебирая возможных врагов в обители, желающих его подсадить. Он даже с подозрением посмотрел на сестру Фрекинию, приняхался, но обманом от нее не пахло: пахло монастырским чаем «Похудей с молитвой», валерьянкой и безмерной преданностью.

— Что братия?.. – начал наместник, обращаясь к казначею. Тот предупредил развитие вопроса:

— Нету братии, все поголовно на послушании: кусты и деревья обрезают на подходе к обители, чтобы владыченьку порадовать, только схимник Затворий в келье, но он и не встает уже года три, совсем плох...

— А-а... – опять начал наместник.

— Да, отче, ты прав, — подтвердил казначей, — трудники Филлий и Руллий на территории, один крышу срочно красит, другой — траву перед собором, как ты и велел. Да, с их-то прошлым – все возможно...

— Сюда их!! На откровение помыслов немедля! – загремел бас наместника.

«Эх, будет дело, как бы до лазарета не дошло...» — подумал отец Карлсонофий, ожидая в соседней комнате окончания «откровений помыслов»: слышались глухие удары, рык настоятеля и причитания двух трудников на очной ставке... Вскоре вышел отец наместник, весь красный, взмокший, но удрученный:

— Не они. Точно не они: все помыслы им пересчитал – не они. Были б они – давно б сознались... Знаешь что...

Но что нужно было узнать, отец Карлсонофий не узнал, так как они оба вздрогнули: начался трезвон на колокольне – встреча владыченьки, неожиданно прикатившего на новом мерине на два часа раньше привычного.

— Так, я пошел, проверю, все ли готово к встрече, а ты – беги к дядюшке, – быстро кинул Карлсонофий и вылетел в окно.

Отец Свантециан посмотрел в зеркало на свою красную и несчастную физиономию, вздохнул и потрусил встречать архипастыря...

Из мерина, побряхтывая, вылезал владыка, улыбаясь во всю вставную челюсть. Он уже предвкушал молитвенное общение с дорогим племянником и последующую трапезу, на которой его ждут... Пока же его ждала вся братия, выстроившаяся рядами, наместник и свежесыкрашенная травка у собора. Отец казначей где-то запропастился, наверно, наводил последние штрихи в марафете.

Архиерей благостно преподал всем свое благословение и прошествовал в собор. После краткой молитвы, он прогулялся с отцом Свантецианом по территории обители, принохиваясь незаметно, проходя мимо трапезной.

— Не пора ли, дядюшка, повечерять чем Бог послал? — уловил мысль архипастыря отец наместник. — Нам тут оригинальную пиццу привезли, с трюфелями...

Владыка Юлиуаний поморщился, но вспомнив плюшки, разгладил морщины и прошествовал в настоятельские покои.

Стол был на удивление обильный и вкусный: владыченьку радовали и итальянской кухней, и китайской, и даже совсем попытались выпрыгнуть из кожи: были блюда племени ацтеков, рецепты которых отец казначей выудил из бездны интернета, а сестра Фрекиния умудрилась их воплотить с использованием русской капусты, картошки и прочих разносолов. Но владыка скучал: он ждал чая с плюшками. Наконец подали чай. Затем внесли... пиццу с трюфелями. Владыка задумчиво пожевал губами, затем пожевал кусочек пиццы и отложил вилку. Наместника, а вслед за ним и келейницу, затрясло. «Сейчас начнется...» — забились мысли в силках страха Божьего в голове наместника.

— А где же мои плюшки любимые? — твердым голосом спросил владыка. — Скоро принесут?

— Понимаете, владыченька... — начал отец Свантециан.

— Не понимаю! Напоследок оставили? Несите уже!

Наместник сглотнул озноб, пробежавший по гортани. Но делать было нечего.

— Нету сегодня, простите, владыка! Не удались они, тесто не подошло! — попытался вильнуть отец-племянник.

Владыка нахмурился. Потом встал.

— Ладно, – вот и все, что сказал он. Но в этом «ладно» прозвучало очень многое.

После трапезы дядюшка Юлиус по обычаю любил подняться на колокольню и позвонить самолично в колокола, порадовать душу. Туда и повел наместник дядю, надеясь, что там владыка немного отвлечется от пасмурных мыслей. На колокольне владыка и впрямь повеселел чуть, взялся за веревку и совершил первый удар. Но звон не раздался... Вместо привычного и мелодичного дзыня раздался противный и смачный пляк! Владыка и наместник с недоумением заглянули внутрь колокола, у отца игумена похолодело в пятках: к языку колокола были привязаны две плюшки, которые и сказали пляк вместо дзыня...

— Не понял... — владыка гневно посмотрел на племянника. «Не быть мне архиереем», — понял отец Свантециан.

— Искушение?.. – только и смог предположить он.

Владыка смачно сплюнул с колокольни и погрозил пальцем:

— Тесто, значит, не подошло? Ну-ну...

Он пошел вниз, наместник поспешил за ним. Выйдя из колокольни, они на секунду остановились, видимо, архипастырь еще не полностью высказал свою мысль насчет теста и ну-ну, но в тот момент, когда он воздел вверх указующий перст и открыл рот, ему на голову шлепнулась... еще одна плюшка.

«И архимандритом тоже не быть», — подумал наместник, успокаивая разбушевавшегося дядюшку. Все попытки объяснить последний инцидент птицами, укравшими плюшки, не дали серьезного результата. Еле-еле удалось проводить владыку до опочивальни и оставить там готовиться ко сну.

Наместник с тяжелым сердцем шагал по коридору, от кельи к келье, пытаясь понять одно: «Кто, кто, кто?..» — и что он сделает с этим «кто». В этот момент тишина взорвалась разъяренным ревом из покоев владыки. «Наместником тоже!» — думал отец Свантециан, задыхаясь на ходу и врываясь в келью дяди. Тут же оказался и отец казначей, и другие отцы выглядывали из всех щелей. Владыка бушевал, да и как было не бушевать: на кровати, под откинутым одеялом лежала жирная вкусная плюшка...

— Так, все! Хватит! — кричал владыка. — Машину к порогу, я возвращаюсь в епархию!! Ну, племянничек!.. — погрозил он наместнику. — Надолго тебе это запомнится!..

Владыка уехал. Отец наместник (пока еще — наместник) сидел в своих покоях, пил настойку и смотрел в одну точку. В это время вновь раздалось жужжание за окном, и в комнате оказался отец Карлсонофий. Отец Свантециан поднял глаза на друга и обомлел: тот ухмылялся во весь набитый рот, он наслаждался плюшкой, и карманы у отца казначея тоже были набиты плюшками!

— Хочешь плюшечку, Малыш? — радостно прошамкал старый друг. — Но-но! Спокойствие, только спокойствие! — он увидел, как наместник оглядывается по сторонам, ища что-нибудь тяжелое. — Чур, подсвечником не кидаться, я так не играю!

— Да как ты мог?.. За что, «друг»?! — только и смог вымолвить отец игумен.

— Да при чем тут «за что»? — улыбнулся еще шире Карлсонофий. — Просто мы тебя очень любим и не хотим расставаться, а то заберут тебя в архиереи, мы ж без тебя пропадем! Вот я малость и пошалил, это ж пустяки, дело-то житейское, не сердись, друг! Я ведь по любви.

Наместник долго-долго смотрел на друга. Потом он затрясся и покраснел. «Лишь бы не инфаркт!» — испугался отец казначей, но приглядевшись, увидел, что отец игумен трясется... от смеха!

— А-а-а, здорово это б-было! Шмяк плюшка по лысине! «Птицы» — ха-ха-ха!! Ой, не могу — помнишь, как мы в детстве так последний раз веселились с плюшками-то!

Старые друзья обнялись и выпили по красовулечке. Потом еще по одной и еще. Закусывали они плюшками.

«Бог с ним, с этим архиерейством! — думал отец Свантециан. — “Что добро и красно? — Жити братии вкупе!”»

ГЛАМУРНЫЕ ТОЖЕ ПЛАЧУТ

(наброски для сценария православной мыльной оперы)

Мальвина

На автобусной остановке на скамейке сидела девушка с голубыми волосами и плакала. Да и как ей было не плакать?..

Мальвина была гламурной девушкой. Нет, всё гораздо хуже: она была православной гламурной девушкой. Её папа, протоиерей Карабасий Барабасенко, был ключарём кафедрального собора – и этим всё сказано. Жизнь её была распланирована с детства: сначала учёба в элитной православной гимназии «Святой источник», потом ей предписывалось (вернее, благословлялось) поступить на регентское отделение местного православного института. Правда, карьера простой певчей ей не грозила: папенька уже давно присмотрел ей будущего мужа — семинариста Пьерия Дурашко, сына закадычного друга отца Карабасия – протоиерея Дуремадонта, бывшего настоятелем сразу пяти крупных храмов области.

Последние пару лет Пьерий, бледный и тощий юноша с воспалённым воображением, регулярно приходил «в гости» в коттедж Барабасенко, выполняя благословение двух папаш. Но ему это было не в тягость: Мальвина нравилась Пьерию. Только у него не хватало ума это высказать в двух конкретных словах – поэтому он сочинял стихи и оды. Каждый свой приход он читал новые опусы Мальвине, ибо остальное семейство Барабасенко сбежало после первых двух десятков перлов духовной и патриотической поэзии. Поэтому в гостиной приходилось томиться одной Мальвине и, мучительно сдерживая эмоции, делать вид, будто она слушает очередной шедевр Пьерия.

Патриотический, например:

Ты миссию свою исполни

Останови течение зла

Ты сможешь, Русь, ты ведь не дрогнешь

Хоть агнец ты против козла.

Или духовный:

Средь икон, свечей, ладана

Очищается душа

Мысль светла, благоуханна.

Жизнь прекрасна, хороша.

На стенах цветные лики

Благочинных и Святых.

Мальвина сидела и дрожала, её тонкое душевное устройство не могло переносить это убожество. Ей хотелось схватить вазу восемнадцатого века, которую подарили папеньке в антикварном магазине после торжественного освящения, и разбить её о голову будущего супруга.

Мальвина ненавидела. Она ненавидела Пьерия с его виршами и невымытыми патлами, ненавидела свою гимназию, которую окончила, разумеется, с отличием, ненавидела регентское отделение, куда должна была поступить уже через две недели. Ненавидела свою будущую судьбу протопопицы при кафедральном соборе, постоянные пиршества с архиереем и элитой городского духовенства; бесчисленные заботы о том, не купил ли отец секретарь епархии более крутой «Бентли», чем тот внедорожник, который в данный момент у папеньки; и не пора ли утереть нос зарвавшемуся благочинному соседнего округа, который, по слухам, метит на место ключаря собора...

Мальвина (кстати, по паспорту она Маланья, но всегда называла себя Мальвиной) мечтала о другом: она хотела стать актрисой, причём не исполнительницей роли царевны Татианы в доморощенном спектакле о Царской семье епархиального театра «Свет Православия», а как минимум в театре на Таганке или, на худой конец, – сниматься в Голливуде вместе с Леонардо ДиКаприо и Джонни Деппом.

Но ни о чём подобном родители (особенно папенька, маменька в семье была самым незаметным человеком, всегда молчащим и болезненным) и слышать не хотели.

— А плёткой?.. – ласково хмуря кустистые брови, гаркнул отец Карабасий.

Больше обсуждать было нечего. Но характер у девушки был не маменькин, а очень даже барабасенский: Мальвина начала бунт. Первым делом она покрасила волосы в голубой цвет. Потом сменила юбку в пол на юбочку в пояс. Потом проколола уши. Потом нос. Потом бровь. Потом она хотела проколоть пупок, но папенька вовремя спохватился и нешуточно высек дочку. Срочно была назначена свадьба с Пьерием, хиротония которого была уже обговорена и решена у архиерея. Оставалось подождать две недели, пока подживут ягодицы Мальвины и закончится Успенский пост. Но удалось выполнить только первую часть плана: через 13 дней Мальвина сбежала из дома, прихватив лишь рюкзачок с самым необходимым...

Буратинофий

Буратино сидел на дымящихся развалинах своего казино «Поле Чудес» и плакал. Да и как ему было не плакать?..

Буратинофий (друзья его звали просто – Бурый) родился в семье простого столяра – папы Карло, бедного потомка знаменитого итальянского скульптора Деревьянки, осевшего в России ещё в Петровские времена. Папа Карло был добр, но очень беден, поэтому мама Буратинофия бросила их ещё во младенческом возрасте, сбжав с художником-прессионистом Полем Гогенидзе. Этот талантливый малый придумал новое направление в живописи: прессионизм — он первый изобразил автопортрет своего накаченного пресса и сумел продать его восторженной дамочке бальзаковского возраста в квадрате аж за 100 баксов. Теперь он всячески пропагандировал новый вид искусства, качая живот в фитнес-клубе и делая бесчисленные наброски перед зеркалом. Разумеется, мама Буратинофия не смогла устоять перед таким талантищем и бросила никчёмного сутулого Карлушу в его каморке:

— Адью! – весело сказала она на прощанье и исчезла из жизни семьи Деревьянки навсегда.

Детство Буратинофия было суровым: папа заливал горе горькой, в промежутках между запоями выпиливая забавных куколок, которые никто не покупал, поэтому добрый Карло дарил этих куколок местным ребятишкам, пряча дрожащие руки в рваные карманы куртки. Иногда он зарабатывал какие-то гроши, делая табуретки и столы, и однажды он подарил Буратино азбуку.

Буратино рано понял, что с папочкой и луковицей на обед он долго не протянет, поэтому мальчик почесал свой римский нос и принял решение: поцеловал спящего после очередного залития горя папу Карло, продал свою азбуку, папину курточку и на вырученные деньги купил свой первый пистолет...

— Всё будет хорошо, отец! Я куплю тебе не только новую куртку, но и виллу в Ницце! – сказал перед уходом сын, но папа Карло только всхрипнул в ответ.

Через несколько лет Бурый держал под своим контролем два района. Вилла в Ницце пока была ещё мечтой, но папа Карло прошёл курс реабилитации в Италии и жил теперь в неплохом домике в элитном посёлке за городом, сам же Буратинофий Карлович владел сетью итальянских ресторанов «Золотой Ключик», казино «Поле Чудес» и контролировал торговлю всех местных рынков. На ближайшие выборы в городскую Думу он выдвинул свою

кандидатуру. Казалось бы, всё развивается в нужном направлении, но начались и проблемы.

Северную часть города держал авторитет Арлекино, брутальный тип с мозгами бульдога и такой же хваткой. Слабость ума он с лихвой компенсировал большой командой братков с калашниковыми, которые развивали бизнес босса простым способом: поджогами и разборками с перестрелкой. Сначала взаимоотношения Арлекино и Бурого были хоть и натянутые, но мирные: каждый держался в своей зоне, но случилось так, что Арлекино решил стать депутатом на том же участке, что и Бурый. А это означало войну...

Началось всё с рынков: после шести перестрелок часть рынков подпала под влияние команды Арлекино. Теперь вот дымилось «Поле Чудес», вернее, оставшиеся от него головёшки. А в это казино Буратинофий вложил много и сил, и средств. Удар был очень чувствительный – и по самолюбию, и по карману.

Бурый вытер непрошеные слёзы, закусил губу и вернулся к своему красному «Феррари». «Надо развеяться», — подумал он и нажал на газ. Уже было довольно поздно, темнело. Притормозив на светофоре, Буратинофий рассеянно глянул в открытое окно и увидел девушку с голубыми волосами. Она сидела на скамейке автобусной остановки, сжавшись как птичка, и плакала...

Карабасий

Отец Карабасий сидел в пустом алтаре в любимом (архиерейском) кресле и плакал. Крупные слёзы капали в густую длинную бороду и терялись там как в дюнах. Да и как ему было не плакать?..

Его жизнь была успешной. За последние 30 лет он создал свой оазис: стал ключарём собора, что было ох как непросто: целых 8 лет он сражался за это место с ещё двумя претендентами, любимчиками архиерея, но победил. После долгой и не всегда чистой подковёрной борьбы у ног владыки враги были повержены в прах: одному пришлось спешно покинуть епархию, другой был смещён со всех постов и отправлен в хутор Кукуевка крутить хвосты поросётам. Отец Карабасий укрепился в соборе, как Саруман в Изенгарде, если позволительно такое смелое сравнение.

Был выстроен прекрасный трёхэтажный коттедж в престижном месте: в соседях были заммэра, шесть депутатов, несколько крупных банкиров и три бандита. (Хотя, возможно, бандитов было и больше, но не всегда было ясно:

кто бандит, а кто – депутат.) Бассейн, гараж с прекрасным мощным внедорожником «Тойота» для себя, «Мерседесом» для девочек и игрушечной иномарочкой «Metz» для поездок супруги по бутикам прекрасно дополняли ландшафт. Был куплен хорошенький домик на побережье Кавказа недалеко от Лазаревской, ещё один домик с садом всегда ждал его на отдых в Крыму под Ялтой.

Старший сын большого семейства ключаря давно уже был протодьяконом при соборе папеньки, имел свою великолепную квартиру — полную чашу, хороший доход с поездок архиерея по престольным праздникам — с ним всё было хорошо. Отец Карабасий очень любил служить, вслушиваясь в зычный бас сына на амвоне: «Восстаниитеее!!» — ревел протодьякон так, что дрожало паникадило.

Два других сына тоже были пристроены на славу: один уже три года как принял под своё крыло хорошенький монастырёк, полный святынь, мощей и источников. С помощью папиных соседских связей монастырь заимел дополнительных и влиятельных спонсоров. Молоко, мясо, мёд, свечи и, по необходимости, трудники регулярно поступали в распоряжение отца протоиерея от благодарного сына-игумена.

Третий был ещё молод, но уже заканчивал учёбу в семинарии и был старшим иподиаконом владыки: разумеющий да чтёт. Малый был устроен, сыт (никто так не бывает сыт и пьян, как иподиакон на очередном престольном празднике), жил с родителями и канючил себе на день Ангела «харлейчик» — свой «Сузуки» он недавно разбил, гоняясь ночью с друзьями-иподьяконами по пустынному городу.

Две старшие дочери тоже были не обижены: одна была матушкой за настоятелем крупнейшего храма во втором по величине городе епархии, а средняя по духовной стезе не пошла: она вышла замуж за банкира и жила по соседству с папенькой, что очень его устраивало.

Оставалась младшая дочь — Маланья... Вот она-то и была причиной слёз отца Карабасия. Отец протоиерей любил младшенькую, но не понимал. Он давно беспокоился за её судьбу, поэтому загодя стал выравнивать ей все стези к счастливой жизни. И мужа подобрал тщательно: со связями, но при этом слабовольного, надеясь контролировать жизнь молодых и наставлять их в нужном русле. Но Мальвина (тьфу, что за имечко она себе придумала!) никак не хотела становиться покорным комком глины в заботливых руках папеньки. С одной стороны, Карабасий радовался, что дочка с характером: «вся в меня!», но с другой — когда он однажды утром увидел её голубые

волосы и серьгу в носу, сердце папеньки не выдержало, и он схватился за плётку...

— И что ей было надо?.. — плакал, поникнув власатой гривой, отец ключарь. — Всё есть, всё будет, всё на блюдечке да с золотой каёмочкой, включая Турцию (да хоть Египет!). И вот тебе: сбежала! Только записка для матери: «Не ищите! Топиться и вешаться не собираюсь, но и жить с вашим Дурашко — хуже петли! Услышите обо мне из анонсов новых кинофильмов!» Вот тебе и анонсы: позор на всю епархию... Завистники пронюхают да владыке накапают, ох, накапают!..

В алтарь заглянул пономарь. Отец протоиерей шумно высморкался, вытер глаза, нахмурился. Надо было начинать вечерню.

Буратинофий и Мальвина

Плакучая ива нависла над автобусной остановкой и плакала. Да и как ей было не плакать?.. Она ведь — плакучая.

Мальвина устала всхлипывать, да и темнело уже, нужно было думать, где ночевать.

— Уж пристроим куда-нибудь, такую красавицу не бросим! — вдруг раздалось у неё над самым ухом, так что она вздрогнула. Рядом сидел молодой человек в светлом пиджаке, пахнущем гарью, кудрявый, носатый, приветливо улыбающийся.

— Вы вслух сказали про «ночевать», — пояснил он, — а я могу помочь. Поедем?

— Я не... — начала испуганно Мальвина. — Вы не подумайте, что я...

— Я не подумаю, что ты! — поспешил успокоить её он. — Ты совсем не похожа на них, бабочек ночных. Я вижу, что у тебя проблемы: из дома убежала?

— Ага, — опять всхлипнула Мальвина, — так и есть.

— Старая история... — вздохнул Буратино. — Поехали, я не обижу, отвезу тебя пока к папане своему, а то ему скучно всё равно одному, он только обрадуется. Тут недалеко, полчасика по трассе, там и поужинаем.

Он протянул девушке руку и снова приветливо улыбнулся:

— Веришь?

Мальвина улыbnулась смущённо в ответ и кивнула:

— Да. Хорошо, спасибо.

— Вот и славно, тогда садись, — Буратино распахнул дверку «Феррари».

Через полчаса, как Буратинофий и обещал, они уже сидели за столом в домике папы Карло около настоящего очага, ели вкуснейший ужин, заказанный по телефону из ближайшего ресторана «Золотой Ключик», болтали, смеялись, пили чай с пирожными. Буратинофий смотрел на Мальвину и думал: «Наверно, вместо «Поля Чудес» провидение послало эту милую девушку... Мне всё в ней нравится, даже серёжка над бровью. Хотя в носу — это уже лишнее».

«А он милый, — думала Мальвина сонно и умиротворённо, — добрый, заботливый. Это не семинарист тот вшивый. И папка у него такой добряк, а куколки — просто чудо! А может, Бог послал мне?..» Но что послал Бог, она не успела обдумать, ибо заснула прямо в кресле, утомлённая переживаниями сегодняшнего дня.

«Вот и славно, — растроганно думал папа Карло, накрывая девушку пледом и поправляя подушку, которую он подсунул ей под голову в кресле. — У меня не вышло — может, сыну повезёт? Буратино мой — не я, да и девушка эта, Мальвина (имя-то какое приятное, почти итальянское!) не похожа на ветреницу мою... Эх, пусть всё сладится у них! Может, судьба послала нам её, чтобы и Буратино остепенился, а то слишком сумрачный последнее время: постоянные звонки, ночные отъезды, тёмные личности в «БМВ»... Дай-то Бог, дай-то Бог!»

Деревьянки

Артемон или попросту Артёмка, третий сынишка Буратинофия и Мальвины, сидел на коленях у бабушки Карло и плакал. Да и как ему было не плакать?..

Папка сегодня вернулся снова злой, как чёрт, и выпорол его за невинную шалость: Артёмка играл с братьями в ограбление и стоял на стрёме. Когда папа входил в дом, то Артёмка, как было велено старшими, которые чистили папин шкафчик с патронами, закричал: «Шухер, братва, менты позорные, рвём когти!!» Он был немедленно схвачен, зажат между коленями и смачно выпорот. И за что — ведь так полагалось по игре?.. Артёмка ёрзал на коленях бабушки, растирая слёзы, а бабушка баюкала его и показывал новые фокусы с деревянными куколками.

Раздражённый Буратинофий прошёл в кухню. Мальвина делала сразу три дела: мыла посуду, следила за супом и за котом, норовившим стянуть мясо со стола. Буратино сел на стул рядом с женой и обхватил голову руками.

Впору было заплакать, но не пристало ему раскисать в присутствии домочадцев.

Ситуация была аховая. Несмотря на то, что он всё-таки пробился в депутаты со второго раза (первые выборы выиграл конкурент), оттеснив Арлекино на последних выборах путём тонких махинаций в избиркоме, но срок его пребывания в официозе заканчивался на следующей неделе, а с ним и депутатская неприкосновенность. Сеть ресторанов тоже была потеряна: тут виной был не только Арлекино, хотя и он приложил руку (вернее, деньги и стволы), но, в первую очередь, проблемы с банком, неожиданно отказавшем в кредите и поставившим его на грань банкротства. Рестораны были проданы наспех за гроши, рынки давно уплыли в руки Арлекино, казино сгорело несколько лет назад. Всё, что у семьи Деревьянки оставалось – это коттеджик папы Карло, где они и жили теперь вшестером: трое сыновей с утра до ночи носились по этажам и саду, играя в «реальных пацанов» и «забивая стрелки», грозно размахивая рогатками...

«Феррари» тоже давно уплыл: лишь скромная «ауди» ещё оставалась у семьи да небольшой загашник на чёрный день. И друзья отвернулись от Бурого, нет больше, по сути, Бурого, остался один усталый, почти бывший, депутат Б. К. Деревьянки, растерявший и связи, и влияние, и деньги.

Оставалась лишь семья. У Мальвины тоже не сложилось, что мечталось: карьера актрисы умерла на стадии зародыша. Конечно, в начале их семейной жизни Буратинофий практически решил вопрос с Таганкой, поговорив с кем надо и позолотив ручку, но Мальвина вышла лишь на несколько репетиций, а ближе к премьере её увезли в больницу на сохранение. Родился первый мальчишка, потом второй, потом третий. Голубая краска давно смылась с головы несостоявшейся актрисы, серёжки тоже перекочевали на их естественное место: на мочки ушей. Юбка стала приличного, «тёткинского», вида, да и вообще, гены взяли своё: Мальвина стала тихой и незаметной, начала водить своих мальчуганов в ближайший поселковый храм, причащать их.

Дедушка Карло тоже подтянулся вслед за любимыми внуками и невесткой, покрестился на старости лет, из Карла став Карпом. Мальчишки часто его поддразнивали, обещая съесть, пожарив, но дедушка не обижался, а сам шутил в ответ.

Буратинофий не препятствовал семье. Сам он в церковь не ходил, предпочитая надеяться только на себя, но пару раз, ещё в пору силы и

влияния, помог местному храмику покрыть крышу и поставить новые титановые купола.

Но теперь он почему-то почувствовал потребность сходить в храм: «Может, попа позвать дом освятить? Вдруг, удача вернётся?..» Но в местный храм не пошёл: попик там был молоденький, говорливый и какой-то несолидный. Буратино, ничего не сказав жене о своих планах, пообедал и вновь сел за руль. Была не была, подумал он, подруливая к кафедральному собору...

Буратинофий и отец Карабасий

Попрошайка Федя сидел около святых врат собора и плакал. Да и как ему было не плакать?.. Работа у него была такая – вызывать к себе жалость для пущей доходности. Вот и сейчас: Федя увидел, как из «ауди» вылез хорошо одетый, солидный молодой мужик с грустным лицом и направился к собору. Попрошайка тут же спрятал бутылку и стал жалобно канючить, натренировано размазывая грязные сопли по хитрой физиономии. В пластиковую коробочку из-под «Доширака» упала сторублёвка.

— Бог тебе в помощь! Пусть вся семья твоя будет здорова! Помогите, Господи!
— радостно и привычно заголосил Федя вслед благодетелю, затем, довольный, вытер остатки слёз и достал бутылку.

Отец Карабасий вышел из трапезной, стряхивая крошки хлеба с бороды. По двору неприкаянно бродил приличный молодой мужчина в дорогом костюме. «Надо познакомиться», — намётанным глазом определил отец ключарь и, радостно улыбаясь, как будто встретил старого друга, пошёл навстречу.

— Здравствуйте! — загудел отец Карабасий, подходя к Буратинофию (а это был именно он). — Что-то хотели? Может, авто своё освятить? Так мы мигом! Кстати, я — отец Карабасий, ключарь собора, а Вы?..

Буратинофий ничего не понимал в тонкостях поповских рангов, для него «ключарь» звучало вроде «ключницы», старушки-экономки, которая в книгах о старине носила связку амбарных ключей на поясе. Поэтому он представился просто:

— Буратинофий Деревьянки, депутат городской Думы.

Мозг отца протоиерея сразу заработал на полную: «Ага, депутат! Надо потеснее с ним пообщаться – глядишь, сторицей окупится!»

— Может, чайку? — предложил отец ключарь. — А то и с капелькой коньячка? Вижу, у Вас проблемы? Обсудим, посидим — не торопитесь ведь?

Буратинофий удивлённо пожал плечами:

— Да я это, хотел насчёт дом освятить...

— Сделаем! – уверенно мотнул головой Карабасий. – Сейчас чайку, а потом поедем: я и поеду, всё равно все требные уже разбежались.

Он увлёт Буратинофия к себе в кабинет, позвал секретаршу:

— Чайку нам, Ниночка, ну и там, к чаю что полагается – ну, ты сама знаешь! – ласково сказал отец Карабасий прибежавшей красавице.

Карабасий с Буратинофием беседовали о жизни целый час. Потом осветили «ауди», взяли всё необходимое для освящения дома, сели в машину и покатали.

Деревьянки и Барабасенко

Базилио, рыжий кот семейства Деревьянки, сидел на ветке яблони и плакал. Да и как ему было не плакать?.. Ему только что наступил на хвост здоровенный бородатый мужик с крестом на пузе, входивший в дом вместе с хозяином.

Дедушка Карло ползал, кряхтя, по ковру, изображая из себя лошадку. Артёмка восторженно кричал: «Тпрууу!» и пытался с разбега оседлать сивого дедулю. Два старших резались в шашки, сидя прямо на проходе у лестницы.

В это время в дом зашёл отец, а с ним незнакомый огромный батюшка с такой длинной бородой, какую мальчишки видели только у деда Мороза, каждый год приносившего им подарки. У священника в их посёлке бородка была – одно название, лёгкий всклокоченный пушок над губой и на подбородке. А у этого – борода лежала мощной волной на ещё более мощном аналое, т.е. животе.

— А ну, посторонитесь-ка, — сказал Буратинофий, — дайте пройти нам с батюшкой. И поздоровайтесь!

Мальчишки вскочили, рассыпав шашки:

— Здрасьте! – хором выпалили оба.

Отец Карабасий погладил их по вихрам:

— Хорошие мальчишки какие! И умницы – в шахматы играют!

— Где мама? И дедушка? – спросил Буратинофий. – Позовите их, сейчас будем дом освящать.

Пацаны разбежались в поисках родных. Мальвина как раз заканчивала стирку (стиральная машинка очень некстати сломалась пару дней назад). Она с трудом разогнула затёкшую спину, когда в комнату ворвался старший сын.

— Мама, мама! Пошли скорей, папа зовёт: щас будем дом посвящать! — потянул её сынок за руку.

— Что? — не поняла мать. — Дом посвящать? Это как? Ты о чём?

— Папка батюшку привёл! Такого толстого, огромного, бородача — во! — сияя, объяснил сын. — Пошли!

Удивлённая Мальвина глянула в зеркало, попыталась поправить растрёпанные волосы, смыла остатки пены с рук, сбегала в спальню сменить халат на более приличный и спустилась вниз, где собралась уже вся семья.

Внизу, в гостиной, стоял столик с большой чашей воды, лежали свечи, кропило. Спinoй к Мальвине стоял очень крупный священник со странно знакомой гривой...

— А вот и мама наша пришла! — закричал Артёмка.

Священник обернулся. Мальвина охнула и осела.

— Дочка... — только и вымолвил отец Карабасий и выронил требник.

Прошло полгода. Семьи Деревьянки и Барабасенко сдружились. То Деревьянки приезжали в гости к родителям Мальвины, то те отвечали визитами. Барабасенки часто забирали к себе мальчиков и не могли нарадоваться на внуков.

Отец Карабасий любил посидеть на веранде с папой Карло и за чашечкой коньячка обсудить с ним разные вопросы искусства, а также будущее внуков. Летом все вместе съездили на отдых в поместье Барабасенок под Ялтой.

Однажды вечером Буратинофий пришёл домой в приподнятом настроении. Он подошёл к жене, которая протирала посуду, и, загадочно улыбаясь, чмокнул её в щёку. Мальвина вопросительно взглянула на него.

— Ты знаешь, дорогая, — начал Буратино, — я долго думал и решил... стать священником!

Чашка выпала из рук Мальвины и разбилась...

НАШЕСТВИЕ ПОКЕМОНОВ

Владыка Исполатий, архиполит Междуудинской епархии положил трубку телефона, почувствовав уколы в сердце: звонок был из Патриархии, информация была предынфарктной.

Через час все благочинные и руководители отделов были собраны на экстренное заседание епархиального совета. Перед началом собрания владыка неожиданно предложил всем спеть акафист архистратигу Михаилу со всеми Небесными Силами. «Что-то страшное грядет, — подумал каждый благочинный, старательно выпевая: — Рáдуйся, боговенчáнных глав неусыпный охранителю; рáдуйся, противлýющихся влáсти, я́ко Бóжию повелéнию протівящихся, скóрый низложителю. Рáдуйся, усмирителю наро́дных треволнéний...»

— Отцы! — начал громовым гласом владыка Исполатий свою речь. — Беда пришла! Только что сообщили сверху: на нас грядет нашествие... покемонов! Избавь нас, Боже, от демонского искушения!

Отцы благочинные заозирались и начали перешептываться: «Пакимоны? Это что? — не знаешь, батя? Или кто?» Один, самый толстый и самый смелый, отец Добропузий, озвучил это вслух:

— Владыка святой, а кто это такие — пакимоны? Как они выглядят и в чем их опасность?

— Точно не говорят, — развел руками владыка, — но по приметам они вроде бы желтые, круглые. Говорят, с хвостами. Бегают повсюду, и даже, — голос архиполита задрожал, — в храмы проникают!

«Бесы! Точно бесы! — загудели отцы игумены, главные знатоки искушений. — Ищут, кого поглотити! Аки львы — те тоже желтые и с хвостами! Последние времена, Господи!»

— Времена последние, — подтвердил владыка, — но действовать надо сейчас — четко и незамедлительно, во славу Божью. Поэтому вас и собрал: надо организовать защиту святынь, оградить стадо мирянское от волков желтохвостых, не допустить поругание храмов! Думайте, отцы, предлагайте меры!

Молодой руководитель епархиального отдела по общению с обществом (ООО) отец Академ склонился над ноутбуком, строча обращение к лаикам:

«Дорогие братья и сестры! Трансцендентная благодать нашей еkkлeсии подверглась экзистенциальным беспричинным следствиям: инфернальные

сущности – покемоны, имеющие следующие субстанциональные признаки: желтизну, квадратуру круга и заднюю протяженность неопределенной длины – проникли из небытия в бытие, тем самым...»

Через полчаса выпускающая редакторша православной газеты «Эхо Духа», качая головой и пришептывая ругательства («нупаситебягосподи, отецакадем, кадиломтявзад!»), переписывала воззвание к пастве:

«Дорогие братья и сестры! Стойте в вере и держите предания! Молитвой и постом избегайте искушения в виде всего желтого, круглого и хвостатого! Ибо близок Конец и паки сатана рыкает! Идите в храмы, укрывайтесь за рясами ваших духовников, пойте молебны, бейте в колокола – известно бо, что звон колокольный очищает воздух от бесов, микробов и покемонов!..»

Протоключарь собора отец Мордарий раздавал команды направо и налево. Казаки станицы «Соборная», приписанные к этому храму, были отряжены патрулировать окрестности. Младшие священники были поставлены в череду: служить литургию со специальной молитвой на просительной ектении:

«Паки и паки, молимся Тебе, Господи Всемогущий, всеведущий и сильный, и просим: избавь церковь Свою, храм сей, настоятеля сего, клир сей, хор сей, родню сих, родню родни сих до седьмого колена и восьмого локтя, прихожан сих от напасти и искушения пакимонского! Ввергни во ад нечисть желтую и округлую, задуши егоже хвостом бесовским, пошли архангела Твоего Михаила и Комитет Следственный в защиту нас, сырых и убогих!»

После литургии прихожане с отцами пошли крестным ходом, но не как было принято раньше: посолонь, а крестом восьмиконечным, хотя и путались сначала, забывая, где повернуть, чтобы крест вышел истинным, спасительным. Ведь солнце было круглое и желтое, хвоста, конечно, не было, но во избежание искушения решили не искушать.

В женском монастыре стоял вой и рев: матушка игуменья Непростинья провела тотальную чистку рядов сестер и послушниц, а заодно и трудниц, ибо известно святым отцам, что все зло начинается с баб. Матушка игуменья родилась в монастыре, поэтому себя бабой никогда не считала.

Из обители были выгнаны три рыжие послушницы. Одна светловолосая монахиня, регент с дивным голосом, была обрита наголо и оставлена на

покаяние. Все круглолицые также были изгнаны, все хвостатые – обстрижены, а хвосты торжественно сожжены. Во время обысков не обошлось без конфуза: у одной доверенной сестры были найдены желтые трусики, которые мать игуменьи без сомнения конфисковала, а сестра была переведена навеки в свинарки.

В городе начались погромы. Первыми пострадали продавцы воздушных шариков: желтого, круглого и с хвостами у них было предостаточно, поэтому православные активисты нападали на них и уничтожали все запасы шариков, любого цвета.

В зоопарк ворвался казак, недавно вернувшийся из очередной поездки по защите братьев от фашистов, и перестрелял из автомата всех львов, ягуара и зачем-то жирафа.

На улицу боялись показываться буддисты, кришнаиты, китайцы, вьетнамцы, буряты, рыжие, голубые с крашеными перекисью патлами, владельцы золотистых ретриверов и многие другие. Рыжие коты сидели по подвалам и выбирались пожрать только ночью.

Во всех светофорах перебили желтый сигнал. Все лавашные срочно перестроились и стали печь квадратные лавашки из ржаной муки.

Любая одежда желтого цвета вызывала подозрение. Когда один блогер-атеист указал в фейсбуке на желтые купола, колокола и облачения, его тут же вычислили, избили и завели уголовное дело, а в кафедральном соборе он был торжественно предан анафеме.

Ленька, юный пономарь кафедрального собора, пришел на раннюю литургию самым первым. Он вошел в пономарку, осторожно заглянул в алтарь.

— Никого, вылазь, — шепотом позвал Ленька. Из старого кадила показалась мордочка Пикачу. — Я тебе покушать принес. Поешь, а то скоро служба начнется.

Веселый Пикачу вылез полностью, уселся на табуретку и стал уминать ватрушку, болтая ножками и помахивая хвостом. Ленька почесал того за ухом — Пикачу любил ласку.

— Ну всё, пора, — приказал Ленька, — лезь обратно и сиди тихо. Не пищи, как вчера, а то кота заведут – мышь ловить.

Пикачу проворно шмыгнул обратно в кадило, шкодливо улыбаясь. Ленька поправил кадило, на котором было порвано две цепочки, поэтому его никогда не использовали. И улыбнулся.

ОДНАЖДЫ В ТЪМАТАРАКАНИ

Пролог

В Тьматараканской епархии есть всё. Есть свой, персональный, архиереюшка, есть два, гм, ну, не то, чтобы совсем гОрода, но есть главный кафедральный рабочий посёлок Тьма и второй по кафедральности, но уже не посёлок, а станция Таракановская. Ещё есть 12 приходов на 5 священников, из которых двое – благочинные, а один – просто секретарь и наперсник владыченьки. Как и положено всякой уважающей себя и Патриархию епархии, есть печатный орган – листок «Свет во Тьме».

Также есть в епархии и соответствующие отделы по работе с населением и входящей-исходящей информацией. Но отделов в век тотальной миссии должно быть много, а вот свободных от благочинства и наперсничества отцов всего лишь двое, поэтому пришлось изловчиться и объединить некоторые отделы в один. Так, отец Тихик заведовал миссионерско-молодёжно-социально-педагого-информационным отделом, а полицией-тюрьмой-армией-депутатами заведовал другой неблагочинный поп – отец Стратон, старый прапорщик, исправный по строевой части. Помимо заведывания отделом, на отце Тихике было шесть деревенских приходов и обслуживание экстренных нужд кафедрального протопопа – отца Евхимона, то бишь: служба и требничанье вместо того по одному щелчку державных пальцев.

Отец Тихик был ещё молод: служил только третий год, был полон сил, задора и креативных идей, благо, закончил он столичный Литинститут с отличием, знал три языка и басни Эзопа наизусть в оригинале. Поэтому одной из последних и роковых идей отца Тихика был литературно-миссионерский клуб «Тьма тем».

Заседание

Отец Тихик сидел, откинувшись в удобном кресле, выстукивая негромко нервный ритм по подлокотнику. Сегодня было уже пятое заседание лит-

мисс-клуба. Миссионерский эффект превзошёл все ожидания: мало того, что на собрания клуба с каждым разом приходило всё больше православных поэтов и прозаиков Тьмы — начали приезжать даже таракановцы. Уже на первом заседании он выслушал тридцать шесть духовных стихов, один план переустройства России в Святую Русь, три доклада на тему «Почему перевод богослужения на русский язык будет способствовать воцарению Антихриста». И это не считая прочего духовного гомона, ора и благогона.

Дальше было ещё духовней: на втором собрании литераторы приняли резолюцию, осуждающую всё западное и недуховное: детективы, триллеры, фэнтези, комиксы, Дэна Брауна, Джоан Роулинг, Госдеп и Голливуд. Решили собирать подписи по всей епархии, чтобы подать президенту петицию о предоставлении телеканалу «Союз» отдельного спутника для вещания на весь мир.

На третьем собрании было чуть спокойнее: праздновали дни рождения трёх членов клуба. Было съедено много тортов, конфет, выпиты литры чая, поэтому из духовного преобладали лишь канты о Царской семье и грядущем монархическом возрождении России, поемые под гитару местным бардом.

На четвёртом собрании отец Тихик попытался было взять инициативу в свои руки и начал рассказывать собравшимся о Гомере, гекзаметре и прочей трагедии. Но с его стороны было жестокой ошибкой упомянуть про «песнь козлов». Лица православной общественности стали строги, как у инквизиторов, разглядывающих греховную наготу Жанны Д'Арк.

— Батюшка, — подняла руку одна из духовных поэтесс, Евлампия Титовна, особа пенсионного возраста и ужасающего благочестия, — но ведь сие грех и соблазн православным! Каким ещё «козлам» песнь?! Бесовщина это, как есть бесовщина! У кого рога козлиные? — у него, сердешного, у самого сатаны-то! Да и Гомер этот ваш, небось, нехристь окаянный — разве можно нашим детям такое учить?!

Отец Тихик замялся и набрал воздуха в лёгкие, но вместо него вступила в дискуссию Алла Петровна, заведующая детской библиотекой, недавно воцерковившаяся и уже побывавшая в трёх паломничествах по монастырям:

— Да-да, батюшка, это ведь беда прямо! Детей страшно в библиотеку пускать стало: ведь на каждой полке грех! То Гофман, то Шарль Перро, то ведьмы, то вурдалаки, то хоббиты изо всех щелей на наших детей лезут! Всюду колдовство, всюду Гарри Поттер, тьфу, да гадкий Питер Пэн! Как

убережь детей от разврата, где найти спасение?! Мне и старец Заумий из скита Недопитой Чаши то же прорекал: мол, все дети болеют от покемонов!

Отец Тихик судорожно дёрнул руками и привстал с кресла: огромный кот Васька, уютно дремавший у него на коленях, вздрогнул, испуганно заозирался, спрыгнул и исчез под креслом.

— Но ведь мировая литература, классика, фольклор... — было залепетал отец Тихик, но не смог продолжить начатое, чувствуя, что сейчас он так сильно уронит свой пастырский авторитет, что никакие воды Стикса не оберегут его пяток от палящих стрел праведного гнева клубных златоустов.

Он решил не испытывать судьбу, поэтому на пятое заседание пригласил из самой что ни на есть столицы маститого литератора, классика современной духовно-православной прозы, отца Мелитона Добренькова, автора нашумевших бестселлеров: «Я и старец Нафанаил», «163 способа одолеть беса», «Антихрист не пройдёт!», а также несчётного числа духовных романов, рассказов, поэм, поучительных сказок и од в честь архиереев.

Отец Мелитон умел держать аудиторию в отеческих руках и в экстазе: он благосклонно выслушал два духовных стихотворения, поправил кое-где богословскую рифму, сам прочитал свою последнюю поэму «О, как люблю я созерцание Фавора!», а также пару глав из нового романа «Иподьякон-экзорцист». Публика слушала, открыв благоговейные рты, внимая высокому слогу мастера. Только отец Тихик почему-то дёргался, постукивал карандашом и то и дело смотрел на кота Ваську. Тот лежал с невозмутимым видом на шкафу, поводя ушами и сверкая зелёным глазом то на отца Мелитона, то на Тихика.

Когда в аудитории началась дискуссия о вреде сказок и прочего волшебства для подрастающего поколения, отец Тихик выскользнул за дверь, чтобы глотнуть свежего воздуха и сдержать свои нелестные замечания в адрес маститого собрата и его творчества. Когда он вернулся, то застал самое важное:

— Отец Мелитон, дорогой Вы наш! — сыпались со всех сторон восторженные предложения. — А возьмитесь-ка написать эталонный православный роман! Чтобы всё в нём было на пользу, духовно, премудро и спасительно! Заткнём, так сказать, за пояс всяких там Толкинов и Булгаковых, не к ночи будут помянуты!

— Что ж, — благодушно шевелил бровями мастер, — можно и написать: подкидывайте идеи!

— А вот про старца-схимника!.. Как Антихриста победили!.. И святая Русь возродилась, а все остальные в тартарары провалились со своими геями треклятыми!.. И чтоб Царь-батюшка и булшныи вместо супермаркетов!.. И чтоб ангел обязательно, с белым крылом и трубой серебряной!.. И Афон, и Почаев вознеслись на небеса!.. А девочка Варенька пусть встретит Коленьку, а потом он исцелеет, а у них будет восемь детушек и духовник-архимандрит!.. И конечно, любовь, как у Петра и Февроньи!.. И...

Отец Мелитон быстро черкал в блокнотик заказы и кивал, бубня себе под нос:

— Угу, угу, правильно, будет и ангел, угу... И детушки, без них никак, не продать тираж-то...

Наконец литераторы, окружив заботливой толпой своего духовного вождя, вышли во двор. Отец Тихик посмотрел им вслед, потом что-то сказал на древнегреческом и сплюнул, а затем хлопнул дверью так, что задрожали стеклопакеты в евроокнах приходского дома.

Мастер

Отец Мелитон припарковал свой Лексус около собора, где имел удовольствие быть настоятелем. Зайдя в храм, он благочинно приложился к чудотворной иконе, похлопал бабу Марью, ковырявшую подсвечник, по плечу, что-то пошутил насчёт её цветущего вида. Войдя в алтарь, он негромко гыкнул:

— Косьма! Подь сюды!

Из пономарки тут же высунулась лохматая и закопчённая голова алтарника Кузьмы:

— Туточки я, отченька! Дымоход прочищаю!

— Потом прочистишь – сначала дело! – в голосе отца Добренькова звякнуло железо, как вериги на анахорете. Пономарь выскочил к стопам начальства, на ходу обтираясь ветошью и кланяясь в пояс:

— Благословите, отченько!

— Благословлю – как вот это справишь! – и отец Мелитон протянул алтарнику блокнотик: — Видишь тезисы? Нужен роман, страниц эдак на 700, по этим пунктам, ну и всё как обычно, но ещё лучше – превзойди, так сказать, самого себя! – мастер хохотнул. – Месяц даю, ни днём больше. Ну?

Косьма упал в ноги:

— Смилуйся, батюшка! Хоть дней 45 дай! Пока корректура, редактура, да Издатсовет! Батюшка, не от меня ведь зависит!

— Месяц! — отрезал отец Мелитон. — Издатсовет на себя возьму, у меня там уже давно всё... хм, в общем, забудь про Издатсовет. Принимайся за работу, — мастер осенил припавшего к его сверкающим итальянским, ручной работы, туфлям алтарника небрежным крестом, — да и дымоход дочисть, а то архиерейская завтра...

И великий прозаик неспешно покинул алтарь, вышел из храма, сел в чёрную колесницу и уехал в свой загородный дом, нажитый непосильным трудом.

Косьма тоже вышел во двор, проводил взглядом удаляющийся Лексус, сплюнул, почесал вихры, затем достал планшет из заднего кармана и стал задумчиво тыкать в экран неотмывающимся пальцем.

Эпилог

— Отец, да не кисни ты из-за пустяков! — Васька прихлебнул ароматно дымящийся чай из чашки, расписанной под хохлому китайцами, и разгрыз баранку жёлтыми резцами. — Вот, думаешь, мне в Лукоморье легко было? Тоже дураков полно приходило, на учёного кота посмотреть. Знаешь, какой у них любимый вопрос был после моей лекции о диалектике мифа? — «А Куклачёв где?..» — кот фыркнул возмущённо, так что брызги горячего чая разлетелись вкуче с крошками баранки во все стороны. — Я поэтому и уволился оттуда, стал приходским котом: тут хоть и кормят не айс, но уважают, гладят и разрешают на батареях валяться. А теперь вот и с интеллигентным человеком поболтать могу, — Васька отсалютовал чашкой Тихику, — об умных материях. Вот ты вчера сказал про Шопенгауэра...

Отец Тихик обречённо махнул рукой:

— Да пёс с ним, с Шопенгауэром! Мне с этими, тьфу, литераторами, теперь каждую неделю встречаться! А ещё православная молодёжь по вторникам... — и он совсем поник, тоскливо помешивая ложечкой «принцессу Нури» в чашке.

— Даа, молодёжь, сочувствую... Эх... — Васька отставил чашку и дружески похлопал Тихика лапой по плечу: — Давай тогда во утешение, по красовулечке?.. Ну, наливочки той, с архиерейской осталось ведь ещё?..

Отец Тихик вздохнул и пошёл в кладовку за наливкой. Через час два друга уже сидели, весёлые, на крыше приходского дома и горланили антифонно «Илиаду» по-древнегречески.

— Дядя Кузя, дядя Кузя! – слышалось за дверью сторожки.

Кузьма вышел за дверь и еле успел подхватить на руки Наташку, пятилетнюю внучку бабы Марьи:

— Ага! – весело заворчал он, обнимая хохочущую подружку. – Явилась, не запылилась! За чем пришла, барышня? – строго нахмурил брови старый пономарь. – По делу, аль по безделью?

— По делу, дядечка, по делу! – радостно заверещала Наташка. – Сказочку, сказочку хочу!

— Ишь ты, сказочку! – улыбнулся лукаво в усы дядя Кузя. – Ну, коли так – пошли, егоза.

Они вошли в дом. Кузьма по обычаю запер дверь, закрыл жалюзи на окне.

— Сказочку, сказочку! – опять запищала Наташка. – К бабе Яге и Кощею Бессмертному!

— Ну, как скажешь, милая, – Кузьма полез под кровать, достал оттуда невзрачный сундучок, поставил на стол и открыл его. Яркий, но нежный голубой свет озарил их лица.

— Готова? – серьёзно спросил дядя Кузя.

— Да! – выдохнула восхищённо Наташка.

Они взяли за руки, прошептали два слова и исчезли, растворившись в дрожащем тумане...